

Илана Городисская

Аттестат зрелости

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Илана Городисская
Аттестат зрелости

«Автор»

2018

Городисская И. П.

Аттестат зрелости / И. П. Городисская — «Автор», 2018

Престижная школа. Выпускной класс. Шестеро лучших друзей: трое юношей и три девушки. Их беззаботные и благополучные подростковые будни. Однако под внешним благополучием кипят нешуточные страсти, которыми вымощена дорога в самый ад. Всем шестерым предстоит пройти долгий и опасный путь, в конце которого каждый станет самосознательной, зрелой личностью, хотя и заплатит серьезную цену за свое "взросление". Содержит нецензурную брань.

© Городисская И. П., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Первый семестр	6
Глава 1. Неразлучная шестерка	6
Глава 2. Влюбленные	16
Глава 3. О платьях и о личной жизни	25
Глава 4. На вечеринке	34
Глава 5. Третья пара	44
Глава 6. Волна и камень	53
Глава 7. Соблазн	58
Глава 8. В "подвале"	69
Глава 9. Ссора	80
Глава 10. Комедии положений	93
Глава 11. Разоблачение лиат	106
Глава 12. Близкие люди	117
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Илана Городисская

Аттестат зрелости

Посвящение

Это – книга моей и друзей моих судеб,
Где описан любой незначительный штрих.
Это – сказ обо всех расстающихся людях,
Беззаветно влюбленных в себя и в других.

Это – канувший мир «ненормальных» подростков
В алтарях ложных правд и циничных богов.
Это – путь всех и каждого к личному росту,
И бои за разрыв гнущих книзу оков.

Это – поиск себя и разочарованья,
Крик, застывший внутри, и слеза, что ушла.
Это – суть, у которой десятки названий,
Белотканый ковер из житейского зла.

Это – просто все то, что пережито было,
Только соус приправлен **чрезмерно**. И все ж,
Это – память, в ее первобытнейшей силе,
Та, что в сердце своем никогда не убьешь.

И. Г.
13 августа 2008

Первый семестр

*Двухконцовую ветвь перегнули,
Переполнив обидами грудь.*

И.Г.

Глава 1. Неразлучная шестерка

Резкий звонок будильника нарушил сон Галь ровно в семь утра. В это время она обычно всегда просыпалась в школу. Однако девушка еще долго медлила вставать. Она отвыкла от ранних подъемов за летние каникулы. Кроме того, вчера она поздно засиделась у Шахара, своего друга, вернувшегося из поездки по Европе.

Казалось бы, с этой встречей можно было подождать до сегодняшнего, первого учебного дня их последнего школьного года, а не кидаться в объятия вновь прибывшего сразу же после того, как тот только сошел с трапа самолета. Но нетерпеливое пылкое сердце, истомленное разлукой, не выдержало, жгучее желание первой послушать рассказы юноши зачеркнуло важность всех других дел, и Галь уже вчера оказалась с ним за ужином и в постели. Теперь ее одолевала сильная сонливость. Теплая, спокойная утроба кровати притянула ее, как магнитом, а грозный рокот моторов стоящих в длинной пробке машин под окнами ее дома отнимал всякое желание начинать этот день.

Само же утро нынешнего дня выдалось на редкость серым. Вот уже несколько суток погода стояла страшная: днем пекло, как огнем, ночью тоже было абсолютно нечем дышать, и все потому, что сухой раскаленный воздух был насыщен песком и пылью, которые затянули небо гигантской пеленой. Лучи солнца, прорезавшие эту серую пелену, имели болезненную бледно-желтую окраску, и светили каким-то странным, ломанным светом, словно солнца вовсе не было на небе.

Бессильная борьба Галь с давящей погодой и собственной усталостью в любой момент могла завершиться победой сна. С каким наслаждением она сейчас осталась бы в своей затененной опущенными жалюзиами комнате, забыв о начале нового учебного года! Но, наконец, она резко вскочила на ноги и стала собираться.

В любых подобных ситуациях ее выручали ее резвость и небрежность. Вслед за торопливым умыванием прохладной водой последовала недопитая чашка кофе с молоком, постель так и осталась скомканной, ранец и одежда, в которой она была лишь вчера вечером, наспех накинуты на тело, а косметику Галь прихватила с собой. Хотя такой девушке, как Галь, косметика была нужна разве чтоб только подчеркнуть природную красоту.

Галь Лахав, этим летом отпраздновавшая свой семнадцатый день рождения, находилась в самом расцвете своей привлекательности. Она была среднего роста, изящная, с прекрасными формами, гордой осанкой и с ровным золотистым загаром на светлой коже. Ее выразительное лицо было наделено правильными тонкими чертами: слегка округлым подбородком, пухлым ртом, ровным носиком, ямочками в выемках щек и большими глазами насыщенного голубого цвета. Темные волосы девушки были густыми и пышными, словно меховая шапка, хоть и довольно коротко подстриженными.

Свою внешность Галь унаследовала от отца, но лишь это их хоть как-то связывало. Отец оставил ее с мамой, когда она была еще маленькой, и Галь ненавидела его за это. С тех самых пор от него не было ни слуху, ни духу, и только алименты продолжали исправно поступать в их скромный семейный бюджет. Мать Галь, Шимрит Лахав, так и не вышла больше замуж, и единственная дочь всегда жила в тени ее истории. Она считала поступок своего отца в высшей сте-

пени эгоистичным и подлым, не вдаваясь в причины, и старалась как можно реже вспоминать о его существовании. В конце концов, ее жизнь была не так уж и плоха, и это мягко сказано!

Несмотря на то, что у нее не было родных сестер и братьев, Лиат Ярив, свою ближайшую подругу и поверенную всех тайн, Галь считала своей сестрой по духу. Они подружились в первом классе начальной школы и прошагали рука об руку все школьные годы. Сейчас обе заканчивали привилегированную школу, считавшейся одной из лучших в городе, куда поступили в седьмом классе наряду с детьми из очень хороших, богатых семей и круглыми отличниками. Там у них было много приятелей и приятельниц, однако только Шели Ядид, их новая соученица с седьмого класса, сумела найти с ними общий язык и стать обеим не менее близкой подругой.

В том же самом седьмом классе двенадцатилетняя Галь встретила с Шахаром Села, и влюбилась в него всеми силами своей необузданной души. В скором времени ее "принц на белом коне" стал отвечать взаимностью на ее чувства, и этой осенью они собирались отмечать уже пятую годовщину их романа. Галь обожала своего друга и видела в нем мужчину всей своей жизни, хотя никакого другого мужчины помимо Шахара в ее жизни до сих пор не было, и, согретая его любовью, словно целенаправленно игнорировала похотливые взгляды других ребят, бывало, ласкавшие ее стройные ноги и торс. А заглядывались на нее многие! Слишком многие!

И талантом природа ее тоже не обделила. Галь любила делать коллажи, заниматься оформительством и фотографией, и ее работы часто вывешивались на доске возле школьной администрации. Учителя симпатизировали ей, а их классная руководительница Дана Лев помимо всего выделяла ее среди прочих за этот талант.

В силу всех своих, как ей казалось, благоприятных обстоятельств, Галь выросла обаятельным, милым ребенком, открытым и непосредственным, чистым и солнечным, глубоко верующим в любовь к себе своих друзей и близких, и платившим им любовью.

Мысль о встрече с дорогими друзьями после долгого перерыва поддерживала в полусонной Галь, медленно трящейся в переполненном автобусе, искорку бодрости. В летние каникулы их разбросало кого куда, и встретиться всем вместе у их компании почти не получалось. Одна лишь поездка Шахара продлилась больше двух недель. Зато сегодня она их всех обнимет, расцелует, и с упоением послушает, как каждый провел свой отпуск.

Ей самой было о чем рассказать! Недавно, на пляже, некий фотограф, по-видимому находившийся там в поисках своих потенциальных моделей, заметил ее, плескавшуюся у самого берега, и предложил сняться. Галь восторженно согласилась, и с удовольствием попозировала профессионалу, который не обманул, и оставил ей свои координаты с тем, чтоб она выбрала себе парочку фотографий из всей серии. Но Галь остановилась на одной, наиболее яркой, и заказала с нее несколько копий.

И вот, пакет со снимками лежал в ранце, и нынче вся компания оценит как она позировала бирюзовом бикини и набедренной повязке того же цвета, возлежа у самой кромки прозрачной воды. Неординарное будет зрелище! Лиат, несомненно, лопнет от зависти, рассыпаясь в комплиментах. Шели и ее парень Хен наверняка начнут со смехом разбирать по кусочкам ее купальник, артистичное выражение лица и позу. Шахар просто поглядит и с присущей ему сдержанностью скажет: "красиво!", зато потом, наедине, когда она преподнесет ему одну из копий в подарок, он выскажет ей свое восхищение другим способом. Что же касалось Одеда, этого «лопуха» и скромника, то о его реакции Галь даже не задумывалась, хотя была уверена, что снимок ему понравится. Ведь иначе и быть не могло! И, в предвкушении своего маленького триумфа, Галь широко улыбалась довольной улыбкой.

Чем было ближе к школе, тем сонливость девушки все больше проходила. Она радовалась скорой встрече с любимыми друзьями, и для них подводила сейчас, в душном транспорте, глаза, ресницы, красила губы, причесывалась. Ей хотелось войти в класс, как всегда, неотра-

зимой. Возможно, это даже хорошо, что она немного задерживается – ведь они, все пятеро, вероятно, уже будут в сборе, в ожидании ее одной. Ждать ее, бесспорно, будет также и место в классе: в заднем ряду рядом с Лиат, по многолетней традиции, которую не смог изменить даже Шахар. А впереди их ожидал целый учебный год, – последний школьный год, – который непременно будет для них жарким, как сегодняшняя погода, и незабываемым, как самые страстные мгновения жизни.

* * *

Первым, кого Лиат Ярив встретила, подходя к школе, был Одед Гоэль, член их компании. Она еще издали заметила его высокую, худощавую, темноволосую фигуру и окликнула. Друзья расцеловались и вместе пересекли широкий школьный двор, напоминавший в этот ранний час муравейник, либо, судя по своему громкому и монотонному гулу, пчелиное гнездо.

Все эти школьники, что сейчас сновали здесь с ранцами наперевес и со смехом и визгами бросались в объятия друг другу, радовались вовсе не началу учебы, а возобновлению регулярного, в течении года, общению друг с другом. Лиат с Одедом не были исключением. По дороге в класс они оживленно беседовали.

– Почему ты сегодня без Галь? – вдруг заметил Одед, вертя головой по сторонам. – Разве вы не договаривались приехать вместе?

– Я была бы рада, – ответила Лиат, жившая всего в двух кварталах от подруги, – но Шахар вчера вернулся, и она помчалась к нему. Возможно, даже и заночевала у него. Я позвонила ей в одиннадцатом часу, а ее еще не было дома.

– Ясно...

Проницательная девушка отлично знала, почему Одед и сегодня спросил о ее подруге. Пожалуй, от нее одной не ускользали те выразительные взгляды, которые он украдкой посылал в сторону Галь уже несколько лет. Судя по тому, сколько боли, мольбы и смиренья было в этих коротких взглядах, Лиат не стоило труда понять, что этот застенчивый по своей натуре парень был безответно влюблен в Галь, но не смел заикнуться ей о чувствах, которые к ней испытывал. С давних пор она наблюдала за игрой выражений его тонкого лица с правильными чертами и флегматичными медовыми глазами: как оно вспыхивало подчеркнутой веселостью при общении с парой их общих друзей, Галь и Шахаром, и как вновь становилось непередаваемо печальным наедине с собой.

Сперва Лиат не понимала, почему Одед так и не решился бороться за свою любовь, но вскоре ей стало ясно: как по-настоящему честный человек, он никогда не стал бы отбивать возлюбленную у другого, тем более, что тот другой был его собственным товарищем, а отдалиться от компании он не смог бы из-за той же Галь.

Лиат, низенькую хрупкую девушку со слащавым выражением неказистого пухлого лица, с длинными ломанными прядями черных волос и острым, испытующим взглядом узких черных глаз, в общем, трогали переживания этого парня. Но было бессмысленно кормить его постылыми утешениями. В сущности, она понятия не имела, спала ли Галь этой ночью у Шахара или вернулась домой. Но такова была ее тактика: бросать собеседнику объемные фразы, несущие какую-то информацию, или наводящие, колкие и даже провокационные вопросы, как охотник бросает приманку для дичи. Благодаря своему особому дару понимать даже невысказанное, таким образом она зрела в корень всех своих знакомых. Вот и теперь она говорила таким тоном, словно речь шла о пространных вещах, а Одед, уверенный в непроницаемости своей маски, все безропотно проглотил.

Все-таки Лиат почувствовала себя немного виноватой перед бедным мальчиком и сменила тему.

– Как хорошо, что мы пришли заблаговременно, – бойко заговорила она снова. – Народ еще только собирается.

Коридор, по которому они шли, выглядел словно фойе театра в час, когда публика собирается. Здесь не царил такой же радостный хаос, как во дворе. Ученики, группами и по одиночке, отыскивали среди десятков дверей свои классы, занимали в них места. Некоторые раскладывали свои вещи и на соседних партах, занимая их для друзей.

– А по-моему, все наши уже в сборе, – возразил Оед.

– Тем лучше, – подхватила девушка. – Представь себе, что мы – актеры, и что наши зрители ждут нас.

– Фантазерка! – рассмеялся Оед.

– Я серьезно! – горячо воскликнула Лиат. – Вот и ты представь себе наступивший учебный год заключительным актом долгой драмы о нашей неразлучной шестерке, в которой тебе, дорогой, уготована не последняя роль.

– И каким же будет этот заключительный акт? – ухмыляясь, спросил юноша, подыгрывая ей.

– Поживем – увидим, – лукаво ответила Лиат. – А пока – приготовься! Вот он, наш выход!

И они переступили порог их наконец-то найденного класса, где закладывало уши от грохота переносимых стульев, сдвигаемых столов и скрипа мела по доске, которую, в честь начала года, расписывало несколько учениц.

Тут же им на шею бросилась, оторвавшись от группы девчонок, Шели Ядид, а за нею и Хен Шломи, ее ухажер, который был тут как тут. Они расцеловали обоих друзей так шустро, что те не сразу сообразили, что происходит.

Шели была худой, загорелой, крашенной блондинкой с длинными прямыми волосами и продолговатым подвижным лицом, на котором большие карие глаза горели как два угля – этакий дьяволенок в ангельском облиции. Хен, родственная душа девушки, как нельзя лучше подходил ей и внешне. Из-под черной кепки с козырьком, которую он зачем-то натянул, выбивались непокорные рыжие локоны, и на широком, веснушчатом, улыбчивом лице зеленые глаза глядели задорно и весело. Высокий, плечистый, но немного сутулый, он представлял собой тип современного донжуана. Долгое время он так себя и вел, и лишь незадолго до сегодняшнего дня приобрел постоянство с красоткой Шели, которая так же не отличалась скромностью.

– Ага, значит, мы ждем теперь только нашу сладкую парочку? – воскликнул Хен. – Ну что ж, придется тебе, Оед, припасти для Шахара местечко, поскольку то, что рядом с моим, уже занято.

– Я догадываюсь, кем! – добавила Лиат, беря Шели под руку.

Оед, близкий друг Хена, соседствовавший с ним по парте, был застигнут врасплох необходимостью отныне делить ее с Шахаром, но промолчал.

– Дорогие друзья! – торжественно провозгласила Шели. – Я терпеть не могу учиться. Но это – последний год. Все мы за него отмучаемся, наконец. Все! И сегодня так жарко потому, что и он тоже будет жаркий. Я начинаю считать вечеринки, которые ее величество школа устроит для нас. Когда ближайшая? Недельки через две, по старой традиции? Кто идет со мной?

– Я! – крикнул Хен залезая на стул, отчего головы всех, находящихся в классе повернулись к нему.

– Ты, как всегда, забегаешь вперед, – сказал Оед, обращаясь к Шели. – Еще и год не начался, а в твоей голове кружатся мысли о ближайшем мероприятии.

– Но надо же, хоть в чем-нибудь, находить смысл посещений школы! – ответил за подругу Хен с нарочито серьезным выражением лица. – Учеба нас не слишком интересует. Значит, что остается? – Перемены и школьные праздники!

– Вчера я болтала с Лирон по телефону, – вставила Шели. – Вот уж кто помешан на одних занятиях, и побоку все прочие школьные радости! Почти как Офира... Нет, у Офиры еще есть надежда.

– Это Ран постарался, – укоризненно заметила Лиат. – Он слишком быстро ее бросил, после того, как влюбил в себя. Вот она и убита горем.

– Подумаешь, горе! – фыркнул Хен. – Сколько всего они встречались, – два месяца?

– Знаю, Хен, ты станешь его защищать, потому, что вы все одинаковы. Все вы, – ты и твои дружки: Ран, Авигдор, Янив, Эрез – народ легкомысленный, особенно с девушками, – не сдавалась Лиат. – С вами только иметь дело...

– Вот тебе лучше и не иметь со мною дело, – усмехнулся Хен.

– Мне? Куда уж мне! Я – не Шели, – подкольнула его Лиат, подмигивая подруге.

– Эй, что тут за разборки? – раздался позади них голос.

Друзья прервали разговор и обернулись. Перед ними, улыбаясь, стояла Галь в коротком синем платье, которое так шло к ее глазам и подчеркивало фигуру. Она стояла, прислонясь к косяку двери, кокетливо склонив голову и сложив на груди руки, словно наблюдая реакцию товарищей на свое появление. При виде нее у Одеда дыхание перехватило. Пытаясь обуздать свои эмоции, он стоял в стороне, ожидая, пока Хен, Шели и Лиат расцелуются с пришедшей. Затем, вежливо поздоровавшись, он легко прижал ее к себе.

– Почему ты одна? Где же Шахар? – спросил Хен как бы невзначай, тем самым повторив вопрос, заданный ранее Одедом.

– Да, разве вы не вместе? – тотчас подхватила Лиат, досадуя на свое прежнее утверждение.

– Нет, – недоуменно протянула Галь. – Мы вчера поздно засиделись, но затем он отвез меня домой. Странно, что вы решили, будто мы придем вместе.

У Одеда отлегло от сердца. Он метнул на Лиат торжествующий взгляд, хотя это ничем ему не помогало.

– Видимо, твой Шахар все еще разгуливает во сне по прохладной Европе, и ему ужасно неохота вставать, – предположила Шели.

– А мне? Разве мне была охота вставать? – прыснула Галь.

– Вот я и говорю, что его, вероятно, придется тащить сюда за уши.

– Да ладно вам! – вновь мгновенно сменила тему Лиат, в шутку шлепнув Галь по заднице и обратившись к ней, сказала: – Галь, пошли на наше место.

Их парта была уже заранее придержана для них Шели и Хеном. Эти двое облюбовали для всей шестерки три последние парты в ряду у стены, оставив себе самую крайнюю парту, чтобы, сидя позади всех, чувствовать себя в уединении и, в случае жуткой скуки на уроках, тихо заниматься милыми пустяками. Лиат и Галь заняли переднюю из трех. Таким образом, промежуточная парта отводилась двум парням – Одеду и Шахару.

Усевшись на свое место и достав все необходимое, Галь дала волю своему назревающему трепету. Вчерашний вечер показался ей очень давним, и она непрерывно посматривала на дверь в ожидании появления Шахара, нервно теребя ручку. Лиат, от острого взгляда которой ничего не ускользало, наклонившись, сказала ей:

– Я так понимаю, вчера вы неплохо провели время.

– Это точно, – согласилась с ней подруга.

– Так почему ты не осталась у него?

– Потому, что оставила дома ранец. Я и так едва не проспала, – дала Галь исчерпывающее объяснение, при котором ее щеки зарделись, как лепестки роз.

– А на сегодня у вас тоже есть планы? – допытывалась Лиат.

– Конечно! – раздалось в ответ с восклицанием, заглушенным резким звуком звонка, возвестившем о начале новой эпохи в жизни каждого, кто сейчас занимал свое место в классах.

Из-за этого Лиат пришлось повысить свой тонкий голос в разговоре с подругой:

– Я думала, мы сегодня все вместе поделаем что-нибудь вечером. И так почти два месяца не виделись.

В ее словах вроде бы прозвучало легкое огорчение, немного затронувшее Галь.

– Разве мы хотели собраться сегодня вечером? – спросила она, поискав глазами Шели, которая наверняка не забыла бы о совместных планах всей шестерки.

Заметив это, Лиат сразу же оговорила:

– Нет, я просто на это надеялась.

– В таком случае, думаю, я буду с Шахаром, – улыбнулась Галь, весело посмотрев на нее. – А ты не переживай! Целый год впереди. Еще успеем нагуляться всей компашкой! – И она снова завертела ручкой.

Лиат пожала плечами.

Одед как раз подошел к своему месту позади девчонок и занял его без особого удовольствия. Хен и Шели все еще стояли у дверей, громко болтая с одноклассниками, среди которых были их общие приятели. Так сложилось, что две подружки детства – Галь и Лиат – держались всегда несколько особняком, и общались с другими соучениками постольку поскольку, в отличие от тех двоих. Обе они были самостоятельны в своих тесных отношениях, в то время как Шели и Хен и дня не могли прожить без широкого круга друзей. Все они, однако, в равной степени не переваривали так называемую «шпану», «главари» которой, Мейталь Орен и Наор Охана, являвшиеся постоянными зачинщиками беспорядков в классе, сейчас как раз щеголяли своими готическими цепями и драными джинсами в противоположном углу.

Но вот, на пороге появилась сама Дана Лев, классный руководитель и преподаватель литературы и гражданского права. Это была привлекательная, пикантная женщина лет сорока, крашенная шатенка с модной стрижкой, всегда безукоризненно одетая, на лице которой особенно выделялись круглые темно-карие глаза, светящиеся умом, волей и добротой. Недаром о ней во всей школе говорили как о наставнице по призванию, а не как об одной из тех руководящих училок, что несли ответственность за своих воспитанников чисто официально. Во всяком случае, дети боготворили Дану.

Шахара до сих пор не было, но Дана, казалось, не придавала этому значения. Всех своих учеников она знала близко еще с прошлого года, когда ей назначили этот класс, и переключки были ей попросту не нужны. Весело поздоровавшись, она начала урок с увлекательного опроса о летних каникулах. У Галь сразу же зачесался язык рассказать о своих новых фотографиях, но потом она предпочла оставить это для друзей. Подперев рукой голову, она слушала несущиеся со всех парт отклики, замечания, остроты, и ждала своей очереди.

Дана, окидывая мягким взглядом своих развеселившихся учеников, улыбалась, и, если и прерывала их, то лишь затем, чтобы призвать к порядку. Но, когда настало время перейти к существенному – расписанию занятий – то успокоить их оказалось непросто. Никто не хотел просто так умолкнуть, и, видимо, учительнице пришлось бы потратить много времени на восстановление тишины. Именно в этот момент в дверь негромко постучали, после чего она отворилась, и вошел тот, при виде кого у Галь радостно ёкнуло сердце.

– Извиняюсь за опоздание, – твердо произнес Шахар, подмигивая друзьям. – Я только что с ночного рейса.

– С корабля на бал, – ехидно процедил Наор Охана, "король шпаны", недоброжелательно поглядывающий на вошедшего. Но ни Шахар, ни Дана Лев не расслышали его слов.

Шахар был высокий парень со стройной фигурой, светловолосый, с большими голубыми глазами. Его продолговатое скуластое лицо имело четкий профиль: идеально прямой нос, тонкие губы, высокий лоб и крепкий подбородок. Все в облике этого юноши оправдывало его фамилию: спокойный, уверенный тон голоса, твердый взгляд и сдержанность движений.

Он прошел и сел там, где ему отвели место приятели – рядом с Одедом, и крепко пожал ему руку. Так он оказался прямо за спиной Галь. Девушка сразу же почувствовала на себе его шумное дыхание, – видимо, Шахар очень торопился, – и ощутила покой, ибо одно лишь присутствие рядом любимого парня наполняло ее безграничным покоем.

После разрешения занять место в классе, Дана Лев, извинившись за нехватку времени, не стала интересоваться у прибывшего откуда он прилетел на ночном рейсе, и, наскоро объявив расписание занятий и описав учебные требования к классу, перешла к заключению, которое, казалось, было для нее важнее всей информации на грядущий год.

– Вы помните финал прошлого года, тот бардак, что начался еще в конце апреля, те мертвые часы и срывы занятий по расписанию? – спросила она, внимательно обводя глазами класс. – Готовьтесь, этот год будет еще короче. Суматоха начнется чуть ли не в марте, когда мы приступим к углубленной подготовке к экзаменам на аттестат зрелости.

– А что ж мы будем делать раньше? – вдруг выпалил Офир Кармон с передней парты, и все засмеялись.

– Тоже готовиться. Готовиться ты будешь, в основном, сам, с нашей помощью, – урезонила его Дана. – То же касается и всех. Всё, то есть, почти всё, будет только от вас зависеть.

– Знакомые слова, – вставила вслед за Офиром Моран, девчонка из шпаны, вытянув вперед свои длинные смуглые ноги в закрытых сандалиях без задника на высокой платформе. – Ими мне всегда угрожают родители, когда требуют от меня стать человеком.

– А кто же ты? Черт знает что? – тотчас перехватила ее соседка по парте и подруга Тали.

– Тише! – попросила Дана, постучав по столу. – До перемены уже недолго. А пока я вот что хотела бы вам сказать. – Она уселась на крышку учительского стола и склонилась к классу: – Мы приходим сюда не столько для того, чтобы проштудировать еще одну главу истории, или зубрить математические формулы, а чтоб научиться относиться друг к другу по-человечески. Это и есть настоящее наше испытание на зрелость. Жизненный экзамен.

Учительница сделала паузу и продолжила:

– Говорю вам по своему опыту, что последний школьный год, эта финишная прямая – самая тяжелая. С одной стороны, во всем уже чувствуется конец, когда хочется все бросить и просто наслаждаться жизнью. С другой, очень много учебных нагрузок в поджимающие сроки. Я неспроста решила начать нашу сегодняшнюю встречу с обсуждения ваших каникул, чтобы дать вам возможность снова почувствовать себя как бы одной семьей. Я – повысила она голос – помню вас при нашей встрече год назад: сорок пар глаз растерянно смотрели друг на друга. Тогда нам казалось, что все еще впереди и дорога длинна. Нет, она не такая уж и длинная, и одолевает ее лишь идущий. Поэтому, зная меня, вы сами поймете, чего же я ожидаю от вас, ребята, как педагог и как классный руководитель. Будьте требовательны к себе и терпимы друг к другу! Со своей стороны, обещаю во всем быть вам опорой.

– Какое преувеличение! – прошептала Шели, обращаясь к своей шестерке. – Ну и речь! Наоборот, пусть этот год скорей заканчивается и будь что будет!

– А мне нравятся ее эксперименты, – так же, шепотом, заметил Хен. – Жалко, Шахар, что ты задержался. Тут стояло такое веселье!

– Ну, а меня раздражает этот базар, – тихо заявила Лиат. – Лучше пойдем все вместе в сквер и там Шахар расскажет нам о своей поездке в спокойной обстановке. Ты уж постарайся, все-все красочно опиши, а что забудешь – то добавит Галь, не так ли?

– Все расскажу, как на духу, – улыбнулся Шахар.

* * *

У металлической решетки, отделявшей школьный двор от улицы, располагался палисадник, засыпанный иглами росших там в изобилии сосен, окруженный кустарниками и застав-

ленный скамейками. Здесь даже в самое пекло стояла умеренная температура благодаря обильной тени, а мощные стволы деревьев защищали от душного ветра и гари с проезжей части. Это место было словно сокровенным уголком всей школы, островком уединения. Там-то и расположилась на одной из скамеек неразлучная шестерка, когда неожиданно отменили один из уроков, обрадовавшись возможности побыть наедине.

Кроме них никого рядом не было. Слышались лишь гулкие отзвуки моторов машин, проносящихся по ближайшей городской трассе. Время близилось к полудню, душное солнце стояло в зените, и развесистые кроны сосен, подобно крыше, оттеняли серовато-желтый фон, через который прорезался свет, посылая на друзей широкие полосы тени.

Шахар, присущим ему сдержанным тоном, рассказывал о незабываемом времяпровождении среди средневековых крепостей, замков романтической эпохи и современных музеев, кафе и магазинов стран центральной и западной Европы. Он путешествовал с родителями на взятом напрокат автомобиле. Поскольку все они прекрасно знали английский язык и ориентировались по картам, им не составило труда находить дорогу к достопримечательностям, гостиницам и городам. Такого моря удовольствия он никогда не получал.

Но и по пути, добавил парень, он не забывал о них, своих дорогих товарищах, и каждому привез сувенир. И, вынув из своего ранца сверток, Шахар принялся одаривать друзей. Его подарки были подобраны со вкусом, отличались изяществом и оригинальностью, и как будто несли в себе очарование тех мест.

– Шахар, где ж мои сигары? – шутя бросил Хен, благодаря приятеля за сувенир.

Он затыкнул своим "Парламентом" и протянул пачку Шели. Больше в компании никто не курил.

– Ты еще маленький, – засмеялся тот. – Какие тебе там сигары?

– Зато ты у нас большой, – не полез за словом в карман Хен.

– А почему ты задержался? – спросил Овед. – Насколько я знаю, ты прилетел еще вчера.

– Проспал, – нарочито тихим, извиняющимся голосом ответил Шахар, и серьезно добавил – Я, действительно, прилетел вчера после обеда, и очень устал с дороги. А еще, меня навестила моя любимая, – довольно сказал он, погладив Галь по голове. – Вот и проспал. Подниматься вообще не хотелось.

– Вот, теперь вы меня понимаете? – подхватила его разулыбавшаяся девушка.

– Галь, а тебе что привезли? – любопытствовала Лиат, увидев, что та ничего не приняла из рук своего парня.

– Обручальное кольцо! – шепнула ей на ухо Шели, и обе захихикали.

– Завидуете? – зардевшись, воскликнула Галь, вспоминая изысканное изделие из богемского хрустала в форме сердца, инкрустированный флакончик духов и много-много красивой и сексуальной одежды, преподнесенные ей Шахаром накануне. – Ну, тогда держитесь! – С этими словами девушка достала пакет с фотографиями: – Кто здесь считает, что из меня может выйти фотомодель?

Все сразу же подняли руки.

– Значит, слушайте! Пока ты, Шахар, катался по Европе, я часто ездила на пляж. Однажды, ко мне там подошел один молодой человек с профессиональной камерой и спросил, не буду ли я так любезна попозировать ему...

– Ого! Это уже материал для прессы! – расхохотались Хен и Шели.

– Да нет же, просто он искал своих будущих моделей, скажем так, – пояснила Галь, вызвав новую вспышку дружеского смеха.

– Я уже тебя ревную, – заметил Шахар, которого простодушие его любимой девушки всегда умиляло и забавляло. – Но хоть что-нибудь стоящее из этого получилось?

– Судите сами, – с уверенностью сказала Галь, раскрыв пакет.

Крупные фотографии пошли по кругу. Запечатленная на них молодая девушка выглядела великолепно. Ее точеная фигурка в купальнике цвета морской волны вырисовывалась на фоне бескрайней водной глади как тело античной богини. Она полулежала на мокром песке у самого берега, выразительно опираясь на руку и обратив лицо к вечернему небу, а легкий ветер ласково развеивал ее короткие влажные волосы. Сколько жизни, сколько чувственности было в этой фотографии, которая, несомненно, могла бы попасть на престижную выставку! Тот фотограф, кем бы он ни являлся, все-таки был настоящим художником.

Галь вопросительно взглянула на товарищей. Она увидела то, что хотела увидеть: пять пар глаз были восхищенно устремлены на нее. Громкие возгласы поощрения ласкали ее слух. Девчонки – Лиат и Шели – наперебой хвалили ее за грациозность, артистичность и своего рода смелость, причем громче всех одобряла ее Лиат. Хен, с присущим ему нахальством, звучно цокал языком и присвистывал от оригинального зрелища. Шахар поцеловал пышную макушку Галь и сказал, что ей-таки удалось его поразить.

Лишь Одед никак не среагировал. Он глядел расширенными зрачками на любимое лицо, запечатленное на снимке, и только долгий зачарованный взгляд мог передать его чувства. Он молчал скорее из боязни выдать себя предательской вибрацией в голосе, чем от робости, наиболее сильно проявлявшейся тогда, когда все вокруг перекрикивали друг друга. Впрочем, все, что он сейчас хотел бы сказать Галь, уже высказали за него другие.

– Ты оказалась в нужное время в нужном месте, – подвела итог Лиат. – Снимок просто потрясающий.

В продолжении слов Лиат, Галь взяла одну из копий и протянула ее обнимавшему ее Шахару, который вспыхнул до самых корней волос. Приятели, кто со смущением, кто с легкой завистью, смотрели на этих двоих.

– Шахар, что надо сказать? – подколола юношу Лиат.

Но, вместо банального «спасибо», тот с трудом изрек, что был сейчас в полном шоке.

– А чем ты шокирован, если можно спросить? Это ж подарок твоей любимой девушки, – подчеркнула Лиат со всей строгостью.

– Именно тем, что моя любимая девушка всегда преподносит мне сюрпризы.

– Ты же знаешь: у меня нет секретов ни от тебя, ни от этих нескольких ненормальных, – ласково сказала Галь, широким жестом руки показывая на обступивших их товарищей.

После этого разговор перешел на другие темы. Ребята наконец-то стали делиться друг с другом своими приключениями во время каникул, о которых не мыслили упомянуть в классе, ибо в них было слишком много нескромного. Хен первым рассказал, как он с Авигдором и Раном играл в футбол бутылкою из-под крепкого спиртного, предварительно распитой на троих. Вся компания покатила со смеху, представляя себе это зрелище: пьяный Хен с его вечной сигаретой в зубах и два его друга-шалопаи, гонящие бутылку!

Шели не осталась в долгу, и воодушевленно рассказывала о бесконечных дискотеках до зари, на которых отрывались самые разные типы, и на которые она попадала лишь "воровскими" методами, потому, что охранников больше интересовало то, что ей еще не исполнилось восемнадцати, а не то, что ей близок этот мир.

Шахар похвастался, что сдал на права вождения мотоциклом, и упомянул о своем первом выезде, – он оказался на миллиметр близок от нарушения, и надо же было, чтоб это засекала дорожная полиция! Конечно, он сам же и выкрутился, но его ощущение было таким, что его права ему только показали, но не дали попользоваться ими всласть.

Что касалось Галь, то более интересной истории, кроме как про то, как ее фотографировали, в ее арсенале не нашлось, и поэтому она вместе с Лиат критиковала изречения друзей, не пропуская ни одной фразы. Самым спокойным – как и самым правильным – был, естественно, Одед, и он просто внимательно слушал.

Потом они начали строить планы о времяпровождении в начавшемся учебном году. Каждая идея подвергалась бурным обсуждениям. Галь и Лиат очень хотелось сохранить традицию пирушек на дому или на лоне природы в их узком кругу. Но ищущая новшеств Шели предлагала более разнообразные способы тусоваться, например, наконец-то освоить «Подвал», и еще ряд ночных заведений в центре города. Не оставшийся в стороне Хен особенно настаивал на варианте всем шестерым отправиться в поход на несколько дней, с палатками и спальными мешками. С тех пор, как в прошлом году школа организовала им четырехдневную экскурсию с кемпингом, он буквально потерял голову от этой затеи, и всячески норовил повторить ее в любое время. Не самый увлеченный турист Оед ужасно воспротивился этому. Он бы скорее предпочел купить себе абонемент в кино или в театр, на что Шахар ему шутя ответил, что все их обсуждения как лучше провести этот год вместе взятые и были сплошным спектаклем, перед которым поблекла бы любая театральная постановка.

– Знаю: ты утомился от нас, – сказал он Одеду в заключении, дружески хлопая его по плечу.

– Почему же? – удивился Оед, хотя ему стало неловко. – Нисколько.

– Мы вечно таскаем тебя за собой, – пояснил свою мысль Шахар.

– Я рад составлять вам компанию, – ответил тот, – несмотря на то, что мы все такие разные.

– Вот-вот! – подхватила Галь. – Кто бы мог подумать, что мы, такие разные, создадим такую сплоченную компанию? Угораздило же нас записаться вместе в наш седьмой класс! Сколько же лет прошло с тех пор?

– Пять, – быстро сосчитала Шели.

Пять. Эта цифра заставила всех задумчиво переглянуться. Да, уже без малого пять лет члены шестерки считали друг друга своими самыми близкими и преданными друзьями. Их жизнь протекала в совместных развлечениях, и, даже если выпадали загруженные учебой дни, они находили способы делать их такими, чтоб в конечном счете получать от них удовольствие. Например, если Шели и Галь штудировали какой-нибудь нудный предмет на пару, то они заодно не могли не пройтись по училке этого предмета и по всем связанным с ней школьным сплетням.

– Пять, – как эхо, повторила Лиат. – Но мы с тобой, Галь, всех опережаем.

– С нами не потягаешься, – подтвердила та кивком головы. – Мы с тобой, так сказать, с горшка.

– У меня есть предложение, – заговорил Шахар. – Давайте все сфотографируемся. У меня остался лишний кадр на пленке.

– Шахар, ты взял с собой фотоаппарат? – поразился Хен.

– Нет, я просто оставил его в ранце со вчерашнего дня. Я с этим ранцем на спине объездил всю Европу.

– Тогда давайте поищем того, кто бы нас сфоткал, – загорелась Шели. – Вот, кто нам нужен!

И она указала на случайного прохожего, не спеша шедшего мимо сквера, и звонко, но вежливо его позвала. Человек с радостью откликнулся на просьбу ребят, и даже рекомендовал, как им лучше расположиться, чтоб красиво вписаться в кадр. При расстановке Галь небрежно бросила пакет со своими фотографиями в свою раскрытую, валяющуюся на земле сумку...

В конце учебного дня, уже садясь позади Шахара на мотоцикл, на котором они уезжали к ней домой, она их спохватилась и наскоро пересчитала все копии. Одна исчезла.

Глава 2. Влюбленные

Стоял непередаваемо знойный послеполуденный час. Душный свет проникал мириадами иголок через спущенные жалюзи в скромную трехкомнатную квартиру, тишину в которой нарушало лишь тиканье настенных часов. Давно остыл остаток кофе с молоком в стеклянной чашке на кухонном столе. Раковина в ванной хранила следы утреннего умывания торопившейся в школу девушки. До возвращения с работы матери, которая, несомненно, простит ей этот беспорядок, оставалось еще несколько часов.

В полутемной комнате Галь, усиленно обдуваемой вентилятором, спелись на разбросанной кровати в жарком объятии два нагих тела. Пара возлюбленных пребывала в полном слиянии друг с другом, упивалась близостью после временного перерыва. Лучше всего это выражали тихие вздохи и стоны, напряжение мышц, глубокие поцелуи. Они двигались медленно, плавно, словно прикасаясь к стеклянным изделиям. Слов не произносилось. Пылкой страстности тоже не было. Зато был пенящийся и переливающийся поток наслаждения, при котором физическое ощущение времени перестало существовать.

Их разрядка затянулась. Оба были немного утомлены и разморены, и лениво растянулись на постели. Головка Галь прильнула к груди Шахара, и тот ласково перебирал ее пышные волосы. Галь прижималась губами к кисти его руки. Томное молчание длилось. Потом Шахар произнес:

– Мне сегодня было лучше, чем вчера.

– Да, вчера получилось быстро, – согласилась с ним девушка.

– Тебе понравилось, родная? – нежно спросил он, проведя рукой по лицу девушки.

– Он еще спрашивает, – улыбнулась она и поплотней прижалась к его телу. – Обожаю тебя!

Опять наступила тишина, во время которой Шахар пожалел, что он не курит. Сигаретка после спокойного секса была бы ему сейчас более чем кстати.

– Ты – удивительный человечек, – снова заговорил парень, обращаясь к подруге. – Никогда не перестану поражаться тебе. Дать мне при всех столь откровенную фотографию!

– Разве она тебе не нравится? – возразила девушка.

– Это совсем не тот вопрос. Конечно, нравится! Но можно было б подарить ее мне сейчас, когда мы только вдвоем.

– Лучше бы ты перестал читать мне нотации, а хоть немного польстил, – осадила его Галь, кокетливо щелкая его по носу.

– Я польщен, – покорно протянул молодой человек.

– Кстати, Шахар, не видел ли ты еще одной копии? – вспомнила она, заглянув ему в глаза. – Я точно помню, сколько всего их было. Одну я отдала тебе. Вторая – здесь, – указала она на этажерку в своей комнате, где уже красовался ее гордый снимок в богатой рамке. – Третью мама собирается отправить бабушке и дедушке. Но четвертой нет. Странно, куда она могла подеваться?

– Действительно странно, – откликнулся ее друг, выслушав ее в недоумении. – Но я честно не знаю. Тебе так важна эта недостающая копия?

– Не то, что бы. Просто обидно, что я потеряла ее.

– Не стоит обижаться. Всякое случается. Может, у нее выросли ноги и она сама отправилась искать для тебя хорошего спонсора, – разрядил обстановку Шахар.

Девушка засмеялась и прильнула губами к его губам. Он страстно ответил на ее поцелуй, и ему снова захотелось секса. Галь отдалась ему с готовностью, на которую ее толкала горячая и верная любовь.

Их многолетние отношения словно служили подтверждением того, что противоположности притягиваются.

Шахар происходил из благополучной, состоятельной семьи потомственных юристов, и был, как и его девушка, единственным ребенком. С первого класса он учился в привилегированных школах и твердо знал себе цену. Эрудированный и развитый не по годам, готовящийся пойти по стопам родителей, он всегда немного свысока взирал на ребячливых соучеников, чем заработал себе прозвище «заумник». Другим его прозвищем было «супермен», может, в силу того, что Шахар являлся еще и обладателем коричневого пояса по каратэ, к приемам которого, правда, никогда не прибегал в личных конфликтах с соучениками, считая, что они все не стоят того, чтоб применять против них те приемы, которыми он владел. Его уважали, даже боялись, но не любили. Сплоченная шестерка, в которую он входил, сформировалась не так скоро, и поэтому какое-то время парень был одинок.

И тут в его жизнь ворвалась Галь. Заметил он ее не сразу, хотя она часто говорила, что влюбилась в него в тот же миг как увидела, что это была судьба. Поначалу он знал о ней только то, что она занимала соседнюю парту с другой, очень некрасивой девочкой по имени Лиат, и всюду ходила с ней вдвоем.

Со временем, Шахар обратил внимание, с каким восхищением Галь его слушала на уроках, как уважительно о нем отзывалась. Живое участие соученицы ласкало самолюбие Шахара, придавало уверенности в себе и откликалось в нем признательностью. Он присмотрелся к ней получше и увидел, что эта девочка была писаной красавицей, и, к тому же, неглупой и способной. Так, на заре своего отрочества, он впервые заинтересовался противоположным полом. Его интерес был еще неопределенным, однако он прикипел к Галь всей душой.

Многие месяцы оба проводили время вдвоем просто как близкие приятели, не выходя ни за какие рамки, пока однажды не случился один очень странный инцидент. На прогулке по центру города, Галь, увлеченная своей болтовней, не заметила под ногами металлической проволоки, брошенной какими-то рабочими, и чуть не упала плашмя на асфальт. Шахар, шедший рядом, подхватил ее обеими руками за талию и инстинктивно прижал к себе.

И тут неясное оцепенение поразило обоих детей. Они были не в силах оторваться друг от друга. Несколько мгновений они так простояли, неподвижно, точно гранитная скульптура, борясь с влечением, толкавшим их в объятия друг друга. По улице шли десятки людей, но мальчику и девочке казалось, что весь мир вокруг стал пустынен. Жезл жизни коснулся их юных сердец, и, движимые порывом взаимной тяги, они впервые поцеловались. Им обоим тогда едва исполнилось тринадцать.

С тех пор Галь почти неотлучно была рядом с ним, и ее огромные синие глаза глядели на него всегда с обожанием и преданностью. Они удивительно гармонично дополняли один другого. Его уравновешенность и трезвость смягчались ее любвеобилием и импульсивностью поступков. Оба были счастливы, что нашли друг друга, и что их связь была на редкость постоянной в том возрасте, когда многие их сверстники были заняты в основном поисками себя.

Родители Шахара очень хорошо относились к Галь, и часто делали ей всяческие комплименты. Мама девушки тем более крепко привязалась к другу дочери, считая его уже чуть ли не членом их семьи. И Галь, пожалуй, наслаждалась этой идиллией даже больше, чем ее друг, поскольку ее чистая любовь была самым главным в ее жизни.

Вот и теперь, лежа в обнимку с Галь на ее постели, Шахар чувствовал полное удовлетворение. Неважно, что вчера несдержанная девушка, не дав ему времени отдохнуть, примчалась в его объятия, и из-за этого он сегодня проспал в школу! Он понимал, что ее нетерпеливое желание быть рядом являлось проявлением ее пылкой любви и не укорял ее за это. Он сам, за время путешествия, истосковался по стройному телу подруги, по ее поцелуям, и сейчас с безграничной отдачей восполнял упущенное. Небольшая разлука даже пошла ему на пользу:

по простетивии трех недель влечение его было намного сильнее обычного. То же чувствовалось и в Галь. Сейчас им было комфортно друг с другом, как никогда.

– Забыл тебе сказать, – вдруг сказал Шахар, возвращаясь к прошлой теме. – Я успел днем съездить в ателье и проявить пленку.

– Что ж ты молчишь? – воспряла Галь.

– Дело в том, что все снимки получились великолепно, кроме одного – нашего общего.

– В скверу? Тот, который снимал прохожий?

– Да.

– Покажи, – попросила Галь.

Шахар встал, порылся в своей сумке, достал бумажный пакет, где лежали негативы пленки со снимками, перебрал их, и, найдя то, что искал, протянул девушке. Галь поднесла фотографию к лицу и скорчила гримасу.

На болезненном красновато-зеленом фоне, расположившаяся на одной скамейке их компания выглядела группой уродливых призраков. Луч солнца, попавший в кадр, словно воспаленный рубец рассекал ее надвое, проходя вертикально посередине. Улыбки друзей напоминали звериные оскалы. Могучие стволы сосен, выглядящие как темные пятна, окружали их подобно тюремным стенам.

– Что это за чертовщина? – отстранившись, пролепетала Галь. – Ты уверен, что в ателье не напортили чего-нибудь с этим кадром?

– Как? Они проявили всю пленку сразу. Все снимки из моей поездки замечательны. Только этот не удался.

– Не удался? Да это – просто ужас! Я не могу на него смотреть! Ради Бога, порви его!

Она настойчиво поглядела на своего друга, в ожидании его дальнейших действий. Тот, верный своей рассудительности, развернул негатив пленки и, приблизив его к свету, поискал глазами последний кадр. Найдя, он повернул его так, чтоб и его подруга могла посмотреть.

– Как же я раньше не заметил? – растерянно пробормотал он. – Как такое было возможно?

На негативе этот кадр выглядел еще страшнее. Изувеченное кровавое бельмо по сравнению другими с четкими, яркими и качественными изображениями.

– Это все – сегодняшняя погода, – попытался найти объяснение этому факту Шахар.

– Нет, это мистика какая-то, – возразила Галь. – Я уничтожу этот снимок, хорошо?

– Как хочешь, – пожал плечами Шахар.

Галь схватила фотографию кончиками пальцев с выражением брезгливости на лице, как если бы держала какую-то противную скользкую тварь, яростно разорвала ее, направилась в туалет, бросила клочки в унитаз и рывком опустила рычаг. Мощная струя воды закружила обрывки бумаги, но они как будто отказывались тонуть, всплывая вновь и вновь на поверхность, обращая к нетерпеливой девушке замоченное изображение перекошенных лиц ее дорогих людей. Только через несколько попыток все они медленно опустились в черную дыру, точно канули в бездну. Галь вернулась в комнату с чувством облегчения.

– Ну вот, – проговорила она, тяжело вздохнув, как будто боролась с врагом, – дело сделано.

Шахар тем временем стоял и рассматривал свои европейские снимки. К нему присоединилась Галь, и впечатление от мистически искаженного кадра мало-помалу сгладилось. Перед обоими развернулась европейская пастораль, пестрящая старинными замками, видами городов, машины, в которой путешествовало все семейство Села, и, собственно, сами путешественники. Юноша пожалел, что при нем была только последняя пленка, и что придется подождать еще, прежде чем все снимки из поездки будут проявлены.

– Надеюсь, что все они будут такого же качества, как эти, – выразил он надежду. – Ах, если бы мы были такими же специалистами как тот, что фоткал тебя на пляже! Мы, дилетанты, не умеем просчитывать итог. Выбираешь не ту позицию, ошибаешься ракурсом, и неудачный снимок тебе обеспечен.

– А я не философствую, в отличие от тебя, – пожала плечами девушка. – Если фотография плоха, я ее выбрасываю.

– Ты жестокая, я знаю, – рассмеялся парень.

– Но разве я не права? Я фотографирую то, что дорого моему сердцу, то, что мне хочется унести с собой навсегда, и мне важно, чтобы оно выглядело наилучшим образом. Чтобы и через долгое время, просмотрев свои снимки, я увидела все именно таким, каким оно было тогда. Кстати, – одернула она его, – ты еще не видел всего, что я сотворила здесь, пока ты разъезжал по заграницам!

– Что? – откликнулся заинтригованный Шахар.

И Галь, наградив его шаловливым поцелуем, шустро отодвинула нижний ящик этажерки и достала оттуда два громадных альбома, на обложках которых ярко золотистого цвета багровела надпись на английском: "воспоминания о моих наилучших днях". Один отводился всей шестерке друзей, другой – исключительно ее снимкам с Шахаром. Оба этих альбома являлись детищами ее кропотливой оформительской работы, которой она занималась во время каникул с любовью и полной отдачей. В них она собрала все самые удачные снимки, какие у нее были, начиная с их седьмого класса, рассовала по карманам в хронологическом порядке, и не просто датировала, но и описала где и при каких обстоятельствах они были сделаны.

Из боковых бумажных карманов на внутренней стороне обложки Галь сотворила настоящую сокровищницу мемуаров, положив туда конверты с любовными письмами Шахара, поздравительные открытки друзей к ее дням рождения и их очаровательные записки по разным поводам. Всевозможные блестящие наклейки, пестрые закладки, разноцветные бумажные вырезки в виде бабочек, забавных зверюшек, цветов и природных мест, прикрепленные к листам, дополняли картину.

Перед восхищенным Шахаром поплыли памятные ему фотографии с их веселых прогулок, поездок, вечеринок. Вот Галь в обнимку с Лиат и Шели возле длинного, ломящегося от закусок стола, на вечеринке в честь окончания прошлого учебного года. Вот все три девчонки и он с Хеном вповалку на засыпанной песком широкой подстилке на берегу моря – этот кадр, как он помнил, снимал Оded. Вот фотографии с празднований их именин, в которых принимали участие и другие их одноклассники; со школьных походов на фоне сказочной природы, пустых автобусов и палаточных городков – с них глядели загорелые, потные, но бесконечно довольные лица ребят с рюкзаками на спинах; со дня развлечения в аквапарке, среди которых выделялся снимок Галь, слетающей в бассейн по водному аттракциону – почти отвесной высоченной горке. А вот и они вдвоем – на природе, дома и на школьных мероприятиях – ну, просто пара голубков! На каждой их совместной фотографии рука Шахара была закинута на плечо его очаровательной спутницы, а в улыбающихся глазах сияла гордость.

Все снимки были крупными и отличались яркостью, четкостью, великолепно запечатленными фигурами, без всякой светотени и других изъянов. Открытые лица, выразительные позы и задорные гримасы, хлещущая через пленку жизнерадостность товарищей сменяли друг друга калейдоскопом.

– Супер, солнышко мое, ты молодчина! – восклицал Шахар, с упоением переворачивая лист за листом. – Ты – настоящая художница! Ты у меня мой собственный, личный талант! И я этим горжусь! Не то, что я... в моих альбомах за все годы столько всего накопилось, что уже не разберешь.

– Вот и учись у меня, – довольно проворчала Галь, ластясь к нему.

Шахар обнял девушку и крепко поцеловал в губы, назвав при этом своей красавицей, умницей и умелицей. Та обвила руками его шею и так и застыла, изнемогая от любви.

Вдруг послышался звон ключей во входной двери, но, поскольку Галь предусмотрительно заперла ее изнутри, то сразу вслед за глухим брэнчанием последовал нетерпеливый звонок. Этот звонок мгновенно вывел влюбленных из истомы.

– Это мама! – шепнула Галь. – Одевайся! – и она стала в спешке натягивать домашнюю одежду и застилать постель, после чего кинулась открывать. В то же время Шахар схватил использованные презервативы с запятанной туалетной бумагой и засунул их в свой ранец.

Несмотря на то, что их связь была долгой и открытой, перед хозяйкой дома Галь и Шахар всегда соблюдали приличия.

– Привет, Галь, ты одна? – раздался голос из гостиной вслед за звуком захлопнувшейся двери и короткого поцелуя.

– Привет, мама. Нет, не одна, у нас Шахар, – ответила дочь.

Шахар вышел поприветствовать хозяйку. Это была высокая женщина лет за сорок, с приятным, но безвременно увядшим, осунувшимся лицом, выразившим глубокую усталость. Короткие крашенные волосы ее слиплись от пота. В одной руке она держала рабочую сумку, а в другой везла огромную тележку с продуктами.

– Здравствуй, Шимрит! – произнес Шахар, сделав движение навстречу хозяйке дома, чтоб взять из ее рук тележку.

– Не трудись, Шахар, – отдуваясь, сказала мать Галь. – Мне уже ничего не стоит дотащить ее до кухни. Сперва думала поручить покупки Галь, затем решила, что и сама справлюсь.

– И зря, – заявила девушка, почувствовав себя неловко перед матерью, в несчетный раз опередившей ее своей заботливостью.

С одной стороны, она всегда была готова помогать матери, и даже любила хлопотать по дому. С другой, сейчас она втайне обрадовалась, что ей не пришлось идти в магазин, ибо тогда они с Шахаром не смогли бы в полной мере побыть вдвоем. Как же часто эгоистические соображения ее брали вверх!

– Ну, продолжайте отдыхать! – с этими словами Шимрит направилась в кухню.

Некоторое время дети слышали звуки открывавшихся кухонных шкафчиков, холодильника, шуршание целлофана, шум воды из крана и звон перемываемой посуды. Когда Галь крикнула, не нужна ли ее помощь, последовал ответ, что делать, в общем, нечего. Шимрит быстрыми шагами двигалась по квартире, раскладывала какие-то вещи, что-то убирала. Едва вернувшись с работы и из магазина снова находилась при деле женщина. Завершив с наведением порядка, она столь же быстро приняла душ и скрылась в своей комнате, откуда через несколько минут послышался ее голос:

– Я думала, вы сегодня вечером куда-то собираетесь всей компанией.

– Кто тебе это сказал? – изумилась Галь.

– Лиат, – недоуменно отозвалась мать. – Вчера, когда ты пошла к Шахару, она тебе звонила, и мы немного поболтали.

Галь пожала плечами, вспомнив о неуместном огорчении Лиат сегодня утром, так как никакой договоренности между ними не было, и сказала, что та ошиблась.

– Я бы не выдержал еще одной ночной посиделки. И так почти проспал сегодня в школу, – поддержал ее Шахар и вопросительно добавил, глядя на свою подругу – Я пойду?

– Нет-нет, не уходи! – закапризничала Галь.

– Останься, Шахар. Сейчас будем ужинать, – предложила хозяйка, выходя из своей спальни. – Я скоро вас позову.

Видя легкое смущение Шахара, Галь ласково обняла его сзади и произнесла:

– Верни мне свой вчерашний должок! Чем только вы не кормили меня вчера! Сегодня – мы тебя закормим.

– Так и быть, – рассмеялся Шахар, – верну тебе должок. Но свою посуду я помою за собой сам!

* * *

Было уже около семи часов вечера. Низкое пыльное небо постепенно тускнело, но прохладней от этого не становилось. Тот же сухой воздух, с которым не справлялся непрерывно работающий вентилятор, вливался сквозь опущенные жалюзи в уютную столовую, где хозяйка дома, ее дочь и Шахар сидели за ужином. Большая бутылка с минеральной водой на круглом обеденном столе почти опустела уже в начале еды, а в стаканах растаяли кубики льда. Из пищи были только легкие закуски, так как ничего более плотного никто не был сейчас в состоянии съесть. В конце трапезы Шимрит угостила всех мороженым.

За пять лет дружбы, а потом романа с Галь, Шахар не раз питался в ее доме – сперва как гость, затем почти как член семьи. Хотя порой ему становилось неловко от многочисленных приглашений матери девушки, он, все же, испытывал огромное наслаждение от этих семейных трапез. Прежде всего, он стремился сделать приятное Галь. Кроме того, ему было комфортно в обществе Шимрит – гостеприимной и заботливой хозяйки, относящейся к нему как к родному сыну, и он сочувствовал этой женщине, печальная судьба которой была ему хорошо известна.

Рано увядшая мать-одиночка с нежностью поглядывала на юную пару. Ей нравилось принимать у себя не только Шахара, но и всех друзей Галь. Сама она, глубоко травмированная своим разводом, несмотря на то, что с тех пор прошло уже много лет, не имеющая близких подруг и особо крепких связей с родственниками, стремилась всячески оградить Галь от повторения своего жизненного пути, и поощряла любое времяпровождение дочери с Лиат, Шели, Шахаром и их общими товарищами, с удовольствием накрывала им на стол и часто присоединялась к ним сама.

О Лиат, наиболее давней подруге Галь, и говорить не приходилось. Та во всех подробностях знала, где что лежит, без спросу доставала еду из холодильника, включала телевизор, пользовалась телефоном... Шели тоже пользовалась всеми этими привилегиями, но не слишком ими злоупотребляла. Не из скромности, а просто будучи не столь прилипчивой, как Лиат. Вообще-то, Шимрит не вдавалась в эти детали. Она видела одно: радость своей бесконечно любимой дочери, от которой ей самой становилось радостно.

Однако, с течением неумолимых лет, в мать вселилась глубокая озабоченность. Еще немного – и ее дорогая девочка, ее ревностно оберегаемый птенчик, покинет теплое гнездо. Кто же будет защищать ее там, на поле битвы с трудностями жизни? Внутренне сознавая свою вину, Шимрит, вместе с тем, ужасно боялась нарушить гармонию, царившую в их устоявшемся мирке. Поэтому, она посматривала на Шахара с робкой надеждой, словно мысленно посылая ему свой сам собой напрашивающийся вопрос. Еще большим вопросом для нее являлось, хочет ли понимать ее материнское сердце и его высокопоставленная семья, и вопрос этот, конечно, оставался пока без ответа.

– Вы хорошо съездили? – поинтересовалась она.

– Просто великолепно! – воскликнул парень. – Никогда бы не подумал, что так много всего можно успеть за три недели! Я, кажется, набрался сил на целый год.

И он принялся подробно вспоминать каждый день путешествия, красочно описывая все места, в которых побывал, от музеев до гостиниц, показал Шимрит проявленные сегодня фотографии и пообещал в следующий раз принести все фотографии и еще видеофильм, который они сняли. "Видеофильм!" – не сдержавшись, вскрикнула на радостях польщенная Шимрит. Вот это был бы для нее наилучший подарок! Сама она никогда еще не бывала за границей. Шахар тепло засмеялся и заметил, что никогда нельзя говорить "никогда", и что он сущий растяпа.

– Ведь я привез и тебе подарок, и забыл принести его! – сказал он, ударяя себя по лбу. – Завтра обязательно передам его с Галь.

– Сумасшедший! – оторопело сказала Шимрит, не ожидавшая такого внимания друга дочери к своей персоне. – Спасибо тебе, дорогой, но, действительно, не стоило утруждаться.

– Для меня это было честью, – зарделся юноша.

– Возьми кусочек пирога, – предложила довольная хозяйка.

Галь, с не меньшим удовольствием наблюдавшая эту сцену, кинулась ухаживать за любимым, нарезаая пирог и доливая сока в его стакан.

– Часто ли ты выезжаешь с родителями? – продолжила расспросы раскрасневшаяся от неловкости Шимрит, когда ажиотаж вокруг поездки Шахара улегся.

– Пока только в увеселительные поездки, – чистосердечно ответил Шахар, хваля изделие умелой хозяйки. – Обычно, папа и мама уезжают по работе, и я, на какое-то время, остаюсь один. Ведь мне надо ходить в школу, а у них совместное дело.

– В которое ты войдешь тоже?

– Не знаю, мы это не обсуждали, – смутился юноша. – Вообще-то, у меня уже есть планы на будущее. Я намереваюсь отделиться от родителей после армии, но уже в этом году сдать экзамен для поступления на юрфак. А поступать я буду туда, где выше уровень обучения. Для этого, мне нужно быть независимым и самостоятельным человеком.

Когда молодой человек произнес последнюю фразу, девушка устремила на него долгий взгляд, исполненный бесконечной гордости, да и мать ее не могла не восхититься целеустремленностью Шахара. Она похвалила его за упорство и добавила, что это очень хорошо – смолоду знать, кем ты хочешь стать в жизни.

– Я всегда это знал, – торжественно заявил Шахар. – Я всегда знал, что, так или иначе, стану продолжателем семейной традиции. Родители полностью поддерживают меня, и много вкладывают в меня.

Рассуждая о своих планах на будущее, юноша весь сиял. В каждом слове его чувствовалась огромная уверенность и такая сила убеждения, что Галь и Шимрит уже представили себе этого мальчика в адвокатской мантии на его красиво развернутых плечах. Обычно спокойный взгляд Шахара в этот миг излучал пламенное вдохновение. Лишь среди самых близких он не стеснялся быть открытым, стараясь в более широком обществе преднамеренно помалкивать из нежелания вызывать к себе зависть и недоброжелательство.

А завистников у него было много, в том числе и в классе. Если соученики втихаря обзывали его «заумником», то учителя, бывало, выражали ему вслух их общее мнение о нем, гласящее, что он слишком неестественно опережает свой возраст, чем резко выделяется из общего числа школьников, и взваливает себе на плечи больше, чем любой подросток может вынести. Эти училки, определившие в эту школу, под свое крылышко, своих собственных отпрысков, исходили из общеобразовательного подхода, согласно которому всему настает свое время и поэтому не надо торопить события.

Но Шахар оставался спокоен, зная, что он в безопасности, а так же то, что никто из этих училок, включая Дану, и других школьников не может пройти за него его путь. Он углубленно изучал английский, сдал на права вождения мотоцикла, прислушивался к деловым разговорам родителей, и даже в поездке сам часто работал с дорожной картой под четким руководством отца. Все, чем бы он сейчас ни занимался, являлось его подготовкой к будущим достижениям.

– Ты один у твоих родителей, – задумчиво произнесла Шимрит после его слов. – Понятно, что они возлагают на тебя все свои надежды и всячески помогают.

У Шахара, привыкшего выслушивать подобные замечания, возражение было готово заранее:

– Ничего подобного. Родители редко меня балуют и помогают. Да, они направляют меня, вкладывают в меня деньги – например, купили мне мотоцикл, – но ничего за меня не делают. Мало кто это понимает. Что недостаточно быть просто сыном богатых родителей, но и самому заслужить свое положение. Знаете, например, почему я занялся каратэ?

Он вопросительно поглядел на своих слушательниц, и поскольку те отрицательно покачали головами, принялся рассказывать:

– Однажды, когда мне было восемь лет, на меня напали соседские мальчишки. Мы жили в то время в другом районе, и не так богато, как сейчас. Там нашими соседями были люди из народа, скажем так. Я там ни с кем не общался. Меня считали снобом и слабаком, так как я был физически хилым, и, к тому же, все знали, кто мои родители по специальности. Так вот, эти мальчишки, которые были в два раза крупнее меня, отделали меня невероятно. Ну, а я даже не мог себя защитить. Когда я, зареванный, прибежал домой, папа и мама, конечно, испугались, но, прежде чем пожаловаться родителями моих обидчиков, они объяснили мне, что это произошло потому, что те мальчишки считают, что я лучше их всех, а потому должен стать еще лучше. И они записали меня в кружок каратэ. И что вы думаете? Не прошло и нескольких недель со дня записи, как во дворе больше ко мне не приближались. Я же, в свою очередь, сделал вид, что все забыл. А потом мы переехали в наш пентхауз и все осталось в прошлом.

Мать и дочь многозначительно переглянулись: Галь восхищенно, Шимрит задумчиво. Шахар собрался с мыслями и добавил:

– Конечно, это было давно. Но тот инцидент научил меня уверенности в себе. Самое главное – твердо знать, чего ты для себя хочешь, и действовать согласно решению и внутреннему убеждению. Думаете, – произнес он, немного понизив голос, – я не слышу, как некоторая шпана в классе смешивает меня с грязью? Наор Охана, например. Мне б ничего не стоило одним ударом заставить его прекратить оскорблять меня – коричневый пояс по каратэ достался мне заслуженно. Но я не опущусь до его уровня. Пусть себе говорит! Зато ко мне не будет никаких претензий, и он тоже, рано или поздно, отстанет.

– Совершенно верно! – поддержала его Галь. – Этот хам и придурок не стоит того.

– А кто это Наор Охана? – спросила Шимрит.

– Это – так называемый предводитель шпаны в нашем классе, – пояснила дочь. – Ничтожная личность, бездарь и шалопай с грязным ртом и дурными привычками. И как его только не выгоняют из школы? Наверно, только благодаря деньгам его папаши, владельца сети маленьких магазинчиков, у которого дела сильно пошли вверх. Его подружка Мейталь Орен, такая же похабная дура, как он сам, и, впридачу, дебелая, как корова, и несколько их приятелей – единственные из всех ему под стать.

То, о чем умолчали по устоявшейся между ними договоренности Галь и Шахар было то, что одним из тех соседских драчунов и был пресловутый Наор Охана, отец которого, действительно, был простым человеком, поднявшимся благодаря своей коммерческой жилке. Однако, как говорится, легко вывести людей из посредственности, но трудно вывести посредственность из людей. Несмотря на недостаток, Наор в душе своей остался тем же шелопаем, не хотевшим учиться, вел себя соответственно своему грубому стилю, и презирал свой успевающий класс, куда его определили чтоб он "тянулся и развивался". Поэтому, встреча двух старых недоброжелателей – Наора и Шахара – в новой школе оказалась пренеприятнейшим сюрпризом для обоих. Пока что между ними царил холодный мир, но Наор просто ненавидел Шахара, а Шахар, помня о своем давнишнем унижении, всячески игнорировал и избегал Наора.

– Тогда вы правы, – согласилась не подозревавшая об этом обстоятельстве Шимрит. – С такими людьми лучше не заводится, потому, что ничего им не докажешь.

– Почему же? – ответил Шахар. – Я всем все докажу. Но другим способом.

Шимрит прекрасно понимала, почему ее пылкая, необузданная, романтическая дочь так любила именно этого юношу. Но, при всем своем восхищении, слова друга дочери насторожили ее. Никогда раньше они не беседовали о планах Шахара на будущее. Но сегодня Шахар сам разговорился, и Шимрит без труда проглядела в нем завязтого карьериста. Будучи сама в прошлом замужем за карьеристом – отцом Галь – она знала, насколько это тяжело. Но для

матери все еще было загадкой, на кого в большей степени похожа Галь – на нее, скромную секретаршу с богатым стажем офисной работы, или на своего отца.

И теперь, насколько она предполагала, все упиралось лишь в этот вопрос. Но ей было страшно его поднимать, хотя бы по той причине, что от нее больше ничего не зависело. Она сказала:

– Я от всей души желаю тебе удачи, Шахар, и надеюсь, что ты будешь и дальше беречь мое единственное сокровище!

– Мама, что за разговоры? – нахмурилась Галь.

Молодой человек сразу же закинул руку на плечо девушки и подтвердил, что они всегда будут вместе, что Шимрит не о чем беспокоиться, и призвал ее жить сегодняшним днем. Говоря о сегодняшнем дне он слукавил, но, в целом, не обманывал. Он любил свою девушку, с удовольствием проводил время в обществе их друзей, легко учился, и не ощущал необходимости напрягаться. Кроме того, ему хотелось успокоить ее трепетную мать.

После ее этого разговор сменил направление. За увлекательной беседой о всевозможных мелочах время промчалось незаметно, пока часы не пробили девять. Тут парень зашевелился: дома его еще ждали дела. Он и без того засиделся у них и злоупотребил гостеприимством Шимрит. Он хотел было помыть посуду, как и собирался вначале, но та отобрала ее у него, заявив, что уборка – забота хозяев. Галь спустилась проводить друга во двор до мотоцикла.

Какое-то время они стояли, слившись в объятии, обмениваясь спокойными поцелуями. Затем девушка тихо произнесла:

– Не бери в голову мамино беспокойство. Мне самой бывает от этого неловко. Не сердись, если что-то не так.

– Перестань! – сказал Шахар. – Твоя мама, как никто другой, вызывает у меня уважение, и, что бы она себе ни думала, я ее отлично понимаю. Ты, действительно, у нее одна, и ты – ее единственное сокровище. Ты должна радоваться, что тебя так опекают, потому, что, как я уже говорил, даже мои родители не настолько принимают участие в моей жизни, как твоя мама – в твоей.

– А сказать, почему? – Галь приподнялась на носках, чтобы достать губами до уха своего любимого, и полунасмешливо-полусерьезно прошептала: – Потому, что ты – мужчина. – И, нежно укусив мочку его уха, добавила: – И еще потому, что твои родители вместе, и вы, в отличие от нас, хорошо обеспечены.

Сердце Шахара защемило. Он провел приятный вечер в доме своей подруги и ему не хотелось омрачать его ничем. Все же, он не мог оставить ее последнее высказывание без ответа, и, для вида, согласился с ней:

– Да, пожалуй, ты права.

Он немного помолчал и грустно добавил:

– Если бы мои родители расстались, я бы, наверно, сошел с ума.

– Твоим незачем расставаться. Они – одного поля ягоды, оба одинаково успешны и ведут общее дело. Я не знаю, что именно произошло между мамой и бросившим нас мерзавцем, – злобно заговорила она об отце, – но это только из-за него мы живем сейчас так, как мы живем. Как хорошо, что я его ненавижу! Только вот маму жалко: она, почему-то, никак не может его забыть.

Юноша сильнее прижал Галь к себе и поцеловал в лоб. Ему хотелось все-таки покончить с грустной темой.

– До завтра! – проронил он, и, вскочив на мотоцикл, умчался по вечерней улице.

Галь, счастливая и утомленная, неспешно зашагала по направлению к дому.

Глава 3. О платьях и о личной жизни

Несколько дней спустя администрация школы объявила о дате грандиозной вечеринки в честь начала учебного года. Планировалось порадовать учащихся трех старших выпусков и их учителей феерическим шоу, включавшим выступление известной рок-группы, угощение, дискотеку и бесплатную развозку детей.

Как правило, такие мероприятия проходили в спортзале, который превращался по данным случаям в танцевальный и концертный зал, а одно из учебных помещений в ведущем к нему коридоре – в закусочную. Оформление обоих помещений всегда было делом рук добровольцев среди учащихся. Поэтому, коридоры и лестничные площадки, примыкающие к месту действия, вскоре заполнились картонами, ворохами цветной бумаги, коробками с аксессуарами, цветными лампочками и рабочими принадлежностями. В то же время, билеты на вечеринку раскупались в немыслимом темпе.

Шели Ядид, обрадованная чудесным поводом не присутствовать хотя бы на некоторых уроках, работала в будущем концертном зале не покладая рук, и, довольная, прибежала в класс на переменах то измазанная краской, то с огрызками цветной бумаги на одежде. Все ее мысли были заняты лишь одной вечеринкой. Она болтала о ней без умолку, поражая своей возбужденностью всех, кто уже сбился со счета, на скольких разных вечеринках она побывала.

С подругами она обсуждала наряд, который наденет, перебрала в уме весь свой гардероб, и пришла к печальному выводу, что любая подходящая вещь в ее шкафу уже ношенная – а значит, нужно было срочно подыскивать себе новое платье.

И вот, однажды вечером, она пригласила Лиат и Галь совершить с ней прогулку в торговый центр. Хен, договорившийся провести тот вечер с ней вдвоем, ужасно разозлился, что его отстранили от принятия участия в таинстве поисков будущего наряда. В приливе ярости, он принялся проклинать страсть своей подруги к тряпкам и девчачьим разговорчикам. Однако Шели, как всегда, нашла к нему верный подход и любящие помирились.

– Как тебе это удастся? – не без восхищения спросила Лиат, когда три девушки, взявшись под руки, прохаживались по торговому центру.

– Проще простого, – ответила Шели. – Хен – моя мужская копия. Мы с ним понимаем друг друга с полуслова.

– Не сказала бы, судя по его поведению сегодня утром, – скептически заявила Лиат.

– Все они – одинаковые эгоисты, – философски заметила Шели, имея в виду парней. – Хен – тоже не исключение. Но мне нравится, когда он так заводится, – это означает, что он меня любит.

– Сахар тоже меня любит, но не заводится, – вставила Галь.

– Это потому, что он – вечный ученик, и ему не до твоих нарядов! – выпалила Лиат.

– Почему же? – обиженно возразила Галь. – Ему еще как до них! Просто в отличие от Хена он уравновешенный и не ревнивый.

– Как же, все-таки, хорошо, что у меня пока еще нет парня! – вдруг воскликнула Лиат. – Хорошо быть свободной и не обязанной отчетом ни одному ревнивцу!

Галь и Шели одновременно рассмеялись. Подобные пафосные выражения Лиат, любительницы обсуждать их личную жизнь, были им не в новинку. Эта коротышка вполне смогла бы выступать с трибуны на феминистских митингах. Вообще, ораторство было одной из сильнейших ее черт: драматизм с легкой хитринкой в голосе, убедительность и хлесткость фраз проявлялись у Лиат в общении с каждым.

Тем не менее, в Шели тотчас разыграло желание возразить. Все, что касалось отношений девушек с парнями являлось словно ее личным знанием, которое она трепетно хранила и распространяла. Она решительно заговорила:

– Не обязательно быть одной чтоб ощущать себя свободной. Вот, я тоже свободна, хоть и не одна. Все дело в умении создавать ситуации, при которых я могу поступать так, как мне удобно, но чтобы и друг мой считал, что он не в накладе. Вот сегодня: когда Хен разбушевался, я напомнила ему, что он давно не играл в свой любимый футбол, и что, наколько я слышала, Ран и Янив собираются на стадион. Он сразу же повеселел! Уверена, что он сейчас гоняет мяч и не вспоминает обо мне. А завтра мы встретимся, как и планировали.

– А не боишься, что завтра он прочит тебя? – подколола ее Лиат.

Шели остановилась и посмотрела на нее таким долгим и пронзительным взглядом, что пухлый рот Лиат медленно расплылся в смущенной улыбке.

– Что? Разве это я должна бояться? Ерунда! Если Хену приспичит взять реванш, то я найду, как ему отомстить. И тогда он сам за мною побежит, будьте уверены!

– Так ему и передать? – съязвила Лиат.

– Ну, попробуй, – как-то угрожающе отозвалась Шели, но обе подруги тотчас заулыбались.

– Лиат, ты пойми, – пояснила Галь, – у них все не так, как у меня с Шахаром. Им обоим необходимо разнообразие, игры в прятки, дерзкие штучки – от этого им становится только еще интереснее друг с другом. Так ведь, Шели? – обернулась она к той, желая заручиться ее подтверждением своих слов.

– Совершенно верно, – кивнула Шели. – Иначе мы быстро наскучили бы друг другу.

Она обхватила обеих приятельниц за плечи и таинственно прибавила:

– Вы помните, как у меня каждую неделю был кто-то другой, а у Хена – кто-то другая?

Знаете, почему? Потому, что все те доставали нас своею однобокостью. Мне жаль, что мы с Хеном не замечали друг друга раньше. И как же хорошо, что мы есть друг у друга, хотя бы пока!

– Что значит «пока»? Ты хочешь сказать, что готова оставить Хена, если найдешь себе парня получше? – сразу вырвалось у Лиат.

– Нет, я не это имела в виду. Хотя, – оговорила Шели, – в наши годы бессмысленно брать на себя обязательства. Для чего понапрасну разочаровываться? Поэтому, мы любим друг друга сегодня, а не на веки вечные, ради удовольствия, а не ради страдания, стоим ногами на земле, а не витаем в облаках. Наше кредо: не думать о будущем и извлекать все радости из настоящего. Ты говорила раньше о свободе, Лиат. Так такой и должна быть свобода в любви, когда она – здоровое чувство.

– Я с тобой не согласна, – пылко возразила ей Галь. – Я считаю, что свободы в любви не существует, иначе это – не любовь.

Обеим ее подругам была хорошо известна ее романтичность и многолетняя привязанность к парню, с которым она встречалась, но, тем не менее, столь категоричное заявление Галь немного их шокировало – не столько смыслом сказанного, сколько тоном, с каким девушка выпалила эту фразу. Она сказала, как отрезала, при том, что ее нежные щечки с ямочками залились румянцем, а глаза вспыхнули страстным огнем. Шели, поняв, что их непринужденная беседа могла теперь в любой момент вылиться в серьезные исповедания, и желая предотвратить это, добродушно сострила:

– Извини, мы не знали, что ты приговорила себя к пожизненному заключению!

И они с Лиат расхохотались.

– Смейтесь, все равно вам не понять меня! – фыркнула Галь, опустив влажные глаза.

– Нет-нет, мы все прекрасно поняли! – не унималась Шели, хватаясь за бока.

– Хватит, Галь! – воскликнула Лиат, обняв ее за талию. – Шели только пошутила. Сказать по правде, лично у меня твоя позиция вызывает восхищение, потому, что ты – серьезный человек. Это для Шели все легко и поверхностно, – укоризненно мотнула она головой в сто-

рону хохочущей красотки Шели, – а у тебя – глубокое чувство. Думаю, Шахар должен высоко ценить такое отношение к себе. Конечно, если он вполне разделяет твои чувства.

– Что ты хочешь сказать? – настороженно произнесла Галь.

– Ничего особенного. Просто я где-то прочитала, что мужчины любят по другому, отчего можно ошибиться по поводу их отношения к нам. Как же, все-таки, хорошо, что мне еще не приходилось ломать себе голову над этими вещами! – заключила она в своей обычной артистической манере.

– Лиат, – проникновенно ответила ей Галь, подняв раскрасневшееся лицо, хотя над головой ее было не чистое звездное небо, а всего лишь стеклянный потолок универсама, – ты даже не понимаешь, о чем говоришь! Если бы ты только знала, какое это удовольствие – любить! Видеть в любви смысл всей твоей жизни! Отдавать всю себя тому, кого любишь, вкладывать душу в любые мелочи, превращающие ваши дни в праздник, стремиться делать ему приятное, дотрагиваться до него, быть с ним рядом каждый день, и мечтать, чтоб это никогда не кончилось! Любовь – это постоянство. Если ты допускаешь хотя бы мысль о том, что все может измениться, то тогда назови свое чувство как угодно, только не любовью. От всего сердца желаю тебе поскорее влюбиться и испытать это самой.

– Спасибо, дорогая, – смущенно высказала Лиат, у которой тоже прилила краска к лицу, и в дружеском порыве чувства поцеловала подругу в щеку.

У легкокрылого мотылька Шели вертелась на языке очередная острота в адрес разгоряченной душещипательным монологом идеалистки Галь. Ей показалось, будто ей зачитали вслух абзац из дамского романа. Галь всегда была помешана на страстях, на мысли, что жизнь – красивая сказка, на своем единственном и неповторимом Шахаре, и на своих коллажах, которые, в ее представлении, были похожи на обложки тех самых тупых дамских романов.

В какой-то мере Шели жалела ее, хотя жалеть Галь, было, в общем, не за что. Будучи натурой гораздо более реалистичной, Шели понимала, что твердый настрой и наивность Галь могут рано или поздно сослужить ей дурную службу, но ни она, и никто другой не могли переубедить ее ни в чем. Таков был характер Галь, и именно такой она ее всецело принимала. Поэтому сейчас она отвернулась, чтобы скрыть коснувшуюся ее губ ироничную улыбку.

Однако от Галь не ускользнула ее реакция, и она почувствовала себя неудобно. Неужели было так трудно сказать ей что-то одобрительное? Ведь то, что она говорила, исходило от ее сердца! Она взглянула на Лиат с надеждой на поддержку, и та, уловив ее невысказанное желание, принялась выражать ей свое восхищение:

– Ты, Шели, такая же, как все современные женщины, для которых свобода превыше всего. По-моему, такая свобода является чистой воды эгоизмом. Тебе бы поучиться у Галь тому, что такое настоящая любовь.

– Вот ты и поучись у нее, когда найдешь себе парня, а я, как-нибудь, сама, – не задумываясь, парировала Шели.

– Ты обиделась? – встрепелась Галь, испугавшись ее жестковатого тона.

– Нет, – спокойно ответила Шели. – Я только ответила Лиат так, как считала нужным.

– Шели, – остановилась Лиат, – честно тебе говорю: я не созрела для любви. Посмотрите же на меня! Какие там для меня парни? Если я и философствую с вами за компанию, то это еще ни о чем не говорит! В настоящее время у меня есть единственная цель: учеба. Я хочу закончить школу если не с почетной грамотой, то хотя бы с отличием.

– Знаем, знаем. Но смотри, Лиат, не стань ученой всех доступных мужиков, когда наступит твое время. А не то тебе придется выбирать жениха чуть ли не из профессуры, – вновь колко рассмеялась Шели. Затем, наклонившись к низкорослой девушке, таинственно прошептала: – Не постыдишься пригласить нас на вашу свадьбу?

– Там видно будет, – хлестко бросила Лиат, слегка нахохлившись.

– Как бы там ни было, – пылко проговорила Галь, желая отвлечь подруг от неприятного для обеих момента, возникшего, в сущности, из-за нее, – мы с Шахаром все равно поженимся первыми, и мы всех вас пригласим к нам на свадьбу!

– Мы с удовольствием! – воскликнула Шели, чувствуя, что это был ее вечер. – А когда свадьба?!

– Это – лишь вопрос времени, который не имеет значения, – серьезно сказала Галь.

– Вот это верно: для тебя уже ничего не имеет значения, кроме Шахара. Ты совсем потеряла голову, – последовал ответ в наставническом тоне.

– Довольно, Шели! – резко вмешалась Лиат. – Мы выбрали совсем неподходящее место для таких разговоров, и мы не для того здесь находимся, чтоб обсуждать нашу личную жизнь.

Действительно: в пылу дискуссии девушки напрочь забыли, где они находились и зачем сюда пришли. Сама обстановка кишевшего людьми крупного универмага не располагала к беседам на любовные темы. Здесь, более ярко, чем где либо, бил в глаза прагматизм: все имело свою цену, было проникнуто атмосферой осмотра, выбора, расчета, конкуренции, и имело ослепительно нарядный внешний вид. Роскошные витрины с изысканными товарами, изумительная одежда на манекенах, уютные кафе, детские аттракционы и очаровательные фонтанчики говорили об искусстве соблазнения покупателей и о престиже заведения.

Этот ненавязчивый способ прельщения моментально сработал, когда три подруги, очнувшись от эмоционального обсуждения своей личной жизни, увидели прямо перед собой богато убранную витрину магазина вечерних платьев. Их недавний спор тотчас утратил всякий смысл, стоило им заглядеться на сочные краски дорогих тканей, на оригинальные фасоны моделей, на их блестящие аксессуары.

Шели, как безумная, ринулась туда, увлекая за собой Лиат и Галь, и принялась осматривать, платье за платьем, каждую вешалку. Вскоре на широком квадратном пуфе возле примерочной, к вящей радости скромно улыбавшейся продавщице, выросла целая груда одежды ярчайшей расцветки, из которой девушка собиралась выбрать наряд, предназначенный для ее блистания на вечеринке. Она громко просила передать ей за занавеску то или иное платье, и показывалась то в длинном, то в коротком, с глубоким декольте, на бретельках или закрытом по шею, суежилась перед зеркалом, оглядывая себя со всех сторон, выспрашивала мнение продавщицы, прикидывала вслух, какие туфли и украшения из ее домашнего арсенала подойдут к этому наряду, и принималась примерять все заново, будучи никак не в силах предпочесть что-то одно. Будь на то ее воля, она скупила бы все платья в магазине, потому, что все они ей нравились.

Видя ее сумасшествие, Галь почувствовала себя отомщенной: насколько трезво Шели умела рассуждать об отношениях полов, настолько же она теряла голову при виде всякой блестящей мишуры.

Сама же Галь почти сразу прельстилась коротким небесно-голубым платьем, и, не взглянув на остальные, решила приобрести его. В самом деле, выбор был удачен: приталенное, с оголенной спиной и широким воротником платье подчеркивало ее грациозную фигуру, а воздушная ткань с легким рисунком идеально шла к ее глазам и гармонировала с золотистым оттенком кожи. Довольная Галь расхаживала по магазину в своем новом платье любуясь собой, и нетерпеливо торопила Шели, в сотый раз копавшуюся среди тех же вешалок.

– Я скоро, скоро! – раздражалась Шели, и продолжала рыться в вещах.

Что касалось Лиат, то сначала ее внимание привлекли несколько моделей темных тонов, и она примерила их. Но, к сожалению, из-за нестандартного сложенья девушки – слишком плоской фигуры при маленьком росте – ни одно не пришлось ей впору. Видя разочарование клиентки, продавщица попыталась подогнать по ней самое выигрышное из отобранных платьев, но затем со вздохом объявила, что рискует его испортить.

Галь, решив приободрить подругу, предложила ей поискать наряд из двух составляющих, в виде костюма. Но Лиат печально покачала головой и сказала, что этого барахла у нее и так был полон шкаф.

– Не расстраивайся, – обняла ее Галь, желая поднять ей настроение. – Просто тебе нужно шить наряды на заказ по твоим меркам. У мамы есть знакомая портниха, очень хорошая, – хочешь, я принесу тебе завтра ее телефон?

– Нет, спасибо, – бойко ответила девушка, отвечая на объятие подруги. – Если честно, то я и не собиралась ничего покупать. Я просто увлеклась вслед за вами.

Слова ее были исполнены подчеркнутой бодрости, и их тон убедил Галь, оглядывавшую себя в зеркале, в том, что Лиат на самом деле не была огорчена.

Пребывание подруг в магазине, вероятно, затянулось бы еще надолго, если бы продавщица не уговорила красотку Шели остановиться на красном шелковом платье, закрытом по шею спереди и с завязками на спине. Блондинку с темными глазами этот богатый цвет делал непередаваемо сексуальной, а длина платья была достаточна чтоб одновременно открыть ее стройные ноги и не выглядеть нескромной.

Удовлетворившись выбором, девушка протянула кассирше кредитную карту своих родителей, и, вслед за ней, Галь сделала то же самое, попросив упаковать ей ее голубое платье. Затем они покинули магазин и вновь нырнули в гущу суетливой толпы, наводнявшей торговый центр. Только теперь держаться под руки им не давали громадные бумажные пакеты с обновками.

– Должна признаться: это платье сразу же мне понравилось, – виновато улыбнулась Шели. – Но вокруг было столько других потрясающих, что я никак не могла решиться.

– Мы видели, как ты вертелась юлой, – сказала Лиат и предложила отметить их покупки.

Неподалеку располагалось кафе, и проголодавшиеся девчонки немедля туда направились. За круглым столиком, примыкавшим к искусственному водоему, поглощая мороженое и творожные торты, они заговорили о разном: обсуждали особенности предстоящей вечеринки, представляли, во что оденутся их парни, чтобы выглядеть им под стать, спорили, кто из кокеток-соучениц попытается затмить их своим нарядом и высмеивали их недостатки. Особенно Шели издевалась над ненавистной Мейталь Орен, "королевой шпаны".

– Эта корова, кажется, решила меня выслеживать, – говорила она с презрением. – Ее что-то сильно интересуют моя косметика, мои приятели мужского пола, и даже мои конспекты.

– Твои конспекты? – в один голос вскрикнули изумленные Галь и Лиат. – С каких это пор ты ведешь конспекты?

– Да, я их не веду. Но я не растерялась. Сказала, что у меня есть, у кого их брать, в отличие от нее, – ответила Шели, и многозначительно подмигнула Лиат, у которой и копировала все записи в тетрадях, – и что благодаря той, у кого я их беру, я сдам все экзамены на все сто баллов... кыш, противная!

Она ударила рукой по своему голому плечу и вдруг оторопела, обернувшись назад:

– Это ты? Ах, прости, я решила, что это муха!

И она резво вскочила, чтобы расцеловать худощавого солдата, незаметно подкравшегося сзади и легко водившего ей по спине кисточкой от ремня вещьмешка.

– Коби, мой старый знакомый! – представила она его подругам.

Коби возвращался с базы в отпуск, и по дороге домой заскочил сюда купить родным подарки к новомуднему празднику. Он предложил всем трем девушкам составить ему компанию, ибо после долгой и молчаливой поездки ему ужасно хотелось с кем-то пообщаться. Утомленные за целый день Галь и Лиат вежливо отказались. Зато в Шели тотчас проснулось второе дыхание. Попросив у подруг разрешения побыть с приятелем, она, весело болтая, удалилась с ним в гущу ярких витрин.

Лиат и Галь направились к выходу.

– Она ненормальная, – критично заметила Галь. – Даже в магазине вела себя почти также, как в жизни. Не успокоилась, пока не перемерила всю кучу платьев, и остановилась на том, на чем ей настояли. Если бы дружище Хен не проявил тогда упорство, то встречались ли бы они сейчас? Большой вопрос.

– У каждого свой характер, – пожала плечами Лиат. – Шели, если забыть о ее легкомыслии, очень хороший человек и замечательная подруга.

– Кто бы с этим спорил? Но у нее все друзья. И все – лучшие. И этот солдат, который вдруг появился словно из-под земли и испортил нам совместное времяпровождение – тоже ее лучший друг.

– У тебя всегда есть я! – весело улыбнулась Лиат и добавила: – Не принимай близко к сердцу шуточки и критику Шели в твой адрес. Она всех судит по себе. Ты должна быть верна себе и своим чувствам. Боюсь, если одна из нас и попадет впросак в отношениях с парнем, так это она с ее свободолюбием.

– И я так думаю, – подхватила Галь. – Но пусть каждая из нас будет счастлива по-своему.

– Все-таки, я не завидую Хену! – с лукавой гримаской подытожила Лиат и подмигнула Галь, которая также, строя рожу, подмигнула ей в ответ.

* * *

Тою ночью Лиат не сомкнула глаз. Ни глубокая усталость от раннего начала прошедшего дня и прогулки по шумному универмагу, ни изнуряющая духота не помогли ей заснуть. Голова Лиат разрывалась от черного роя нерадостных мыслей, а на ее подушку стекали слезы. Слезы, копившиеся в ней уже давно, и теперь прорвавшиеся обильным потоком из-за всего, что случилось в торговом центре между ней и ее подругами.

Но ведь ничего и не случилось! Они всего лишь порассуждали об их личной жизни. Вот, так всегда. Сегодня Галь и Шели тоже, без умолку, болтали каждая о себе, слепо веря в ее, Лиат, решительные убеждения в ее неготовности к любви. Более того: эти две, а также их парни и Овед были уверены, что она, в принципе, удачливая и вполне удовлетворенная своей жизнью молодая девушка. Знакомые с ней много лет, все пятеро легко попадались на ее удочки: непринужденное общение, веселость, приветливость и самодостаточность. Именно так работал на людей имидж, который Лиат кропотливо себе создала.

И разве не было в нем львиной доли правды? Лиат сама не единожды заставляла себя поверить в свое благополучие. Она принадлежала, наряду с Шахаром, к числу самых успевающих учеников выпуска, и можно было сказать, что двери всех ВУЗов были открыты перед ней. Училась она легко и отлично вела конспекты, чем вызывала зависть у многих ее одноклассников, которые иногда у нее списывали. Близкие друзья уважали ее. Все вместе они хорошо проводили время, так что скучать ей практически не приходилось. Обеспеченные родители, очаровательный младший братишка, уют в доме... Но Лиат могла убедить в чем угодно кого угодно, но только не себя саму.

На самом же деле, Лиат Ярив чувствовала себя глубоко несчастным человеком в силу самых личных своих переживаний. К сожалению, природа не наделила ее ни изысканной внешностью Галь, ни броской сексуальностью Шели, а судьба не послала ей ни женского счастья первой, ни беспечности и ветрености второй, при которой та могла менять ухажеров, как платья, и вполне довольствоваться этим.

Каждый раз, оглядывая себя в зеркале, девушка с горечью представляла себе, как она – большеротая, узкоглазая, остроносая пигалица – выглядела рядом с красавицами-подругами, и это проигрышное сравнение вызывало в душе ее острую боль. Правда, у Лиат были удивительно пышные иссиня-черные волосы, ломанные пряди которых ниспадали ей до талии, однако черты ее лица, на ее взгляд, абсолютно обесценивали их красоту.

Кроме того, никогда еще не имевшая опыта интимного общения с парнями, она испытывала неловкость перед все уже познавшими Галь и Шели. Когда те обсуждали подробности своей сексуальной жизни, она могла лишь "философствовать за компанию", при этом тщательно скрывая свою огромную потребность в мужских объятиях. Ни оглядки на то, что ей только недавно исполнилось семнадцать, – всего лишь семнадцать! – ни вековая мудрость о том, что красота не обязательно приносит счастье, не утешали ее. В классе все дразнили ее «коротышкой», а рядом с ней находились две роскошные юные женщины и их молодые люди.

А, ведь кроме как с этими несколькими, она, в сущности, ни с кем больше не общалась в школе!

И, стремясь хоть в чем-то обойти подруг, Лиат напряженно лелеяла впечатление о себе только как о целеустремленной, талантливой ученице. В то время как Шели искала развлечений, а для Галь самым важным в жизни был ее роман с Шахаром, и обеих вполне устраивало то, что они учились средненько, Лиат нацеливалась на блестящий аттестат зрелости. Ее даже радовало то, что там, где другим требовались многие часы зубрежки, ей было достаточно «пробежаться» по своим аккуратным и полным конспектам. Тем не менее, этот способ самоутверждения был зыбок. Ведь она не столько пыталась доказать себе самой, что ее преимущество крылось в учебе, сколько заставить подруг завидовать ее блестящим успехам там, где сами они отставали.

Значило ли это, что отношения Лиат с приятельницами основывались на соперничестве? И да, и нет. Ибо, не взирая ни на что, Лиат была очень привязана к обеим, и глубоко страдала от своей непохожести на них. И легкомысленная Шели, и романтическая Галь являлись для девушки примерами того, какой следует быть чтобы нравиться юношам. Ей причиняло боль их непринужденное отношение к ней. Ведь проявляя свою дружбу в приятном общении, в желании вместе куда-то сходить, чем-то вместе заняться, и Галь, и Шели принимали ее такой, какой она себя преподносила, не пытаясь заглянуть под ее защитную оболочку.

Лиат была уверена в том, что это неприятное открытие непоправимым образом нарушило бы гармонию, царящую между ними тремя. Поэтому, даже ее чувство соперничества оставалось невзаимным, односторонним. Да и если говорить о нем, то оно гораздо больше касалось Галь, чем Шели, ибо у последней, с ее бьющей ключом общественной жизнью, почти не было возможности вызывать это чувство. Шели Ядид являлась скорее верной спутницей многолетнего союза Лиат и Галь, чем его частью. Галь, сама того не подозревая, и была основной причиной страданий своей подруги.

Они познакомились в первом классе, и сошлись так быстро, как сходятся дети в этом невинном возрасте. Не похожесть характеров крошек, а скорее их различие притянуло их друг к другу: эмоциональная, порывистая Галь вызвала взаимный интерес у незаметной и замкнутой Лиат. Они превосходно дополняли одна другую. Ничто не омрачало тогда их идиллических отношений: девочки с удовольствием вместе учили уроки, вместе посещали различные кружки, вместе сидели за партой в классе. Часто они также болтали о своем, сидя рядышком в уголке, словно на отдаленном островке посреди огромного архипелага.

Неподдельная искренность этой дружбы, вскормленная детской непосредственностью, общностью интересов и теснейшим общением умиляла всех, кто видел двух "сестричек", и все полагали, что они останутся подругами на всю жизнь.

Но время шло вперед, и сделало свое. К двенадцати годам Галь развилась и расцвела так пышно, что незнакомые люди давали ей все пятнадцать. Тогда же на нее стали заглядываться мальчишки. Лиат же, едва доросшей до "метра с кепкой", приходилось теперь глядеть на подругу в буквальном смысле снизу вверх, что сильно ранило ее самолюбие. Кроме того, место детских забав заняли чувственные переживания. Начавшаяся слишком рано и слишком бурно личная жизнь Галь вмешалась в союз двух девушек. У Лиат, остававшейся ни с чем, возник могущественный соперник, бороться с которым было бессмысленно.

Вначале она ожидала, что Галь сама задумается над тем, что былого равенства между ними уже не вернуть, и пересмотрит их отношения. Это, во многом, облегчило бы ее жалкую участь. Но та как будто ничего не замечала, то ли в силу простодушия, то ли из эгоизма счастливого человека. Она продолжала занимать с Лиат в классе одну парту, проводила с ней уйму времени, и делилась с ней самым сокровенным. То, что у нее был молодой человек, никак не повлияло на ее дружеские чувства к Лиат. У Лиат же не хватило силы духа вызвать Галь на откровенный разговор, и, чем больше проходило времени, тем труднее ей было на это решиться. А причина для откровенного разговора была, и еще какая!

Лиат была безумно влюблена в Шахара Села. Она влюбилась в него одновременно с Галь, но неуверенность в себе, стеснительность и дружба с Галь помешали ей обратить на себя внимание парня. Теперь же личная жизнь той отзывалось в ней ужасным ощущением утраченной возможности. Наверяд ли девушка надеялась на то, что при других обстоятельствах Шахар ответил бы на ее чувства взаимностью, но сам факт причастности ближайшей подруги к ее разочарованию, к ее тайне, не давал ей покоя. Поэтому она превосходно понимала Одеда, который, видимо, точно так же мучился от своей безответной любви к общепризнанной первой красавице выпуска. Где справедливость? Почему Галь привалило столько счастья – быть любимой одновременно двумя, тогда как ей всегда доставались одни насмешки? А тут еще Шели с ее похождениями...

В связи со всем этим, Лиат оказалась в замкнутом круге. С одной стороны, искренность дружбы Галь и Шели, вместе с ее собственной привычкой к ним, заставляла ее упорно молчать о своих переживаниях. С другой стороны, то, что Шахар, предмет ее обожания, тоже был членом компании, не позволяла ей отдаляться от товарищей. И ей пришлось создать себе свой имидж, в который она сама часто готова была с радостью поверить. Кроме того, она воспитала в себе восприятие жизни и отношений между людьми как театра, или, грубее, маскарада, и, в вынужденном своем актерстве, обнаружила для себя очень большую выгоду.

Дело в том, что, оставаясь неразгаданной загадкой для друзей, сама Лиат видела их насквозь, не упуская ни детали. Проницательная от природы, красноречивая девушка замечала все слабости своих близких, и научилась безошибочно с ними обращаться. Например, всегда поддакивая Галь, она заставляла ее доверяться ей и выбалтывать все личное, а вступая в дискуссию с Шели, исподтишка чернила ее в глазах Галь.

Немного иначе обстояло с парнями. Только Одед, как наиболее простодушный и застенчивый, мог сгодиться ей на роль «подружки», а Хен и Шахар, рано созревшие мужчины, были больше заняты собой и своими девчонками. И все-таки Лиат добивалась своего: подыгрывая, споря, интересуясь, лстя, иронизируя, комментируя, тонко ловя настроения друзей и проявляя немалую гибкость, она проникала в их "святая святых" и ощущала себя хозяйкой пусть не своего, но, хотя бы, чужого положения.

Но только ей одной было известно, чего ей стоили эти победы над друзьями! Ей, выглядевшей неуклюже в любом вечернем модном платье, подобному таким, какие приобрели сегодня Галь и Шели! Через несколько дней они будут блистать в своих новых нарядах на вечеринке, а она явится туда, как обчно, в юбочке и короткой майке, смотреть на их успехи и утешаться тем, что острота ее ума гораздо полезнее их привлекательности. А они, почивая на своих лаврах, вновь слепо поверят в то, что и она отлично проводит время. Попробуй Лиат открыться им сейчас, попробовать все объяснить! Реакцией последует шок. Они не смогут ей поверить! В худшем случае, назовут ее притворщицей и дурой, и будут тысячу раз правы. Уж слишком тесно пристала проклятая маска к ее лицу, и, конечно, теперь было слишком поздно что-либо менять. Не поймут. Не поверят. Особенно Галь.

Всю ночь за окном дул порывистый пыльный ветер, изжигающий внутренности и засыпающий песком растительность во дворе дома, отчего она казалась неживой. И всю ночь напро-

лет не спала Лиат, орошая подушку слезами лишь ей понятного, мучительного чувства обиды жизнью.

Глава 4. На вечеринке

Уже за час до назначенной встречи с друзьями чтобы вместе отправиться на вечеринку, Одед Гоэль был полностью готов. Он принял душ, намаслил свои гладкие темные волосы чтоб они не топорщились, надел темно-синие джинсы и пеструю облегающую футболку, и уселся в своей комнате перед маленьким телевизором в ожидании. Но юноша не следил за программой. Рука его бессильно лежала на пульте переключения каналов, а лицо выражало усталость и грусть.

Одед не был рад предстоящей вечеринке. Подобные шумные мероприятия всегда утомляли его. Будучи любителем тишины и уединения, молодой человек ощущал себя прескверно там, где гремела музыка и толпились разные группы с пивом в руках и с сигаретами в зубах. Он старался держаться поодаль от скопления веселящихся, упирался, когда знакомые тянули его в гущу танцующей толпы, стеснялся девиц, которые бесцеремонно пытались завязать с ним знакомство. На все школьные праздники Одед являлся исключительно в числе своей шестерки, ради чувства защищенности.

Он, вообще, был всегда рядом с товарищами – шла ли речь о походе, дискотеке или просто посиделках у одного из них, – и дарил им частицу того своего внутреннего тепла, которое приносило в их общение неизъяснимый свет. Существо безобидное и покладистое, Одед по праву звался совестью компании, и не только ее одной, но и чуть ли не всего класса. Тихий, скромный, внимательный, приветливый и добродушный, он снискал симпатии многих. Даже шпана никогда не трогала его. Лиат, при всей ее ироничности, так и не нашла для него колких слов. Для развязных приятелей Хена и Шахара – Рана, Янива, Эреза и Авигодора, – с которыми те, особенно Хен, любили погонять шары в бильярдных и выпить пива, он являлся немного второсортным, зато удобным помощником и благодарным слушателем.

Однажды, Галь справедливо отозвалась о нем так: "лучшего мужа для домохозяйки не сыскать, потому, что он будет всегда, по ее указке, ходить для нее за покупками, нянчить детей, мыть полы и даже нарезать овощи для супа". Галь... Вот уж если бы она разрешила ему совершать для нее все это, он бы всю жизнь носил ее на руках!

Украденная фотография красавицы была единственным решительным поступком парня во имя обладания ею – пусть иллюзорно, но хоть как-нибудь! Каждый день, закрываясь в комнате, Одед ласкал обреченным взглядом изображение полуголой девушки, проводил дрожащим пальцем по очертаниям ее груди и бедер, касался ртом запечатленных на снимке ее улыбающихся алых губ, и мечтал о некоем чуде, которое вознаградит его за пытку безответной страсти. Надежда его была мертва, а жгучее чувство, упрямо кромсавшее его сердце, словно подчинило себе волю молодого человека. Он наивно искал утешения в мысли, что его любовь была по-настоящему идеальной, именно в силу своей платоничности и несбыточности. И, вовсе не глядя по сторонам в поисках замены своей невозможной страсти, Одед радовался уже тому, что постоянно виделся с Галь, понятия не имевшей о тех чувствах, что крылись за его спокойным выражением лица, во время общих встреч шестерки. Нынешняя вечеринка была одним из таких моментов общения с Галь. Когда та пустится плясать в обнимку с Шахаром, он, из своего угла, украдкой будет ею любоваться, пылая желаньем, сгорая от ревности.

Юноша встал, выключил телевизор, и, разминаясь, заходил по комнате шатающейся походкой. Ему не хотелось выходить в гостиную, откуда доносились оглушительные визги его младших сестер-близнецов и строгий голос матери, пытавшейся накормить их ужином. Эти пятилетние чертовки уже порядком достали его сегодня. Кстати, ему бы не помешало вздремнуть, – вечер будет долгим!

Развозка была назначена на два часа ночи, и он, разумеется, пробудет там до тех пор. Улизнуть пораньше было бы неплохо, да вот только друзья засыпят его вопросами, почему,

что не так, и тому подобное. Лучше всего будет избежать этой неловкости, связанной еще и с тем, что придется искать их в дискотечной толчее и объяснять свое решение под нестерпимый рев музыки. Он уж постарается, по словам Хена, расслабиться и оттянуться.

А завтра, все свои впечатления от вечеринки он, по обыкновению, изложит в стихах, которые никто, кроме него, никогда не читал. Уже третья внушительных размеров тетрадь с собранием его произведений пополнится еще одной, а то и двумя попытками заставить бумагу говорить вместо него, обращаясь к невидимым слушателям. В исполненных горького лиризма поэтических строках он создаст себе любой образ, осуществит какую угодно сказку, даже преувеличит свои истинные чувства, не столько ради поэзии, сколько во имя жалости к себе. Он привык все вносить в этот своеобразный дневник своей души, и часто цитировал себе куски собственных произведений:

*"Любовь! Любовь! Тебе на пытку
Я, словно грешник, отдаюсь.
Ее огромных глаз улыбку
Стереть из памяти боюсь.
Я из моей открытой раны
За каплей каплю, пью нектар,
И белый-белый щек пожар
Не скрыли б лучшие румяна".*

В прошлом году, зимой, Дана Лев поручила им с Галь и еще троим одноклассникам водрузить над классной доской длиннющий плакат с расписанием уроков. Тот день, как он сейчас помнил, был хмурым и дождливым, но в классе стояло непередаваемое веселье. Стул, на который залезла Галь, предательски зашатался, и Одед, одной рукой прибивая плакат, другой страховал девушку, которая острела, что либо она свалится, либо вся их работа пойдет ко всем чертям. Свидетели его попыток удержать и плакат, и Галь, заливались хохотом, которым заразился и сам Одед:

*"И счастья чашу я испью
До дна с потопа капель каждой,
За то, что с той, кого люблю,
Смеялся радостно однажды".*

Но то были мимолетные иллюзии, разбивавшиеся сразу же, как улечивался хмель общения. Опечаленный парень размышлял тогда о своей незавидной участи, и клял судьбу за то, что она познакомила его с такой прекрасной, но влюбленной в другого девушкой, как Галь:

*"Мою всю жизнь перевернула
Боль без конца и без начала,
В бурлящий омут окунула,
И не вернет на сушу вновь.
Мой плот убогий не достигнет
Вовек заветного причала,
Он неминуемо погибнет,
Ибо сильна, как смерть, любовь".*

На последние именины Галь Одед купил букет алых роз и косметический набор в подарок. По дороге к ней у него родилось четверостишие, которое потом вошло в целую поэму:

*"Я в эту ночь не только розы
К твоим бы бросил, Галь, ногам.
Я за тебя – мою лишь грезу —
По капле кровь свою отдам! "*

А в конце прошлого учебного года, в июне, когда их выпуск вывезли на ночь гуляния в аквапарк, он, примостившись у своего лежака, и глядя с тоской на грохочущую дискотеку, где Галь, как обычно, была королевой, нацарапал карандашом на полях случайного листка газеты:

*"На мгновенье, прошу, про знакомых забудь,
И галдящий покинь хоровод.
Пусть ко мне лунный луч озарит тебе путь,
Жду тебя у недвижных вод.
Я по лунной тропинке тебя уведу
В поднебесный мечты моей храм.
И от всех я тебя навсегда украду,
И вовек никому не отдам! "*

Так будет и на этот раз. Он напишет свои пламенные строки, много раз прочтет их про себя, вживаясь в созданный им себе образ, и спрячет в нижний ящик стола, в красивую коробку, где с недавних пор поселилась «незаконная» фотография Галь. Никто не узнает про этот тайник, никто не услышит, о чем, о ком он говорил, говорит и будет говорить стихами.

Устав кружить по комнате, Одед опустился, вернее, упал на кровать и лениво растянулся на ней. От круговорота мыслей и избытка чувств он даже не испытывал голода. Там, на вечеринке, их ждало изобилие закусок, так что ужинать дома было вовсе необязательно. Легкая сонливость одолевала его. Идти после трудного учебного дня на шумную дискотеку до двух часов ночи, а на завтра отправляться в школу к десяти утра, было все же нелегко для тихони Одеда!

Он закрыл свои медового цвета глаза и вскоре потерял счет времени. Юноше снилось, будто уже наступила ночь, праздник кончился, и он сладко спит. В былые времена он, после мероприятий такого рода, иногда ночевал у Хена, жившего всего в квартале от школы. Теперь это навряд ли будет уже возможным – ведь Хен дни и ночи проводит с красоткой Шели. Не исключено, что для этих двоих праздник окончится гораздо позже, чем в два ночи. Скорее всего, они вообще не будут спать этой ночью, зато на следующий день превосходно отоспятся на занятиях. Но ему то что – ведь сам он уже крепко спит! Пусть Хен живет своей ночной жизнью, а он наутро будет свеж и полон сил учиться, тогда как Хен...

– Одед, Одед, проснись! – раздались визгливые крики сестер прямо над его ухом. Малышки набросились на него, стащили с кровати, и потянули его, сонного, к входной двери.

Одед, с трудом придя в себя, увидел Хена, стоящего на лестничной клетке со скрещенными на груди руками и укоризненно качающего головой.

– Ну, дружище, ты даешь! – воскликнул он. – Мы битый час тебя прождали, уж подумали, что с тобой что-то случилось. Хорошо хоть, что ты одет.

* * *

В затененном алом свете двух прожекторов, над рокошущим от восторга, переполненным школьниками спортивном зале, пронеслись гулкие аккорды бас-гитары. К гитаре присоединился барабан. Зазвенели клавиши. Когда солист группы запел хрипловатым, низким, мощ-

ным голосом, зал взорвался от аплодисментов. Большая вечеринка в честь открытия учебного года началась.

Огромный спортивный зал, из которого по случаю концерта удалили все доступные снаряды, являл собой в этот вечер чудо неустанного недельного труда веселых добровольцев. Стены были обклеены рисунками и плакатами, рекламировавшими праздник и пестрели надувными шарами; с потолка свисали бумажные гирлянды, а по углам стен развесили мигающие лампочки, которым предстояло зажечься с началом танцев.

Дальний угол зала, примыкающий к раздевалкам, отвели для сцены, которую обили бумажной тканью цвета сажи. Длинные деревянные скамьи расположили по периметру помещения, и на них вставали те, кому не удалось занять места вблизи сцены, и которые пытались что-то разглядеть поверх океана голов соучеников. Некоторые даже залезали на спортивные лестницы.

Вся школа, все ученики и многие из педагогов присутствовали на традиционном шоу, которое должно было запечатлеться в их памяти на целый год.

Шестеро друзей, которые из-за сони Одеда едва избежали участи также карабкаться на скамьи и на лестницы, стояли в центре зала, прижатые друг к другу так, что их дыхание сливалось воедино. Хорошо еще, что все окна были открыты и всюду работали вентиляторы! С самого их появления здесь, Шели озиравшись по сторонам и напрашивалась на лестные отзывы товарищей о своем труде, доставившем ей массу удовольствия.

– Я уже привыкла к тому, что после таких удовольствий ты берешь у меня все конспекты, – пожурив ее Лиат.

– Жадина! – сказала Шели. – Знаешь, в чем разница между конспектами и удовольствиями? То, что конспекты можно всегда восполнить, в отличие от удовольствий.

Хен Шломи согласился с ней. Этим вечером его выющаяся шевелюра была собрана на затылке в пучок, а мощный торс юноши облегал черная с серебром футболка. Выступающая по приглашению рок-группа была одной из его самых любимых, и он, сияя, подпевал солисту, размахивал руками, свистел от восторга и возбужденно повторял, что после концерта побежит за автографом.

Интеллектуал Шахар тщетно пытался найти в исполняемых песнях оправдание дикому воодушевлению друга: тексты их не блистали высокой поэзией, в музыке преобладали шумовые эффекты, заглушавшие пение. Но толпе было весело, и он веселился тоже. Галь, прижимавшаяся к нему, жаловалась, что почти ничего не видит, и Шахару пришлось посадить ее себе на плечи.

Увидав это, Шели тотчас заставила Хена сделать с ней то же самое. Возвысившись над ревушей аудиторией, обе девушки взяли за руки и вскинули их вверх, соорудив таким образом мостик над головами своих парней, чьи руки теперь были заняты тем, что придерживали двигавшиеся в такт музыке стройные ноги подруг.

Сценический дым, озаренный алой подцветкой, клубящимися валами сползающий с эстрады в зал, поглощал фигуры школьников в первых рядах, световые эффекты ослепляли. Но, несмотря на это, Галь разглядела среди публики немало знакомых лиц. Вот Ави Гросс, конопатый тучный увалень, вчера чуть ли не силой вырвавший у нее согласие потанцевать с ним этим вечером. В свете прожекторов его широкое лицо казалось совсем расплывшимся, и он ужасно неуклюже ухватился за перекладину спортивной лестницы чтоб удержаться на скамье. Такой смешной! С другой стороны, Мошико Нури и Идан Шорер, оболтусы из параллельного класса, которые постоянно свистели ей вслед в коридорах, обнажившие свои торсы, прыгали "выше головы", размахивая майками.

Нет, она не имела ничего против этих и всех других мальчишек, просто иногда их ничемные и неумелые попытки расположить ее к себе бесили. Кроме того, у нее и в мыслях не было подавать Шахару повод для ревности. Этот придурок Ави Гросс – посмешище всего

класса, Авидгор и Эрез – инфантильные приятели Хена, и, конечно, Наор Охана – хам и шалопай, при имени которого она плевалась, – все они абсолютно не были достойны ее Шахара. Пусть дрожат! И, окидывая гордым взглядом с высоты широких плеч любимого своих "поклонников", Галь победно усмехалась.

Глядя на то, как Шели и Галь, щеголявшие на высоченных каблуках, напросились к парням на плечи чтобы лучше посмотреть концерт, Лиат испытывала разъедающую горькую досаду. Ее-то некому было взять к себе на плечи, разве что... Одеду, скромно пританцовывавшему рядом. Девушка невольно вскинула голову на молодого человека. Ему концерт явно приходился не по душе. Его воля – он бы давно ушел отсюда. Лиат решила попытаться.

– Одед! – Лиат понадобилось дернуть его за одежду, чтоб он смог расслышать ее просьбу – так грохотала музыка со сцены. – Одед, не смог бы ты, пожалуйста, посадить меня к себе на плечи, а то я ничего не вижу.

Произнося эти слова, Лиат чувствовала, как краска смущения приливалась к ее лицу. Да и Одед побагровел не меньше.

– Ты хочешь так же, как они? – переспросил он, указав на обе пары друзей.

– Да, если тебе не трудно... Я, правда, ничего не вижу.

Молодой человек, поколебавшись, устремил неловкий взгляд на Галь и Шахара, осмотревшись по сторонам, убедился в том, что все вокруг были увлечены концертом, затем нагнулся, подставил спину Лиат, чтоб она смогла на него взобраться, и, осторожно выпрямившись, застыл, стараясь поменьше двигаться.

– Спасибо, – сказала ему на ухо девушка.

Внезапное возвышение Лиат на Одеде тут же привлекло внимание Шели, ерзавшей на плечах у Хена во все стороны. Она толкнула в ногу Галь, и указала ей кивком на третью пару. Та схватила Лиат за руку, и к мосту над головами юношей прибавился еще один свод.

– Предлагаю эстафету! – крикнул Хен. – Чьи плечи раньше устанут, тот проиграл.

Однако все продержались довольно долго.

Они были вовсе не единственные, кто предприняли такой маневр со своими девчонками. Почти все задние ряды пестрели раскачивавшимися над океаном голов фигурами школьниц. В зале было очень душно, вентиляторы почти не помогали, и поэтому некоторые из молодых людей разделись до пояса, а восседавшие на их плечах девицы размахивали их рубашками, как флагами, что, помимо выражения восторга, создавало ветерок.

В конце концов и Хен не выдержал; опустив Шели на пол, он резким движением скинул футболку, и, подпрыгивая, начал махать ею над головой. Следом за ним и двое других парней присели, помогая Лиат и Галь сойти. Галь тут же бросилась целовать Шахара в знак благодарности.

Концерт продлился полтора часа. Когда в конце певец стал представлять публике музыкантов, Хен и Шели, расталкивая толпу, тут же ринулись к эстраде за автографами в числе других. Благодаря этому задние и центральные ряды заметно поредели. Один из учителей-организаторов вечеринки объявил скорое начало дискотеки. Шели, заполучив заветный автограф, примчалась обратно к друзьям, оставив Хена у эстрады со знакомыми, и немедленно спросила о времени – ручные часы она не надела. Было начало двенадцатого.

– Кажется, весь мой макияж потек от пота, – сказала она. – И я еще есть хочу. Вот облом! Скоро начнется дискотека, в два – развозка... Галь, Лиат! Мне нужна ваша помощь. Пойдемте со мной.

– А как же ужин? – спросил Одед.

– Потом, потом, – протараторила Шели. – Увидимся в буфете.

И, схватив обеих подруг за руки, она умчалась в раздевалку. Шахар и Одед остались наедине.

Одед, еще не пришедший в себя от смущения после выполнения просьбы Лиат, смотрел со скрытой завистью на товарища, энергично разминавшего свои широкие плечи. Выражение лица Шахара не скрывало его утомленности. Как бы невзначай, Одед поинтересовался, было ли ему тяжело держать Галь.

– Галь не тяжелая, – улыбаясь, ответил Шахар, – но попробуй потанцуй вот так полчаса! Спина затекла ужасно.

– Я тоже посадил на себя Лиат, но моя спина в порядке, – счел нужным возразить Одед, при этом думая о том, насколько ему это было тяжело морально.

– Ну, еще бы, Лиат! – прыснул Шахар. – Совсем пушинка по сравнению с Галь и Шели.

– Какая разница? – проговорил Одед, краснея. – Она – человек, ей было неудобно, и она попросила меня об одолжении. Я не мог отказать ей.

– Разве я тебе что-то сказал насчет этого? – удивился Шахар. – Нет же. Мы и так знаем, что ты – святой, иходишь в положение каждого. Только не понимаю, какая связь между этим и тем, что у меня сейчас болит спина?

– Никакой, – пожал плечами тот. – И все же, я хотел бы понять: смог бы ты, Шахар, отказать Галь, если бы думал наперед о своей спине?

Шахар недоуменно уставился на товарища, от которого никак не ожидал нравоучений. Потом хлопнул его по плечу и произнес тоном опытного парня, в самом широком смысле своих слов:

– Ты, друг, еще очень наивен, чтоб рассуждать о таких вещах. Когда у тебя будет девушка, тогда и пофилософствуем.

Ошарашенный Одед хотел было что-то сказать ему в ответ, но тут к ним присоединился Хен, вспотевший от жары и возбуждения.

– Выручайте меня, ребята! Мне срочно нужно немного денег.

– Для чего? – протянул недоумевающий Шахар.

– Я поспорил на пиво с Янивом и Раном Декелем, что это были песни из сборника, а не из последнего альбома, и оказался неправ. С меня немедленно три бутылки. А еще надо бы поесть. Вы не одолжите? Мне, действительно, не хватает. Я верну!

Одед и Шахар машинально сунули руки в карманы штанов, достали бумажники, и начали считать свои ресурсы. Оба запаслись деньгами, но у Шахара их было чуть больше того, что он собирался потратить на буфет, а Одед совсем остался бы без ужина. Видя, что товарищи застыли в размышлениях, Хен заявил, что так и быть, он разберется.

– Нет-нет, возьми! – воскликнул Одед, и отсчитал Хену нужную сумму. Хен бросился его благодарить, и пообещал, что тоже угостит его пивом.

– Разве ты не знаешь, что я не пью? – со скромной улыбкой ответил тот.

Тут Шахара покорило. Уже во второй раз его друг пытался доказать ему что он услужливей, щедрей и бескорыстнее него. Что же за этим стояло? Говорил ли Одед в самом деле от чистого сердца, или...

Когда Хен ушел угощать приятелей, Шахар, желая сменить тему, спросил Одеда, не хочет ли он пройти с ним в буфет. Тот, помня, что почти все свои деньги отдал спорщику, ответил, что здесь ему было бы лучше. Но Шахар все понял, и, по-дружески обняв его за плечо, сказал:

– Пойдем. Я поделюсь с тобою.

Буфет представлял собой большое классное помещение с обитым прозрачной цветной бумагой потолком, отчего свет казался сказочным, и разрисованными стенами. Большинство парт в нем расставили по периметру наподобие столиков в кафе, а остальные сдвинули вместе посередине, образовав в центре небольшое пространство для двух продавцов, и они служили прилавком.

Чего на них только не было! Багеты и булочки с яйцами, сыром и тунцом вперемежку с лепешками с картофелем, творогом, овощами. Тут же стояли пластмассовые мисочки, содер-

жавшие зеленые салаты, кукурузные зерна, синюю капусту в майонезе, соленья. Угол прилавка был отведен для сладкого: там изобиловали бисквитные пирожные в бумажных обертках, пакеты с воздушной кукурузой, вафлями и печеньем. Под партами размещались наполненные льдом тазы, в которых лежали прохладительные напитки и темное и светлое пиво.

Толпа проголодавшихся школьников налегала на прилавок, стараясь успеть хорошо поесть до начала дискотеки, несмотря на то, что буфет должен был работать и после того, как она начнется. Они опережали друг друга в очередях, громко звали знакомых, со стуком занимали столики вокруг. Продавцы едва успевали обслуживать их.

Когда Оded и Шахар подошли, их подруги уже их ждали, но не одни, а вместе с Наамой Вайс и Офирой Ривлин, их одноклассницами. Наама была крепкой темноволосой девушкой с немного надменным выражением лица, а Офира – светлой, курчавой милашкой. Девушки заняли столик в углу, и внимательно наблюдали за входившими в буфет, уминая лепешки с творогом. Увидев Шахара, Галь резко подскочила и замахала ему рукой.

– А где же Хен? – спросила Шели, пережевывая кусок лепешки.

– Расплачивается с долгами, – бросил Шахар, и поведал о пари, проигранном их другом.

Лиат расхохоталась:

– Сегодня он поспорил на пиво, завтра, возможно, на текилу, а на что потом? Шели, как ты это выдерживаешь?

Но Шели эта новость даже позабавила.

– Милочка Хен, я его обожаю! – воскликнула она, смеясь. – Шахар, он ни за что не простит тебе того, что ты его выдал! Ладно, он сам потом все мне расскажет, я же его знаю! Кстати, – продолжила она, вдруг сменив тему, – я в раздевалке наложила новый макияж в два счета, – похвасталась она своей оперативностью.

– Там был сумасшедший дом, – прибавила Наама. – Почти как здесь.

– А Хен, вероятно, сам получает удовольствие оттого, что проиграл пари, – заявила Офира, подмигивая Шели.

Следуя за ее взглядом, они увидели среди толпы, заполнявшей буфет, Хена, Рана и Янива, к которым присоединились Авигдор и Эрез. Вся эта компашка постоянных собутыльников по всей видимости прекрасно проводила время за свежим пивом, которое Хен щедрой рукой разливал по их одноразовым стаканам.

– Он даже не подошел к нам, словно вовсе не заметил, – критично произнесла Лиат.

– Разве ты не знаешь Хена? – спокойно ответила Шели, закуривая сигарету. – Для него нет ничего важнее того, что занимает его в данную минуту.

– Может, и мне к ним подойти? – сказал Шахар, хитро улыбаясь.

Он тоже общался с этими парнями из их класса, но его общение с ними обычно носило случайный характер, не такой, как у души любой компании Хена.

Галь метнула на него недовольный взгляд. В то же время и Оded вопросительно посмотрел на друга, от которого зависело, поужинает ли он этим вечером. Уловив настроение обоих, Шахар отошел к прилавку купить еды для себя и для Оdedа. Но стоило ему отойти, как к столику, за которым сидели Оded и девчонки, прихлынуло несколько подвыпивших ребят из параллельных классов, и стали к ним приставать. Больше всего приставаний, конечно, досталось Галь, которая в своем новом платье выглядела как принцесса.

– Валите отсюда! – с яростью в голосе произнесла Лиат, борясь со своей неловкостью.

– Отвали ты, уродина! – рявкнули на нее те.

Оded нервно глотнул слюну и отвернулся от неприятного зрелища. Глаза его были прикованы к прилавку. Если бы Шахар сейчас был рядом, к ним бы никто так нагло не подкатился.

Привыкшая к подобным высказываниям в свой адрес, Лиат не обиделась. Ей вовсе не нужны были знаки любого, даже хамского, внимания со стороны таких разгильдяев, но... ах, вот если бы ей примерить такое же платье, как у Галь!

Галь, которой эта сцена порядком надоела, драматическим жестом протянула руку над головой одного из мальчишек, и повелительно указала ему на дверь из буфета в коридор.

– Какая жестокая! – взвыл тот.

– Да она кокетничает! – присвистнула Шели, пуская дым.

– Ты кокетничаешь? – ополчились на приятельницу Офира и Наама.

– Как же! – презрительно проговорила та – Мне только таких поклонников не хватает. Эй, вы! – в свою очередь резко обратилась она к мальчишкам. – Оставили бы нас в покое!

Но те и не думали отставать. Дерзость Галь только раззадорила их. И, хотя больше ни одна из девушек, особенно Шели, не обращала на них внимания, а Одед, которого они и вовсе как бы не замечали, вообще не шелохнулся с самого их появления, они описывали круги вокруг их столика и громко болтали всякую ерунду, очень отдаленно похожую на комплименты.

– Что здесь происходит? – спросил Шахар, возвращаясь к друзьям с огромным, разрезанным пополам багетом с яйцами, одну часть которого протянул Одеду, и бутылкой лимонада.

Как только он подошел, приставучие оболтусы улепетнули под победный визг девчонок. Все сразу перевели дух, а Галь бросилась целовать своего любимого в губы.

– Вот видишь, Шахар, как ты их распугиваешь одним махом! – слащаво воскликнула Лиат, всем своим видом выражая восторг.

– Неужели я такой ужасный? – насмешливо сказал Шахар, озирая себя как бы в зеркало.

– Ты ужасен для всех, кто имеет виды на Галь, – иронично пояснила Наама, и стол взорвался от смеха. Никто не обратил внимание на то, как Одеда при этом всего передернуло.

– Нахалка! – вскричала задетая Галь, но тотчас сделав уверенное лицо заявила, что для нее это уже стало обычным явлением.

""Кажется, это явление, на самом деле, стало обычным и для Шахара", – подумала Лиат.

– Что касается моего «явления», то он, по-видимому, вовсе не торопится ко мне, – задумчиво проговорила Шели, устремив глаза в спину Хена, распивавшего в кругу его товарищей.

– Ну, так позови его, – предложила Галь.

– Ни в коем случае! Я не такая, как ты. Пусть это он меня поищет в дискотеке. Я уже слышу звуки музыки. Вперед?

Лиат дожевала свою лепешку, запила несколькими глотками купленного Шахаром лимонада, с позволения того, и тоже предложила идти.

– Подождите нас, – с полным ртом заметил Шахар, указывая на себя и на Одеда. – Пойдем все вместе.

– Конечно, вместе, как всегда, – раздался голос сбоку от друзей.

Они вскинули головы, и увидели Дану вместе с Хаей, учительницей биологии. Дана держала в руках бисквит и холодный чай. Сегодня ее обаятельное лицо выглядело совсем юношеским, словно посещение школьной вечеринки вернуло Дане ее минувшую молодость.

– Привет, ребята, рада видеть вас! Девчонки, вы неотразимы! Одед, молодец, что выбрался! Веселитесь, ночь только начинается!

Стоявшая рядом биолог степенно улыбалась.

– Дана, первый танец наш! – вскочил Одед, обрадованный похвалой любимой учительницы, на которую очень рассчитывал, идя сюда.

– О нет, я не танцую, – покачала головой Дана. – Я здесь за компанию с вами. Развлекайтесь, ребята! Этот вечер – именины года. А как год встретишь, так его и проведешь. Но что это я вам забиваю голову? Еще увидимся!

И, подмигнув им по-приятельски, Дана отошла.

Доужинав, семеро приятелей покинули буфет и отправились на дискотеку. Шели несколько раз озиралась в ожидании своего парня, но, не внимая советам Галь вернуться за ним, продолжала идти вперед. Ее влекла ритмичная, громкая музыка. Не успев переступить порог спортзала, она утонула в волшебной атмосфере мигающих красных лампочек, сцениче-

ского дыма и энергично пляшущих групп. Схватив подруг за руки, она создала тесный кружок, и задвигалась в нем в такт звукам. Тут оправдал себя удачный выбор ее сексуального алого платья. Оно так эффектно сливалось с мерцающими огнями, что становилось неясным: то ли это был извивающийся стан Шели, то ли отблеск яркого луча прожектора.

Одед, не воспринимавший дискотечный шум, сначала деликатно держался в стороне. Но потом, поколебавшись, крикнул Шахару на ухо, что ненадолго выйдет и поторопит сюда Хена, если ему удастся его найти. Шахар едва успел ответить ему кивком, поскольку к нему уже спешила Галь, которая на глазах у всех повисла на нем, полулаской-полусилой проволокала в центр зала и лишь тогда полностью отдалась ритмам музыки.

Ее порыв послужил примером для ее подруг. Они то и дело глазели по сторонам в поисках тех, с кем бы потанцевать. На радость Галь, Офире, не имевшей друга, достался конопатый Ави Гросс, приблизившийся к ним в надежде на хотя бы один танец с нею. Обиженный пухлый паренек искоса посматривал на неприступную красавицу, и сожалел, что он – не Шахар.

Шели занервничала. Длительное отсутствие Хена приходилось ей не по душе. Девушка разрывалась между желанием отправиться на его поиски и танцевать без перерыва. Уже в тот момент когда она, собравшись с духом, решила пожертвовать несколькими минутами дискотеки, кто-то случайно сильно толкнул ее в спину. Стремительно обернувшись, Шели увидела Ури Даяна, одного из ее бывших поклонников. Они обменялись парой дружеских фраз, и в обоих сразу вспыхнуло желание тряхнуть стариной. С этой минуты, Шели больше не оглядывалась на входную дверь в ожидании своего нынешнего парня. Именно тогда же, как по заказу, зазвучали медленные романтические мелодии, и все пары вокруг, точно по мановению волшебной палочки, прильнули друг к другу еще теснее.

Лиат моментально оказалась отодвинутой на задний план. С ней никто танцевать не стал бы, – это было очевидным. А вечер был в самом разгаре, и нескоро приятельницы отхлынут от своих партнеров по танцам и снова образуют круг, в котором она не будет обделена! Ей ничего не оставалось, кроме как, подобно Одеду, уйти от неловкой для себя ситуации. Она осторожно приблизилась к Галь и Шахару и дернула подругу за одежду.

– Галь!..

Галь мельком посмотрела на ту, кто отвлекла ее от романтического танца с возлюбленным.

– Галь, я скоро вернусь.

Галь небрежно кивнула.

Лиат протолкалась через толпу соучеников к раздевалкам, из которых был свободный выход в коридор, и, оказавшись там, подошла к раковинам. Из прямоугольного зеркала во всю стену на нее смотрела осточертевшая уже безобразная физиономия. Черные волосы, придержанные на затылке заколкой, немного разметались. Лиат бесстрастно кивнула своему отражению. Ее посетила обидная мысль, что ее внешность и то, что она одинока, ничего не значили для ее приятельниц, пока они все находились вместе, женской компанией. Но стоило им привлечь к себе молодых людей, как они сразу же о ней позабыли. Она стесняла их своей непохожестью на них. Даже Офира нашла себе с кем потанцевать, – а она не особо пользовалась успехом, несмотря на свою симпатность!

Были ли эти мысли объективно обоснованы – о том не знала и сама Лиат, но в иные моменты она любила пожалеть себя. Роль несправедливо страдающего члена общества импонировала ей, так сказать, возвышала ее над одноклассницами.

– Ты – самая умная, самая лучшая, самая способная из всех, – убедительно проговорила она, обращаясь к своему отражению. – Они просто этого не понимают.

Смех, донесшийся из коридора, заставил девушку отвлечься от вымученного аутотренинга. В пустую раздевалку ворвались разряженные девицы из шпаны, во главе с вечной антагонисткой всей их компании и особенно Шели Мейталь Орен. Ее могучее, ширококостное тело

плавно покачивалось в грубых полусапогах на высоченной квадратной платформе. С нею были Моран и Тали. Ни одна из вошедших и не подумала поздороваться с Лиат.

– Он – урод! – утвердительно сказала Тали, доставая из сумочки ярко-коричневую помаду и подходя подкраситься к зеркалу, у которого стояла девушка.

– И не только урод, но и сука, – согласилась с ней Мейталь, напиваясь воды из под крана. – Наор был прав. С таким не стоит иметь дело.

– Какая разница, – заключила Моран. – Лучше пойдем отсюда. А то ошиваются тут всякие, подслушивают... – намекнула она на присутствие Лиат, после чего все три убралась так же быстро, как появились.

Эта короткая сцена вернула Лиат к действительности, подобно тому, как порыв внезапного ветра нарушает вековое затишье. Она покинула раздевалку и зашагала по коридору, усеянному остатками ужина тысячи человек. Из буфета слышались чьи-то зычные голоса. Заглянув туда, девушка увидела продавцов, вытирающих пустые столики. Из съестного на прилавке оставалось только несколько пачек с вафлями. Урны уже не вмещали оберток пирожных, пустых бутылок, недоеденных багетов. Легкий сквозняк, проникающий сюда через окна в коридоре, трепал рваный целлофан и кучи испачканных салфеток. Из-за закрытой двери одного из классов доносились некие странные звуки. Решив проверить, что бы это могло быть, Лиат попыталась туда войти, но тут же отскочила назад, сопровождаемая диким воплем. Оказалось, что пустой темный класс был избран местом для интимного свидания.

Сгорающая от стыда, опешившая девушка стремглав побежала прочь, и перевела дух только приблизившись к учительской. В ней горел яркий свет, и большая говорливая компания училок, расположившись в низких креслах, распивала кофе с пирогами. Лиат на миг захотелось позвать Дану и обменяться с нею парой слов, чтобы сгладить свои неприятные ощущения, но она тотчас представила себе всю нелепость этого обращения и ушла. Больше ей никто не встретился внутри школы. Хен и его ватага словно в воду канули.

Она вышла наружу. Приятная прохлада обдала хрупкое полуголое тело; Лиат чуть-чуть поежилась. Было тихо, лишь со стороны проезжей части доносились звуки редких автомобилей. Лунный серп сиял на черном небе. В свете его струящегося серебром луча картонные плакаты, рекламировавшие вечеринку, которыми были обклеены стены школьного двора, выглядели как полотнища, исписанные таинственными знаками. Тихо скрипнула калитка, тронутая рукой Лиат, и она очутилась на улице. Маленькая тень под сенью властного покровы безлюдной, бесшумной, безголосой ночи. Замечательное время, чтоб отдохнуть от гама буйной дискотеки, уединиться со своими мыслями, зарыться, затеряться во мраке, укрыться в нем от равнодушия сверстников, от эгоизма счастливых подруг. Ночь звала девушку в свои колдовские объятия, притягивала ее, и словно нашептывала ей: "ты моя дочь, я укрою тебя от всех них, я дарю тебе мою магическую силу духа", и Лиат шла на этот немой призыв.

Оставалось только найти место. Ноги Лиат непроизвольно привели ее к заветному скверу. Там ей никто не помешает. Черные стволы знакомых сосен восстали перед девушкой из мрака, как заколдованные великаны, охранники ее покоя, ее одиночества.

Каким же был испуг Лиат, когда она увидела между стволами сосен высокую фигуру, которая зашагала ей навстречу. Это был Оед Гоэль. Она даже не предполагала, что он тоже мог быть здесь, еще раньше!

Глава 5. Третья пара

– Ты здесь? – воскликнула пораженная Лиат. – Что ты здесь делаешь один?

– Полагаю, то же, что и ты, – пролепетал ошеломленный Оед. – Почему ты ушла оттуда? – он кивнул головой назад.

– А ты? Мы думали, что ты пошел за Хеном. Ты его видел?

– Нет, – сказал юноша. – Когда я вернулся в буфет, его там уже не было. Идти обратно в зал мне не хотелось. Я там задыхался. Мне были необходимы свежий воздух и покой. Сперва я пошел на задний двор, но там какие-то парни и девчонки целуются и курят. Я увидел это и поспешил исчезнуть. И вспомнил про этот райский уголок.

Он на минуту замолчал, и повторил свой вопрос:

– Так почему ты ушла с вечеринки?

Лиат ответила прямо; этот молодой человек не заслуживал того, чтоб его обманывали:

– Потому, что была там лишней. Галь вцепилась мертвой хваткой в своего Шахара, Шели без проблем нашла замену Хену, Офира тоже не обижена. А я? Какой мне был смысл там оставаться?

– Ну, так посидела бы в сторонке, отдохнула, – предложил Оед.

Лиат устремила на него пронзительный взгляд.

– Ни за что! – горячо воскликнула она. – Я для этого слишком гордая.

– Что, до такой степени? – удивился Оед.

– Да, представь. А эта дискотека – одно из наиболее ничтожных обстоятельств. – Голос девушки дрожал от возбуждения и негодования, но она заключила с лукавой улыбкой: – Зато сейчас мы можем спокойно побеседовать в приятной обстановке. Присядем?

Они сели на ту самую скамейку, на которой фотографировались всей компанией.

Как же отличалась аура, исходящая от одного и того же места, тогда, запыленным полуднем, и этой ночью, под чистейшим звездным небосводом! Насколько в прошлый раз эта столь знакомая скамейка и этот сквер придавали друзьям домашнее, теплое, естественное ощущение, настолько теперь Одеда и Лиат пробирал озноб от необычности обстановки. Темнота, тишина, отдаленный фонарь, окружение сосен и кустарников, создававшее полное уединение, стрекотание сверчков, и сам факт, что оба они покинули дискотеку, грохотавшую в спортзале... Вся эта непривычная атмосфера навевала на обоих чувство незащищенности, несмотря на то, что их лица покрывала ночь. Жажда откровений, таких, о которых нельзя было даже заикнуться при свете дня, в другом месте, заполонила их растерянные души. Больше всего это страшило Лиат, как всегда боявшейся снять свою злополучную маску.

Не зная, с чего начать, оба молчали. Наконец, Лиат проговорила:

– Оед, я очень благодарна тебе за то, что ты взял меня к себе на плечи. Надеюсь, тебе было не слишком тяжело?

– Сегодня я касаюсь этой темы уже во второй раз, – сказал, не скрывая стеснения, Оед.

– Почему во второй? – не поняла Лиат.

– В первый раз я сам спросил об этом у Шахара. Не было ли ему тяжело держать Галь.

И он заставил меня покраснеть.

– Это чем же? – спросила заинтригованная Лиат.

– Он назвал меня слишком наивным и пожелал мне завести девушку... – Оед на секунду замолчал, и потом внезапно проронил колеблющимся голосом: – Ты тоже считаешь меня таким?

– Каким? – от изумления девушка не нашлась, что ответить. В то же время она ощутила, что разговор обретал щекотливое направление и насторожилась.

– Существом не от мира сего...

– Одед, – уклончиво произнесла собеседница, – я тебя знаю уже так давно, что не замечаю твоих странностей. И потом, никто ведь не совершенен.

Горькая улыбка скользнула по тонким губам молодого человека. Он не уступал.

– Ты говоришь так потому, что боишься меня ранить. Не бойся, скажи всю правду!

Лиат испугалась столь однозначно предъявленного ей требования, и ощутила себя загнанной в угол. Почему именно она?

– Я могу лишь высказать тебе мое мнение, – уточнила она, в попытке уйти от ответа.

– Вот и выскажи мне его, пока они все там, – Одед мотнул головой в сторону школы, – а мы вдвоем здесь. Словно какая-то высшая сила привела нас сюда, – протянул он мечтательно. – И эта сказочная ночь... это неясное ощущение свободы говорить откровенно... обо всем наболевшем... а на завтра представить себе, что этот скверик в лунном свете, и наша беседа только приснились нам. Мне очень хочется раскрыться. Если ты не испытываешь того же, то, по крайней мере, помоги мне излить душу.

У Лиат потемнело в глазах. Она не воодушевлялась. Ей самой было впору сейчас заплакать, а приятель, сидевший рядом, прямо предлагал ей дать волю своим чувствам. Испытывая глубокую схожесть с ним, и поняв, что деться некуда, Лиат очень взвешенно произнесла:

– Ну ладно, раз ты того просишь, я выскажу мое мнение. Да, Одед, ты необычный человек. Ты – как пророк, проповедующий добро. Это замечательное качество, но оно делает тебя беззащитным. И, к сожалению, другим гораздо заметней твоя беззащитность, чем твоя доброта. Мир жесток к таким, как ты; ему чужды понятия, по которым ты живешь.

Юноша уронил голову на руки. В этот момент он больше всего думал о Галь – девушке его мечты, – той, что запросто предпочла такому, как он, прагматичного Шахара. И что же он сделал, чтоб завоевать ее? Он, кристально честная натура, уже который год играл ложную роль, ходил в маске равнодушия, боясь намекнуть ей на свое истинное лицо. Трус, слабак!

– Какая жалость, что я непохож на Шахара, – задумчиво пробормотал он.

– Почему ты вдруг о нем заговорил? – взволновалась Лиат, чувствуя, что наступила другу на самое больное место. – В чем Шахар является для тебя объектом для сравнения?

– Каждый имеет свою противоположность, – объяснил Одед. – Конечно, я бы мог сравнить себя и с Хеном, но сейчас мне, почему-то, вспомнился Шахар.

Итак, подумала Лиат, он всегда сравнивал себя с Шахаром, точно так же, как она себя с Галь. Воистину, они с Одедом имели много чего общего! Но надо бы копнуть поглубже.

Усевшись так, чтобы смотреть в глаза товарищу, Лиат задала каверзный вопрос:

– Одед, а как ты относишься к Шахару?

Тот поразился.

– Нормально, – недоуменно проговорил он. – А что?

– Я имела в виду, не коробят ли тебя его успехи или личная жизнь.

– Ты на что-то намекаешь? – насторожился Одед, порадовавшись тому, что сидел в темноте, где Лиат не могла увидеть выступившей на его лице краски.

– Нет, просто интересуюсь.

Одед погрузился в раздумье. Затем, как гром среди полной тишины, прозвучали его слова:

– Мне Шахар очень дорог как товарищ, как близкий человек. Но вообще... Мне бы хотелось позаимствовать некоторые его черты. Он – слиток стали, хладнокровен и практичен. Любая девушка мечтала бы о таком парне: ведь быть с таким – значит быть за каменной стеной. Такой придаст ей уверенности в себе и доставит удовольствие. А я? Я мягок, нерешителен, застенчив. Я даже дискотек боюсь, потому что теряюсь перед толпой. Меня любой может разжалобить, чтобы я оказал ему услугу, которая потом так и останется незамеченной. Я слаб! Как ты сама сказала, я никому не нужен такой, какой я есть! – воскликнул он с таким страданием, что у него сорвался голос.

Лиат смутилась. Все, что Одед сейчас так пылко говорил о предмете ее безнадежной страсти, казалось, исходило из ее собственного сердца.

– Значит, ты завидуешь Шахару? – робко высказала она свою догадку.

– Нет, – вздохнул юноша. – Он мой друг, а завидовать другу нечестно. Там, где зависть – там злоба, а там, где злоба – там погибает дружба. По крайней мере, отношения сильно портятся. Впрочем, есть ли смысл завидовать тому, чего тебе не дано природой?

– Но у вас ведь хорошие отношения?

– В целом, да. Мы общаемся настолько свободно, насколько это возможно с таким, как он. Потому, что... – не прерывая потока своих мыслей, Одед непроизвольно прикоснулся рукой к внутренней части своего бедра, но успел задержать ее там, чувствуя, что краска стыдливости вот-вот хлынет через кожу его щек: – потому, что Шахар созрел раньше меня.

Этот тонкий намек, сопровождаемый столь красноречивым жестом, был моментально понят, и Лиат потрясло откровение товарища, особенно полнейшей своею схожестью с ее собственными комплексами, вызванными Галь. Только, в отличие от Одеда, она не скрывала от себя ревности к Галь. Неужели Одед был настолько чист, что сознательно опровергал это естественное чувство?

– Я тебя понимаю, – вкрадчиво произнесла девушка, готовясь к внезапному нападению. – Но мне кажется, что тут еще замешаны некие личные твои мотивы. Поэтому ты сразу же подумал именно о Шахаре. Я права?

Выпущенная стрела поразила Одеда в самое сердце. Он почти соскочил со скамейки. Случайно ли вырвались у Лиат эти слова? В глубочайшей растерянности, молодой человек не знал, что ответить. Он боялся, что попытка отрицания будет выглядеть настолько неуклюже, что как раз подтвердит обратное, но, все-таки, воскликнул, не глядя на нее:

– Ты ошиблась!

От Лиат, разумеется, не ускользнул его испуг. Большого ей пока не нужно было знать.

– Извини, я не хотела тебя обижать, – успокаивающе сказала она. – И почему это мы так заговорились о Шахаре? Лучше поговорим о тебе. На мой взгляд, тебе не стоит сравнивать себя ни с кем. Ты – духовный и душевный человек, интеллигентный и талантливый, а что не пользуешься успехом у девчонок, так это дело наживное. Дело времени.

– Кому нужна моя духовность в жестоком, прагматичном мире?

– Кому-то и нужна, Одед! И, поверь мне, есть такие, кто оценят тебя по достоинству. Это – те, кому ничего не будет нужно от тебя, кроме тебя самого.

– Я польщен... Может, я просто неуверен в себе, – предположил Одед, расслабляясь.

Он немного помолчал, потом продолжил:

– Знаешь, я ведь никогда ничего из себя не строил. Всегда был самим собой. Всем известно, что я мухи не обижу. Я люблю людей, люблю им бескорыстно помогать, некоторые меня уважают и симпатизируют мне. Я говорю не о нашей шестерке. Вы всегда будете для меня самыми дорогими. Я о других: таких, как Ран, Янив, Авигодор... Но в эту минуту я задаю себе вопрос: почему же я должен сидеть здесь один, в то время как все они гуляют себе на вечеринке?

– Но разве ты не сам сказал, что терпеть не можешь дискотек? – возразила Лиат.

– Ты не понимаешь, – покачал головой парень. – Я в принципе выбит из общей колеи, как будто бы топчусь на одном месте. То ли сам поток не склонен уносить меня с собой, то ли я боюсь в него войти.

– А тебе бы очень этого хотелось?

– Ну конечно! Только где бы набраться смелости?

И он устремил на приятельницу такой раздирающий душу взор, что сам сквер словно жалобно застонал в ответ, поскольку внезапный порыв ветра согнул сухие кроны сосен, и они протяжно закрипели.

Горькие признания друга вызвали у Лиат глубокое замешательство, несмотря на всю легкость их вытягивания. Впервые в жизни в ее сердце шевельнулось к сидевшему сбоку юноше нечто большее. Вероятно, так сказывалась на ее чувствах необычайная атмосфера и ее собственные острые переживания. Всю свою врожденную интуицию вложила девушка в отчаянное, дерзкое и наглое предположение, что этот человек мог бы являться не просто ее многолетним приятелем и собратом по несчастной влюбленности, но и при определенном усилии разделить бы с ней все это в ином, более близком качестве.

Мысль девушки лихорадочно заработала. Она и Оded Гоэль по отдельности были, в сущности, одинокими, скованными и непохожими на других неоперившимися подростками, и располагали дружбой маленькой группы одноклассников. Они были сильны только рядом с друзьями. А что, если обе влюбленные пары – Шахар и Галь, Хен и Шели – потеряют к ним интерес?

Лиат было жаль своего собеседника, но еще больше жаль себя. Роль вечной наперсницы Галь и критиканки Шели глубоко оскорбляла ее самолюбие. Да и Оded, по его же словам, не лучшим образом ощущал себя рядом с балагуром Хеном и "суперменом" Шахаром. Из этого следовало, что, будь они вдвоем, то во многом выиграли бы перед сверстниками.

Лиат отдавала себе отчет в невиданной смелости своей задумки. Ею двигала так же и жажда эксперимента. Изменится ли тогда отношение к ней приятельниц? А ее внутреннее ощущение? Ее голова разрывалась. Она еще сомневалась, чего ей хотелось больше: добиться самого Оdedа, или произвести желаемый эффект в их компании, и особенно у Галь, сделать его своим орудием или действительно вызвать в нем отклик. Но таков был ее настрой, и она решила не откладывать.

– Оded, ты сам затеял этот разговор. Коль скоро ты открыл мне сердце, дай мне попробовать помочь тебе, – безоглядно пустилась она в атаку.

– Валяй! – безучастно сказал Оded.

– Изменяться самому тебе не следует, – это глупо и нечестно по отношению к себе. Нужно всегда оставаться самим собой. Все, что тебе не хватает, это родственной души, девушки с похожей ситуацией. Я уверена – будь у тебя постоянная подруга, то сейчас ты был бы с нею там, на вечеринке, а не размышлял бы здесь один о Шахаре и прочих, сравнивая себя с ними и страдая от своих нелепых сравнений. И твоя самооценка сразу стала бы намного – намного! – выше. К тому же, я понаблюдала и заметила, что наши сверстники относятся гораздо уважительней к несвободным ребятам, особенно девушкам. Звучит абсурдно, но такова правда.

Юноша, растерянный и потрясенный, устремил на приятельницу пронзительный взгляд широко раскрытых увлажненных глаз. Серьезно ли сказала Лиат такие вещи, или решила поиздеваться? Ах, лучше бы второе было верным! Одеду и в голову бы не пришло нарушить верность чувствам к Галь и встречаться с другою, обманывая и себя, и ее. Ни за какие блага в мире! А тут ему перечислили все выгоды этого шага. Он испытывал такое смятение, что не сразу нашелся, что ответить.

– Лиат, мы только что об этом рассуждали, – осенило его. – Ты сказала сама: девушки для меня – это дело времени, поскольку я еще не созрел...

– ...и не созреешь без хорошего толчка, – настойчиво подхватила Лиат.

– Прости, Лиат, но ты слишком далеко зашла, – вознегодовал Оded. – Ты предлагаешь мне найти себе объект для игры на публику: "поглядите, у меня тоже есть девушка!?" Это, по меньшей мере, бессовестно. Даже подло!

– Ты не понял, – спокойно парировала Лиат. – Не объект для игры на других тебе нужен, а родственная душа, девушка, с которой тебе не придется ничего из себя корчить, потому что она, как никто другой, будет принимать тебя таким, какой ты есть. Не страшно, если поначалу не возникнет сильных чувств, главное – поддержка и схожесть ваших взглядов.

– Заводить роман без любви... – возбужденно задумался Оded вслух.

– А что такое любовь, Одед? В твоём представлении?

Молодой человек устремил глаза к небу, и мечтательно произнес:

– Это – наивысшее счастье, какое может быть у человека. Это – готовность достать с неба звезду для той, которую любишь, и ничего не просить взамен. Это – то, о чем во все века писали книги и стихи, – а те авторы знали, о чем писали. Это – когда именно эта девушка становится для тебя единственной и неповторимой на всю жизнь, и ты знаешь, что другой тебе не надо. Вот, какой я представляю себе любовь.

Лиат опустила голову. Ей вспомнилось другое, не менее экзальтированное высказывание о любви: из уст Галь в том торговом центре. Что было бы, если бы место приземленного Шахара в жизни ее подруги занимал этот неисправимый романтик? А тот, словно спустившись с небес на землю, и устремив на нее неловкий взгляд, глухим голосом заключил:

– Сейчас, пожалуй, нет такой девушки, которую я был бы способен так полюбить.

– Ну, а если есть такая, которая сама интересуется тобой? – не отступала ни на шаг Лиат.

– Кто? – рассмеялся парень. – Такой быть не может.

– А ты открой глаза пошире! Есть такая. Поверь мне!

Лиат искоса глядела в его лицо, в ожидании ответа на свой осторожный призыв, тем временем как Одед погрузился в раздумья о всех знакомых девчонках. На кого ему стоило положить глаз, в ком увидеть родственную душу?

Офира Ривлин? Она была достаточно позитивна, скромна, мила, приветлива, но особым успехом у мальчиков не похвасталась бы. Керен Шарф? Замкнутая, неприступная, но считающая себя очень умной особа, почти такая же надменная, как ее подруга Наама Вайс? Лирон Лагами? Отпетая меланхоличка, у которой уже третий месяц глаза не просыхали после разрыва с Раном Декелем, и которая обреченно смотрела на других ребят, словно в поисках утешителя? Нет, не похоже.

Хоть все эти девушки симпатизировали ему, ни в одной из них он никогда не замечал особых попыток сблизиться... О нет! Если Лиат не говорила несерьезно, то этой особой не могла быть никакая другая его школьная приятельница, кроме нее самой! Иначе зачем бы ей понадобилось так упорно убеждать его и акцентировать его внимание на схожести ситуации его и его "избранницы"?

Одед медленно, с нескрываемым содроганием, повернулся к Лиат, и на лице его был написан такой ужас, что у девушки едва не оборвалось сердце от страха, что ее попытка катастрофически не удалась. Напряженное молчание длилось.

– Лиат... это ты?

Лиат ответила глубоким, тяжким вздохом.

Молодой человек рывком соскочил со скамейки, схватившись обеими руками за голову, и в крайнем возбуждении заходил взад и вперед, словно маятник. Потом также быстро сел обратно, вплотную к девушке, и, крепко сжав ее запястья, сказал почти умоляюще:

– Чего ты хочешь от меня?

– Ничего... Отпусти мои руки, мне больно!

– Извини... – Одед отпрянул, и несколько минут сидел, отрешенно глядя прямо перед собою. Потом спросил: – Ты влюблена в меня, Лиат?

– Я в тебя не влюблена, но я к тебе равнодушна. Ты мне очень, очень нравишься, Одед.

– А я подавно не влюблен в тебя. Зачем же я тебе понадобился? Я с тобой честен. Ты – чего-то добиваешься. К чему весь этот разговор?

Девушка поняла, что только ее полнейшая собранность и хладнокровие были способны спасти ситуацию.

– Одед, пожалуйста, не нервничай и выслушай меня внимательно. Мне совсем не нужно от тебя именно той любви, какую ты описал. Мы всегда были искренними товарищами. Ими же и останемся. Но я предлагаю тебе союзничество.

– Какое? – выдавил сквозь плотно сомкнутые зубы юноша, трепеща от столь неожиданного поворота событий.

– Рассуди сам. Такие ребята, как мы, в сущности, являются изгоями. Не думай, что Шахар, Галь, Шели и Хен этого не понимают! Да, они наши друзья, но их жизни насыщены, очень насыщены. В то же время, мы с тобой топчемся на месте. Ты сам сказал: поток выбросил нас на берег. И мы никогда не изменим свою жизнь, не приложив усилий к этому. Вот мое предложение. Представь себе, что мы случайно нашли друг друга как людей близких во всех отношениях. Давай же объединимся и бросим вызов им, беспечным баловням судьбы! Будем вместе всегда и везде: вместе ходить на вечеринки, вроде этой, вместе готовиться к экзаменам, вместе проводить свободное время. А нежные чувства придут со временем, или заменятся привязанностью. И я обещаю тебе, Одед, что если наш эксперимент не удастся, мы сразу же вернемся к обычной, ровной, ни к чему не обязывающей дружбе.

У Одеда перехватило дыхание от объективной, и главное – убедительной речи Лиат. Он и так был в угнетенном состоянии, а отчаянное предложение приятельницы произвело на него и вовсе невыразимое впечатление. Он почти сдался.

– То, что ты предлагаешь, скорее похоже на сделку! – в последней попытке увернуться от согласия проговорил он.

Лиат спокойно посмотрела на него и изрекла:

– В сделках нет ничего ужасного. Поток, в который мы войдем, сам вынесет нас туда, куда следует. Просто отдайся ему и не бойся! Подумай! Эта сделка, как ты ее назвал, на мой взгляд, гораздо предпочтительней бесполезного ожидания девушки твоей мечты.

Одед сломался. Правда Лиат была поразительной, а он сейчас был слишком слабым, чтоб противиться очевидному. К тому же, мысль о его безответной любви к Галь, и о его нелепой и бессмысленной ревности к Шахару – «супермену», которого такому «лопуху», как он, никогда в жизни было не переплюнуть, больно задела самолюбие Одеда, и как будто нарисовала ему всю вопиющую картину его униженности. Черт побери! Почему бы ему и впрямь не попытаться?

Словно другой половиной сознания он услышал тихий вопрос девушки, прозвучавший скорей как просьба:

– Ты никогда еще ни с кем не целовался?

– Нет, – ответил он машинально.

– Хочешь попробовать? Прямо сейчас?

Одед задрожал. Переход от плана к действию всегда напрягает.

Лиат была как никогда решительна. Она придвинулась поближе к молодому человеку и горячо прошептала:

– Иди ко мне!

Одед видел столько раз как целуются другие – в жизни, в кино, в рекламах – но целоваться самому... Как подступить сейчас к Лиат, как ответить на ее призыв, показав себя мужчиной? Он никогда бы не предположил, что его первый поцелуй произойдет именно здесь и сейчас, при не самых лучших обстоятельствах, и именно с Лиат. От волнения у него перехло во рту.

Однако зов девушки пересилил его сомнения. Он наклонился к ней, обнял ее, как в фильмах, и очень нежно соединился с ней полураскрытыми губами. Терпкий вкус чужой слюны коснулся его нёба, распространился по рту. Таков ли был сладкий поцелуй любви в действительности? Получал ли он удовольствие от посасывания языка этой девушки, от прикосновения к ее коже, к ее телу? Увы, нисколько! Неужели так бывает всегда, или только в первый раз? Мешала ли ему его стеснительность, или дело было в нелюбви? Одед не знал ответов на эти вопросы. Он лишь почувствовал, что у него не хватит смелости на союзничество с ней. Пусть он лучше задохнется в своем никому не понятном мире, чем станет принуждать себя.

Когда они закончили целоваться, то еще некоторое время посидели в молчании, не размыкая объятий, думая каждый о своем. Время было очень поздним. Движение на соседней трассе почти прекратилось, и мертвая тишина воцарилась в округе. Лунный серп чуть-чуть сместился, и сиял прямо над головами друзей, серебря развесистые кроны сосен.

– Какая ночь! – томно произнесла Лиат. – Она просто создана для поцелуев. Как я рада, что мой первый поцелуй произошел именно в такую ночь! Мне было очень приятно, Оded. Ты знаешь, я натура скрытная, но теперь, после нашего трепетного момента, я хочу разделить с тобой все, что меня мучило, душило, истязало. Ведь ты еще совсем меня не знаешь! И я начну с главного: теперь я счастлива, Оded! Теперь я смогу быть счастливой. С тобой.

Оded не отвечал. Мало того, что ему пришлось совершить над собой усилие чтоб поцеловаться с нею, так она сразу же начала нагружать его своими неурядицами! Зря он поддался Лиат, зря. Ему было стыдно.

– Почему ты молчишь? – нежно спросила девушка. – Повторим поцелуй?

Молодой человек поднялся, отстранив удивленную девушку. Сделав несколько кругов вокруг скамейки, он снова сел, поодаль от нее.

– Прости меня, – сказал он. – Я не хочу.

– Чего ты боишься? – похолодела Лиат.

– Я не боюсь. Я просто не могу. И не хочу тебя обманывать, Лиат. Ты дорога мне только как приятельница. Если мы начнем встречаться, то наши отношения превратятся в сущий ад, и никогда мы не сумеем потом вернуться к простой дружбе. Ты этого хочешь, Лиат, в самом деле?

– Ты не волнуйся обо мне! Подумай лучше о себе. Ведь я тебе помочь желаю.

– Я никогда не приму ничьей помощи такой ценой. Пойми же меня, Лиат! Пусть я догоню моих сверстников позже, но только с той, кого полюблю по-настоящему.

""Итак, ты опять победила, подруга, ""– с горечью подумала Лиат. Душою ее завладела обида за неборимую власть Галь над этим наивным, неопытным юношей, который единственный мог оправдать ее надежды. И что же? Она добилась унижения и новой жгучей боли. Отказ Оdedа был во стократ острее чувства одиночества на тысячу раз неладной вечеринке.

В любом случае, нужно было сейчас продемонстрировать только силу. Оded не стал ее парнем, но остался товарищем. Один вымученный поцелуй не мог испортить их многолетних приятельских отношений.

Лиат поднялась.

– Ну, что же, – бодро сказала она, – попытка – не пытка. Прости, если что-то не так.

– Это ты меня прости, – вставая, подхватил Оded. – Мне, вообще, не стоило вовлекать тебя в мои переживания.

– Уже забыто! И давай вернемся в зал. Скоро развозка, надо бы не опоздать на нее.

– Значит, мы друзья, как прежде? – неуверенно спросил он, подавая ей правую руку.

– А кто же еще? – пожалала ее Лиат, и добавила, понизив голос: – Но никому ни слова!

– Ладно. Не беспокойся.

Они покинули сквер и направились обратно к школе. Но всю дорогу до спортзала неестественное молчание царило между этими давнишними друзьями, ибо сегодня они, к сожалению, слишком хорошо поняли друг друга.

* * *

Хен Шломи в бешенстве вышагивал по коридору между буфетом и спуском к залу дискотеки. Лицо его было красным, темно-рыжие кудри всклокочены, бицепсы напряжены. Он выкрикивал ужасные ругательства и стучал кулаками в стены. Шахар и Ран тщетно пытались заставить его взять себя в руки: Хен словно потерял свой человеческий облик.

– Я убью его! – рычал он. – Пусть только попадется мне, я за себя не отвечаю!

– Что случилось? – с испугом спросили как раз подошедшие Овед и Лиат.

– Ах, вот вы где! – облегченно воскликнул Шахар. – Мы уже думали всем вместе пуститься на ваши поиски.

– Где уж вместе, оставьте меня все в покое! – со злостью воскликнул Хен и тут же прибавил, обратив внимание на Одеда – Ах, дружище, ты здесь! Обещаю: завтра я верну тебе свой долг, будь он неладен. Я-то, дурак, едва не оставил тебя, бедолагу, без ужина.

Тихоня Овед смотрел на своего беснующегося друга во все глаза и ничего не понимал.

– Хен, ты в порядке? – ошеломленно пролепетал он.

– В порядке ли я? – взревел Хен. – Да, я в полном порядке! А эта вертихвостка недостойна, чтобы я водился с ней! Тратил на нее свое время. Стоило мне лишь на часок отвернуться, как она уже вовсю флиртowała с этим сукиным котом, с Даяном Ури, ее бывшим. Ей, видите ли, танцевать было не с кем! С этим тупоголовым прилипалой, которого я еле отвадил от нее в прошлом году. Шалава!

То, что пропустили двое блудных товарищей, стояло перед глазами Шахара и всех остальных, бывших на дискотеке.

Хен с друзьями, распив на спортплощадке несколько бутылок пива, на которые они спорили, все-таки вернулись в зал, и попытались найти там своих. Все они были навеселе, исполненные энергии. Хен Шломи знал, что его Шели была не из тех, кто станет скучать в его отсутствие, и рассчитывал застать ее в кругу с другими девушками. Но, еще издали увидав ее, танцующую в обнимку с ее бывшим парнем, он пришел в неистовство. Лев, у которого юркий шакал пытался украсть добычу, был бы не менее раздражен. Локтями растолкав толпу, он, пыхтя, подскочил сзади к Шели, схватил ее за руку так неожиданно, что девушка ничего не успела понять, оторвал ее от Ури, и, не оказавшись рядом Шахара, умелого каратиста, который молниеносно накинулся на него, сжав в объятиях, жестокая драка была бы неизбежна. Соперников разняли в тот момент, когда они уже успели обменяться несколькими мощными тумаками.

Перепуганная Шели, машинально заступившаяся за Ури, разозлилась на ревнивца не на шутку. Вытолкав его в коридор, она отчитала его со всей яростью. Хен, по ее словам, повел себя по-хамски, как эгоистичный драчливый грубиян. Выставил и себя, и ее в вопиюще дурацком свете. Кто же виноват, что он сам ее оставил и пошел хлестать пиво со своими дружками? Что, ей было нужно сидеть в стороне всю дискотеку, или, чего доброго, отправляться за ним? Понимает ли он, что на месте злосчастного Ури мог оказаться любой другой парень, который подвернулся бы ей под руку? У нее не было никаких видов на Ури, они всего лишь вместе потанцевали. Но теперь, после унижительного поведения Хена, она ни за что не желает ручаться. Если Ури захочет опять с ней встречаться, она ему не откажет, по крайней мере, назло ему, Хену.

Хен моментально протрезвел и ощутил себя законченным болваном, но уже было поздно. Шели с Галь, Наамой и Офирой гордо удалилась в раздевалку, откуда долго не выходила, а он, досадуя на им же испорченный вечер, раздувал свою обиду на подругу, и искал себе оправдание.

– Скажи мне, Шахар, скажи ты, Ран: как бы вы поступили на моем месте? – спрашивал он, никак не угомоняясь.

– Не знаю, никогда не сталкивался ни с чем подобным, – сказал Шахар.

– А я бы просто наплевал на истерики Лирон, – усмехнулся Ран Декель. – В любом случае, для меня это уже не актуально.

– И для меня! – брыкался Хен. – Клянусь, на этом все между нами кончено!

""Готова поспорить, что завтра же между ними опять наступит лад", – молча подумала Лиат, восторгаясь бесшабашностью подруги, так легко ставящей на место этого сорвиголову. В конце концов, Шели, по-своему, была очень даже права. Хен пропал со своей компанией

еще в начале вечера. Что же Шели оставалось делать? И потом, кому, как не ей с Галь было во всех деталях известно поверхностное отношение Шели к незадачливому Ури, тогда как к Хену, сходящему с сейчас ума от ревности, она прониклась подлинными чувствами.

– А ведь и я, и Галь советовали Шели позвать тебя, еще в буфете, – поучительно сказала она, закончив про себя свою мысль. – Но ей показалось, что тебе было очень весело.

– Зато теперь мне еще веселее, Лиат! Я этого гада размажу по стенке. – Хен возбужденно попытался закурить, но тут же выплюнул сигарету и придавил ее ногой. – Черт, надо же было зажечь сигарету с другого конца.

И он, дрожащей рукой, затянулся новой. Шахар, Оед и Ран насмешливо переглянулись.

– Пойду потороплю девчонок, – сказала Лиат и направилась в раздевалку.

– Да, нам пора поторопиться, – заметил Ран, взглянув на часы. – Уже развозка.

– Развозка нас подождет, – рассмеялся Шахар. – Никто еще никуда не собирается.

И, в подтверждение его слов, рядом послышался смех. Какая-то пара поднималась в обнимку из спортзала, но, увидев молодых людей, спряталась за выступом стены. Судя по звукам, она там целовалась врасос.

Развозка действительно задержалась. Школьники покидали дискотеку крайне неохотно. Тем не менее, вскоре коридор заполнился ребятами, вяло семеневшими к выходу. В их числе прошла Шели вместе с Галь и Лиат. Лицо ее было крайне нахмуренным. Поравнявшись с побледневшим своим горе-парнем, девушка только презрительно фыркнула и продолжила свой путь, но уже вдвоем с Лиат, поскольку Галь сразу же подошла к Шахару. Хен, к тому времени, выкурил уже две сигареты, ни одна из которых не помогла ему успокоиться.

По дороге на развозку Лиат убеждала огорченную подругу не слишком переживать из-за хамства Хена.

– Кретин! Придурак! Идиот! – глухо огрызнулась Шели. – Завтра же я извинюсь перед Ури за учиненный им скандал.

– Извинение в качестве предлога? – пылливо спросила Лиат.

– Там увидим.

В голосе девушки слышалась огромная уверенность, от которой Лиат нервно сглотнула слюну. Bravo, Шели! Ссоры, примирения, жонглирование парнями – всего этого было у нее в достатке, и потому она жила, вдыхая жизнь полной грудью. А что ж она? Ни привлекла, ни удержала даже такого лоха, как Оед. Один лишь раз попытала счастья – и получила то, что боялась получить. Конечно, так будет постоянно. Видимо, радоваться за других было уделом всей ее жизни.

Глава 6. Волна и камень

Со дня вечеринки прошло три недели. Стоял один из тех изумительных октябрьских дней, когда лето почти окончилось, но осень еще не вступила в права. По счастливой случайности, денек этот выдался выходным. Солнце склонялось к западу, бросая золотые блики на ровную поверхность моря и на чуть дрожавшие на легком ветру листья эвкалиптов, окружающих дикий пляж.

Здесь уже несколько часов отдыхали Галь и Шахар, наслаждаясь последним теплом. Они искупались, пообедали бутербродами, позагорали на влажной от мокрых полотенец подстилке, и сейчас бродили возле прибрежных рифов, перебирая лежащие там груды ракушек. Им все еще не хотелось покидать это дивное место, где кроме них уже никого не было. Лишь крики кружащих время от времени над водным простором птиц нарушали тишь. Романтик Галь ужасно сожалела, что завтра снова в школу: им обязательно надо было приехать сюда с палаткой и заночевать на лоне природы.

– Замерзнем, – внушал ей со спокойной улыбкой Шахар.

– Ни в коем случае! – восклицала девушка. – Мы бы с тобой согревали друг друга. Только представь, как было бы здорово! Мы расположились бы вон там, – она кивнула на рощу эвкалиптов, – у палатки развели бы костер, на котором я приготовила бы нам ужин, весь вечер гуляли бы по пляжу, может, устроили бы ночное купание, а потом... Ах, любимый, у меня замирает сердце от одной мысли, что было бы потом!

Шахар обнял ее и поцеловал в лоб. С капельками воды на едва прикрытой купальником груди, с лоснящейся от крема для загара опаленной солнцем кожей, с мокрой шапкой волос, Галь была прекрасна, как сказочная фея. Он любовался ею так, словно хотел запомнить ее именно такой.

Юноша улегся на мокрый песок, вытянув свое длинное стройное тело.

– Если хочешь, мы еще так поступим, Галь, – предложил он, – но уже в следующий сезон. У меня такое ощущение, что сегодняшней погожий ясный день был одним из последних. Давай ни о чем не сожалеть, а просто наслаждаться им вдоволь.

– Почему одним из последних? – удивилась Галь.

– Во всяком случае, так передавали.

– Мне не верится, – покачала головой она. – Взгляни, какое море, взгляни, какое солнце! Не погода, а просто чудо!

– Ты так безоглядно веришь в чудеса... – протянул Шахар. – Научи меня этому! Я не умею.

Галь одним прыжком примостилась возле юноши. Поцеловала его в щеку. Затем, устроившись на нем сверху, шаловливо изрекла:

– Для этого надо глядеть не себе под ноги, а вон туда! – она указала пальцем на чистейшую небесную лазурь. – Там безграничная свобода верить, чувствовать, мечтать. Таков закон, что чудеса, мечты сбываются тогда, когда веришь, безраздельно веришь в них.

– Во что же ты веришь, радость моя?

– Во все... – Галь задумалась, и продолжила: – Да, во все. Верю в то, что жизнь – прекрасная штука. В твою любовь, в любовь моих друзей. Что удача улыбается мне. Вот, посуди сам. У меня замечательная мама, – правда, немного занудная, но таковы все мамы. Я хорошо учусь. Я красива, – добавила она, краснея. – Люди обращают на меня внимание. Подумать только: я не прилагаю никаких усилий к тому, чтоб у меня все было, но у меня все есть.

– Значит, и я – твоя собственность? – игриво бросил юноша.

– Ты? Ты мой наркотик!

Шахар рассмеялся, и, протянув руку, погладил слипшиеся от влаги волосы любимой.

– Лъстишь?

– Нисколько! Я всегда говорю то, что чувствую.

Шахар приподнялся, и долго смотрел на сосредоточенное лицо подруги. Коснулся его рукой. Его внимательные голубые глаза были настолько близки, что Галь показалось, что еще секунда – и она в них утонет.

– Ты счастлива со мною? – спросил он, хоть вопрос этот прозвучал как утверждение.

– Так счастлива, что боюсь сглазить. Не представляю, как бы я жила на свете без тебя.

– За что же ты так меня любишь? – слегка кокетливо спросил Шахар. – Ведь я особо ничего тебе не делаю.

– Вот теперь ты спрашиваешься на лесть, – проговорила Галь с милой ухмылкой, – но тебе ее не получить. Тебе от меня ничего не услышать, кроме правды. – Их пальцы сплелись в единый узел. – На самом деле, – серьезно продолжила девушка, – я не знаю. Не знаю, за что. Наверное, просто за то, что ты есть. За то, какой ты есть. С первого взгляда, с первого слова. Помню, у меня как будто что-то стрельнуло в груди, когда мы познакомились. По-видимому, то была судьба. И все, что мне нужно от тебя, это тебя самого, Шахар!

Она запнулась от избытка чувств. В тот же момент мощная волна с шипением нахлынула на усыпанный раковинами берег и омыла вытянутые ноги влюбленных.

Шахар был слегка обезоружен признанием подруги. Он тоже ее любил и был к ней искренне привязан, но в сущности, ему была дороже всего ее безграничная верность ему. Она была его наперсницей, его помощницей, его женщиной, и юноша ощущал себя с нею взрослым, зрелым мужчиной. Ему были чужды мимолетные увлечения и детские страсти ребят их возраста. С порывистой, необузданной Галь, у него сложились стабильные отношения, и это было самым главным для него.

Они сидели, прижавшись друг к другу, глядя на рокошующее водное пространство. Солнце уже стало точно над горизонтом, достаточно высоко, но с каждой минутой дневной зной все больше спадал. Прибой стал энергичнее, пенная вода с силой билась о прибрежные камни, разлетаясь на тысячи брызг.

– Знаешь, чего бы мне сейчас больше всего хотелось? – нарушила безмолвие Галь. – Чтобы это мгновение остановилось.

– Что ж, это нетрудно устроить, – ответил Шахар. – Я же принес фотоаппарат.

– Как же мы про него забыли? – воскликнула она.

– Раньше был очень яркий свет. А сейчас он – просто в самый раз.

– Ну, так давай быстрее!

Пока Шахар ходил доставать фотоаппарат, Галь, с ловкостью и грациозностью прирожденной модели, приняла ту же самую позу, как на своем знаменитом снимке. Она полулегла на правый бок возле воды, выразительно оперевшись на руку и величественно обратив лицо к небу. Густые волосы ее при этом слегка растрепались. "Моя красавица!" – с восхищением подумал парень, вернувшись с камерой.

Он сделал с нее несколько снимков в этой и в других позах, затем она с него, причем, оба они ужасно досадовали на то, что некому было сфоткать их вдвоем на этом пляжике. Но сам процесс фотографирования привел Галь в такой восторг, что она с разбегу кинулась в темнеющее море, скрылась в нем с головой, и, когда Шахар, спрятав фотоаппарат в сумку, нырнул вслед за ней, выскочила в другом месте и со смехом пустилась убежать от него.

Он мчался за нею по всему берегу. Она все поддразнивала его на бегу, то и дело ускоряя бег, но шансов у нее не было. Парень все равно оказался быстрее, и, догнав ее, невзирая на ее визг, поднял на руки. Девушка шаловливо брыкалась в его надежных объятиях, тогда как он слизывал поцелуями соленые капли с ее запрокинутой шеи и плеч. Вскоре она растворилась в этой ласке, и в экстазе прильнула губами к губам молодого человека.

Шахар размеренным шагом отнес ее в ложбину между рифами, возвышающимися недалеко от эвкалиптовой чащи, и уложил на утрамбованный песок. Там, закончив осушать бархатные плечи девушки, он развязал верхнюю часть бикини и принялся за ее грудь. Как голодный младенец, он посасывал ее розовые соски, нежно терся небритой щекой о ее вздернутые высокие выпуклости, под которыми призывно стучало ее сердце, спускался ниже. Каждый сантиметр тела девушки млел под его пальцами и языком. Страстно сжимая то ее груди, то ягодички, Шахар зарывался лицом в ее живот, в ее бедра, зубами стаскивая трусики бикини. Дыхание Галь стало прерывистым, руки, обнимающие голову и спину любимого, более жадными. Врата ее тела сами раздвинулись перед ним, в промежности давно уже было влажно и горячо. Парень подарил ей ласку ртом, после чего вошел в нее и долго, долго протерпелся...

В небе над морем разлилось красное зарево, возвещающее о наступлении вечера. Оранжевый, словно язык пламени, шар солнца медленно начал тонуть в этой ране. Ветер усилился, поднимая пригоршни похолодевшего песка. Но Шахар и Галь все еще не собирались уходить. Их горячие тела все не остывали от бурного любовного акта. Их сердца стучали в унисон с музыкой прибоя. Защищенные от прохлады высокими рифами, они обменивались спокойными поцелуями.

– Вот мы и остановили это мгновение, – тихо заговорила девушка. – Когда-нибудь мы будем вспоминать сегодняшний день как самый прекрасный день в нашей жизни.

– У нас было и много других прекрасных дней, разве не так? – улыбнулся парень.

– Однако не таких, как этот. Я побывала сегодня в раю.

Она встала. Ее роскошное гибкое тело словно светилось в лучах заката. Шахар тоже поднялся, осматриваясь, не появилось ли случайно в округе кого-либо, ибо вид их был непристойным для общественного места. Но было пусто.

– Обещай, что мы еще сюда вернемся, – со странной настойчивостью попросила Галь.

– Обещаю, что будущим летом мы обязательно вернемся, – успокаивающе ответил Шахар.

Галь призадумалась. Будущий купальный сезон представлялся ей столь далеким, что, казалось, никогда не наступит. Но она уступила житейской рассудительности друга, и только нахмурила брови:

– Так долго ждать! Впрочем, я знаю способ вернуться сюда насовсем.

– Ты интригуешь меня, – хмыкнул парень, всем видом выражая удивление. – Что же это за способ?

– Видишь тот участок земли на возвышенности за эвкалиптовой рощей? Мы купим его, и построим нам здесь дом. Не беда, что на отшибе, зато в каком чудесном месте!

– Да, я уже представляю себе этот дом, – сказал Шахар, подыгрывая любимой. – С огромной верандой, с бассейном и садом.

– В форме большой палатки, – воодушевленно подхватила девушка. – Наша спальня будет в верхнем этаже с видом на море.

– И мы застелем ее звериными шкурами. На стену повесим олени рога, – вторил ей юноша.

– У нас непременно будет такой дом! – твердо заявила Галь.

– Да, непременно. Лет этак через пятнадцать-двадцать, – деловито заметил Шахар.

– Шахар, ты невозможен! – вскричала Галь. – Вечно ты конкретизируешь вещи. Смог бы ты хоть на секунду оторваться от земли и просто помечтать?

– А я не шутил, – возразил Шахар. – Я вполне серьезен. Почему бы нам действительно не иметь в будущем свой дом возле моря? Твоя мысль не настолько нереальна, чтобы не принимать ее в расчет.

Галь испытующе посмотрела на него, словно стараясь понять, не шутил ли он на самом деле. Потом ее лицо озарилось благодарной улыбкой. В этот момент Шахар стал для нее чем-то вроде самого Бога, готового осуществить любое ее желание. Она порывисто обняла юношу.

– Ты меня избалуешь! – томно воскликнула она. – Шахар, любимый, спасибо тебе!

Молодой человек с улыбкой прижал ее к груди.

– Тебе еще не за что меня благодарить, – сказал он.

– Нет, есть за что. За то, что ты настолько практичен.

– Тогда и тебе спасибо за отменную мечту, моя выдумщица, – воодушевленно ответил он.

Солнце уже кануло в бездонную пасть моря, унося остатки былой жары. Некоторое время на горизонте еще багровела открытая рана ушедшего дня, но вскоре и она стала затягиваться. Шум воды стих, провожая длительный сезон тепла. Повяло отрезвляющей свежестью.

Шахар оделся, отошел собрать вещи, и, вернувшись к Галь, застал ее смотрящей на последние блики зари затуманенным взором. Он ласково обнял ее сзади и произнес на ухо:

– Я никогда тебе не говорил, что мы с тобой – как два природных явления? Как эти волны и эти камни? Я всегда такой жесткий, трезвый, а ты – сама чувствительность.

Девушка загадочно улыбнулась.

– Смотри, – ответила она, – как волны нежно омывают рифы. Думаешь, эти каменные глыбы всегда были именно такой формы: с покатыми вершинами, сглаженными углами? Нет, это многолетнее, может, вековое воздействие волн. Это они придали им их форму, медленно, почти незаметно. А сама вода? Чем больше в ней камней, тем выше ее уровень. Так и мы дополняем с тобою друг друга.

– Знаешь, за что ты мне больше всего нравишься, Галь? – задумчиво молвил он. – За твою безраздельную веру в хорошее. Рядом с тобой начинает казаться, что жизнь действительно прекрасна и добра. Как ты сама.

Темно-синяя мгла наконец разлилась на небе и поглотила пустынный пляж. На ее фоне две фигуры, слившиеся в поцелуе, выглядели словно тени. Единственный фонарь бросил бледную полосу света на отсыревший песок. Среди ветвей эвкалиптов раздались тревожные крики птиц.

– Пойдем, любимая, – прошептал Шахар. – Пора.

Он подождал, пока она облачится в платье, взвалил на спину рюкзак, вмещающий вещи обоих, и они в обнимку двинулись по направлению к стоянке.

* * *

Шахар был утомлен длительным пребыванием на пляже, но, вернувшись домой, сразу кинул взгляд на высокую стопку печатных листов на своем письменном столе. То были материалы для его эссе по гражданскому праву, которое он взял на себя в качестве бонуса к этому предмету. Правда, этот бонус не имел никакого отношения к баллу данного предмета в аттестате зрелости, но сама работа могла сулить Шахару перспективы. Ее можно было подать на конкурс, или показать в будущем в университете. Поскольку Шахар, зная свое упорство, рассчитывал только на самую высокую оценку, и на хвалебные примечания Даны в том числе, то он, ни минуты не колеблясь, поставил себе эту цель и устремился к ней.

Сами распечатки материалов принесли ему из офиса родители. Они, гордившиеся своим сыном и вовсе не считавшие его переростком, поддерживали все его амбициозные планы. Ради того, чтоб эссе, которое он напишет, выглядело настоящим научным трудом, а не типичной школьной работенкой, они позаботились о самых высококачественных источниках информации для него. Шахар еще не просматривал их, но именно этим собирался сейчас заняться.

Душ освежил усталое тело, легкий ужин в обществе родителей, с интересом расспросивших его о проведенном дне, придал сил. Шахар сел в свое рабочее кресло, протянул руку к

листам, и стал читать, делая на полях пометки. Читал он быстро, даже держа бумагу под углом. Настроение его было боевым. Если в дальнейшем каждая такая работа принесет ему солидный гонорар, то он запросто позволит себе строительство такого особняка, о каком помечтала Галь, спустя именно столько лет, сколько он, навскидку, просчитал, а, может, и раньше. И, может быть, это эссе, это маленькое школьное эссе, станет реликвией, напоминающей о том, с чего все началось, и будет храниться в их будущем с Галь доме в позолоченной папке.

Нет, Шахар не испытывал особой надобности в излишнем достатке. Он жил с родителями в просторном, роскошно обставленном пентхаузе, не шедшим ни в какое сравнение со скромной и опрятной трехкомнатной квартиркой его подруги, в районе, где почти все жилые здания состояли из уступчатых домов со связующими их террасами, обсаженными растениями и розовыми кустами. Просто этот дом стал для него как бы делом чести. Если, спустя годы, он действительно сможет построить такой особняк, значит, он чего-то добьется в жизни. Значит, он заслужит этот особняк.

Работа кипела. За час была прочитана почти четверть материалов. Из-за груды бумаг и книг на столе ему шаловливо улыбалась его подруга с помещенного в богатую рамку снимка, который она ему подарила в начале года, и который он сегодня попытался повторить на пляже на свой манер. Недорешенные задания по алгебре лежали забытыми в школьном ранце. Все равно, их никогда толком не проверяли. Зато сейчас Шахаром владело такое вдохновение, что он был не в силах оторваться от чтения. Казалось, все в мире замерло: остановились часы, стихли звуки движения на улице, и в образовавшемся вакууме существовало только лишь это эссе, лишь этот вожденный труд.

Вдруг зазвонил телефон, заставив Шахара отвлечься. Звонил Хен.

– Дружище, как дела? – раздался в трубке его бодрый голос. – Слушай, мы тут собираемся в центр, в "Подвал", пивка попить, в бильярд сыграть. Тут все: Ран, Эрез, Янив и Шири. Может, еще Авигдор подойдет. Присоединяйся!

Но Шахар, будучи в ударе, не испытывал никакого желания прекращать работу. Он извинился, объяснив, что весь день провел на море с Галь и утомился.

– Все понятно с тобой, приятель. Ну что ж, спокойной тебе ночи!

Ночи? Шахар машинально взглянул на часы: было начало десятого. День его промчался, точно пуля, в то время, как для Хена с Шели он только лишь начинался. Впрочем, Хен, почему-то, не упомянул о ней.

– А Шели с вами? – спросил он для уточнения.

– Шели? Я позвонил ей в восемь, но ее не было дома, и никто не знал, когда она вернется. Я оставил ей сообщение. Захочет – придет. Все равно, завтра мы встретимся в школе.

– Вы с Шели квиты, как всегда, – ухмыльнулся Шахар.

– Точно, – подхватил со смехом Хен. – Значит, нам на тебя не рассчитывать? Жалко. Тогда, увидимся.

– Увидимся! – ответил Шахар, и, насвистывая песенку, вернулся к своим бумагам.

Глава 7. Соблазн

Лиат в спешке конспектировала урок математики, время от времени озираясь на замкнутое лицо Галь. Ее соседка по парте выглядела сильно озабоченной. Даже расстроенной. Кажется, в классе пребывало лишь одно ее тело, тогда как душа ее блуждала непонятно где. Несколько раз Лиат почти что приготовилась спросить ее, что, собственно, случилось, но в последний момент поступало очередное изречение учительницы, и она вновь принималась строчить.

От напряжения поспеять конспектировать за училкой у девушки давно сомлела рука. Она была, пожалуй, единственной во всем классе, которая уделяла столько внимания своим записям. Чем больше информации вмещали ее тетради, тем уверенней она себя ощущала. В прошлом учебном году Шели, одолжившая ее конспекты по истории к выпускному экзамену, сделала ей комплимент, что, мол, только благодаря им, сумела получить неплохой балл. Чем же занималась красотка Шели в данную минуту? Они с Хеном тихонько разгадывали кроссворды в журнале. За спиной Лиат флегматично поскрипывал ручкой Оед. Рядом с ним, Шахар весь превратился в слух, и лишь изредка помечал на полях учебника то, что звучало у доски. На другом конце класса шпана пыталась шуметь, нарываясь на строгие замечания. Кто задавал вопросы, кто на них отвечал, кто глядел в учебник, кто – на доску, кто – в потолок. В общем, царил обычная учебная обстановка. И лишь Лиат без устали писала и писала, в то же время чувствуя всей кожей удрученное настроение Галь.

Она решила пристрастно поинтересоваться причиной подавленности подруги по окончании урока. Однако, ей не пришлось проявлять никакой инициативы. Едва лишь прозвенел звонок, Галь, в миг очнувшись, и даже не взглянув на остальных, схватила ее за руку и повлекла на задний двор. Лиат не успела вымолвить ни слова. Она понимала, что, коль скоро Галь повела себя так, значит, сейчас ей предстояло услышать нечто неординарное. Так и произошло.

– Лиат, мне срочно нужен твой совет, – нервно озираясь, сказала Галь, поеживась от вязкой утренней свежести. – Я стою на распутье, не знаю, что делать; со вчерашнего дня я сама не своя...

– Так! Объясни мне, что произошло, – спокойно ответила Лиат, пронизывая ее взглядом. – Ты же только вертишься и хнычешь.

– Ты будешь поражена, потом все поймешь... Ты должна все понять... – Галь замолкла на секунду чтоб собраться с мыслями, и выпалила: – Помнишь тот мой снимок на пляже?

– Тот самый?.. – промямлила захваченная враспloch Лиат.

– Да-да. Я... честное слово, я сама не ожидала... – задыхаясь от волнения приступила Галь. – Тот фотограф, который меня фоткал, все же представил его в одном из агентств. Не знаю, с какой стати он сохранил мой номер телефона, и почему показал именно мои фотки... Не важно. Так или иначе, мне позвонили из этого агентства и пригласили на пробы. Вчера я была у них после занятий. Лиат... держи покрепче свою челюсть! – наступила короткая напряженная пауза, после чего девушка выпалила: – Они предложили мне контракт!

У изумленной Лиат Ярив на самом деле отвисла челюсть. Она ожидала всего, но такого!.. Она стояла, разинув рот и охваченная безмолвием, тогда как Галь томилась в ожидании ее реакции.

– А что это за контракт? – только и сумела выдать из себя Лиат.

– Неплохие деньги, – ответила Галь, несколько разочарованная паузой подруги. – Речь идет о съемках для модных журналов и об участии в конкурсах: на лучшего визажиста, оформителя, парикмахера и так далее. Но не о подиуме. Для подиума я, видать, недоросла, – закончила она со скромной улыбкой.

Лиат еще несколько мгновений постояла в полном ошеломлении, после чего до нее дошло все, что хотела сказать ей этим подруга.

– Галь! Это чудо! – вскричала она наконец, бросаясь на шею растерянной Галь. – Это... это же сказка! Потрясающе! Шикарно! Восхитительно! Мои поздравления! Я всем расскажу!

– Погоди восторгаться, Лиат! – почти равнодушно ответила Галь. – Да, звучит заманчиво, но все ж... я вся в сомнениях.

– О чем? Ведь это твой триумф! Твое везение, дуреха! Хватай обеими руками!

– Не все так просто. Я не была бы настолько подавленной, если бы...

И она затараторила о постоянных пробах "за счет агентства", примерках, разъездах на съемки включая полеты за границу, тесной работе с самыми разными людьми из мира рекламы, моды и шоу-бизнеса, и главное – о сроке контракта на год с возможностью продления.

– На весь наш последний учебный год! – возбужденно восклицала Галь, подчеркивая каждое слово. – Ты улавливаешь мою мысль?

– О да, – едва проговорила потрясенная Лиат. – Теперь мне все понятно, Галь. В самом деле, есть над чем помозговать. – Она многозначительно шмыгнула носом и робко спросила: – А разве то, что ты – в выпускном классе, для них не играет роли?

– Безусловно, играет! – ответила Галь. – Но я у них не первая и не последняя школьница, и напрягать такая двойная нагрузка должна только меня, а не их.

– Хм, – снова хмыкнула Лиат. – Ты уже с кем-то говорила на этот счет?

– Ты первая, – покачала головой Галь.

– И чего же ты ждешь от меня?

– Понимания, – сказала Галь чуть ли не умоляюще, – и поддержки. Умом я, конечно, отдаю себе отчет в том, что это – уникальный шанс, открывающий мне большие перспективы, но сердцем... Лиат, я всю ночь не спала! Я разбита!

Галь в бессилии присела на корточки под школьной стеной и замерла, уронив на руки голову. Лиат, не менее растерянная, машинально присела рядом, выпрямив спину. В таком положении склоненная голова Галь и задранная голова Лиат оказались на одном уровне. Плечом к плечу сидели на асфальте подруги детства и молчали.

Задний двор пустовал. Как и прогнозировали синоптики, резко похолодало, солнце скрылось за тучами, и мало кому была охота в перерывах дышать сырым колючим воздухом. Все грелись в помещении школы, тогда как они, дрожа от ветра, держались подальше от посторонних глаз в закутке, заваленном хозматериалами, напротив запертых железных ворот школьного склада. Правда, летом здесь скрывались многие целующиеся парочки, но лето давно прошло. Ноябрь уже стучался в двери.

Будучи пока не в силах сказать подруге что-то однозначное, и чувствуя, что ей придется обстоятельно обдумать эту неожиданную ситуацию, содержащую для нее самый определенный намек, Лиат предложила Галь продолжить разговор после уроков. Будет лучше всего, сказала она, если они отправятся к ней домой и там, в спокойной обстановке, все обсудят. Галь нехотя согласилась, хоть было видно, что она была готова принять решение незамедлительно.

Этот учебный день тянулся мучительно долго для Галь. Каждый урок был для нее настоящим испытанием. Она нервно вертелась на стуле, бросая виноватые взгляды на Шахара, смотревшего на нее с явным недоумением, но не интересуясь предметом ее нервозности. Вот с Шели она могла бы поделиться, но заранее известная реакция той ничем не могла ей помочь. У Лиат был, все же, более взвешенный подход к вещам, и понимала она ее лучше. Она никогда не давала ей плохих советов, и на этот раз тоже подскажет ей наилучший для нее выход.

А Лиат с самого начала поняла, что Галь, фактически, доверила ей свою судьбу. Ее влияние на ход мыслей Галь, возможно, станет определяющим. И для Лиат не было тайной, что истинным камнем преткновения в решении подоуги был никто иной, как Шахар. Девушка не считала, что Галь перегибала палку, говоря о нагрузке и частых поездках по работе. Но Шахар

оставался здесь, и он лежал на чаше ее весов, на другую чашу которых были брошены «неплохие» деньги и вероятность блестящей карьеры. Какая чаша перевесит – вот во что все упиралось! И какая же деликатная роль досталась ей именно потому, что дело касалось Шахара!

– Галь, неужели когда ты фотографировалась у тебя не возникло даже мысли, что это может круто развернуться? – начала она издали, когда они уже ехали домой в автобусе.

– Нет! Сто раз нет! – категорично отозвалась та. – Для меня это была простая забава. Кроме того, я ни о чем не спрашивала фотографа. Поэтому я в таком шоке была, когда мне вдруг позвонили из агентства. Сперва даже подумала, что это был розыгрыш какого-то сукина сына.

– Теперь ты жалеешь, что сфотографировалась? – последовал каверзный вопрос.

Галь укоризненно улыбнулась:

– Какая глупость! Снимок просто восхитителен.

Некоторое время обе помолчали, погруженные каждая в свои мысли. Затем Лиат произнесла:

– Ты поражаешь меня, Галь. Любая другая на твоём месте не то, что пошла, а побежала бы навстречу такому шансу. Ведь такой шанс выпадает один на тысячу, а то и на миллион! А ты ломаешься и портишь себе нервы.

– Знаешь, – раздалось в ответ, – я еще не знаю, чего я хочу. Да, мне сказали, что я – именно то, что им там, в агентстве, надо. Что я – тот самый образ, который они искали. Но работать в рекламе... Вот никогда бы не задумалась над этим.

Замухрышку Лиат ошарашило столь непрактичное отношение подруги к ее завидной фигуре и внешности. Ей бы ее данные – она бы не ждала, пока удача ее найдет. Она сама пошла бы ей навстречу.

– Красоту не упрячешь, – философски заметила она. – С твоей физиономией не скроешься в толпе. И до сих пор ты ощущала себя с этим вполне комфортно.

Галь покачала головой.

– Это разные вещи, Лиат, – попыталась она объяснить. – Становясь моделью, ты начинаешь принадлежать себе лишь отчасти. Ты превращаешься... в бренд, – употребила она самое грубое сравнение, какое пришло ей на ум. – И у тебя, как и у любого бренда, появляется хозяин. Даже несколько.

– Ты начиталась в глянце всякой ерунды про "звездную жизнь", – резко постановила Лиат. – В глянце, который затем потрошишь на вырезки для твоих коллажей.

– Именно в глянце и напишут всякую ерунду про этот мир, – настолько же резко возразила ей Галь, не беря в толк, с чего это вдруг Лиат заговорила о журналах, которые она обычно «потрошила», даже не прочитывая внимательно. – Хотя, ты права: я слишком нервничаю, – добавила она помягче.

Лиат не обиделась. Ей было важно заставить Галь посмотреть на ситуацию объективно.

– Послушай, Галь! В конце концов, этот контракт – не бракосочетание. Не понимаю, почему он так сильно тебя напрягает. Попробуй! Оставить ты успеешь всегда. И подумай хотя бы о всех королевах красоты, "мисс мира" и прочих известных фотомоделях. Самые младшие из них – твои ровесницы. Ты считаешь, что у них, помимо съемок, нет учебы, поступлений в ВУЗы и других обязательств? Ведь как-то же они справляются! Чем же ты хуже их? На мой взгляд, ничем, – завершила она свою долгую тираду.

– Лиат, – Галь стремительно к ней обернулась как раз в момент, когда автобус почти занесло на крутом повороте, – я понимаю все, о чем ты говоришь. Мне и хочется, и колется. Seriously! Соблазн огромен, и зарплата отличная для начинающей. Но в мой спокойный, устойчивый мирок ворвутся новшества, которые перевернут его навсегда. У меня нет никаких гарантий, что я успею и там, и здесь, и сохраню хорошие отношения с теми, кто меня окружают. Вот если бы не приходилось выбирать!

Лиат захотелось добавить, что окружающим Галь одноклассницам, помимо нее и Шели – Нааме, Лирон, Керен, и даже флегматичной Шири, девушке Янива – было втайне глубоко на нее наплевать, что было очевидно всем, кроме одной лишь Шели, слывшей "душой компании". Но, вместо этого, она пошла напрямик:

– Ты просто ищешь себе оправдания. Ты ведь сама не хочешь этого контракта. Если так, то лучше сразу откажись – и дело в шляпе.

Сейчас она ее проверяла. От ответа Галь зависела дальнейшая направленность их разговора, их судьбоносного разговора. Однако, реакция подруги еще больше смутила ее:

– Мое желание соглашаться или не соглашаться на этот контракт зависит только от того, какая чаша перевесит. Я чувствую, что любое решение обойдется мне очень дорого.

– Ты загоняешь себя в угол, – произнесла Лиат сурово. – Ты рассуждаешь инфантильно, и все – из-за привычки к уютной теплице, созданной тебе твоей мамой. Из-за нее ты теряешь шанс проявить себя и, хотя бы, подзаработать. Нельзя же так недооценивать себя! Так вот, что я тебе скажу...

Внезапно подсевшая к ним пожилая соседка Галь прервала ее реплику на середине. Она везла с рынка тяжелую тележку с продуктами, и, устало отдуваясь, заговорила с девушками о ценах. Ее появление несколько отвлекло подруг от их напряженного разговора. К тому времени дом Галь уже вырисовался за грядую жилых высоток, возле которых останавливался автобус, выпуская пассажиров. Его можно было распознать по примыкающей небольшой площади, где в первых этажах зданий располагались магазины и разные конторки.

Дотащив продукты женщины до ее двери, осыпаясь словами благодарности, две школьницы переступили порог квартиры семейства Лахав.

Знакомая с детства обстановка опять предстала взору гостя. Жалюзи на окнах в квартире по-прежнему были спущены, вокруг царил легкий сумрак. Немытая посуда загромождала кухонную раковину. Постель в комнате Галь оставалась незастланной. Там же, на этажерке, красовалась ее пляжная фотография, ставшая причиной такого поворота событий. Серебристая рамка оттеняла небесно-морской фон, на котором был запечатлен изящный стан "модели".

Положив свой ранец на пол в углу комнаты Галь, Лиат подошла к этой фотографии, поднесла ее к свету, и невольно залюбовалась ею. Галь явно намеревалась совершить большую ошибку. При неискушенном первом взгляде на фотографию даже не было заметно, что она запечатляла непрофессионалку – столь естественными и артистичными были и поворот головы девушки, и ее мимика, и поза. Конечно, освещение и ракурс являлись уже заслугой фотографа, но сама Галь была неподражаема.

Галь, заметив как Лиат внимательно рассматривает ее изображение, ухмыльнувшись, сказала:

– Знаешь, в прошлый выходной мы с Шахаром были на пляже, и он тоже пофотографировал меня в этой позе. Причем, по случаю, я была в этом же самом купальнике.

– Ну и ну! – изумленно вскричала Лиат. – И как получилось?

– Наши снимки еще не проявлены. Когда они будут – тогда и сравним.

""Ну вот мы и подобрались к самой вишенке в пироге!" – с облегчением подумала Лиат Ярив, и призвала на помощь всю изворотливость своего острого ума. Наконец-то речь зашла о том, из-за кого она сейчас всю дорогу прошупывала эту счастливую дурочку! Она уселась на кровать, сняв обувь и подобрав под себя ноги, и спросила у той:

– А как бы Шахар отнесся к тому, что ты станешь фотомodelью?

Галь, возившаяся с одеждой в своем шкафу, полушутя-полусерьезно выпалила:

– Я еще у него не интересовалась.

– Тогда почему бы тебе не спросить его мнения?

– Потому, что я сама в шоке. Хотя, моим первым побуждением было именно посоветоваться с ним, – возбужденно прозвенело в ответ. – Но я боюсь, что если поделюсь с ним сейчас,

не определившись, то сама еще больше беспокоюсь. Поэтому я обратилась к тебе, – очень близкому, но, в общем, нейтральному человеку.

– Гм, – неловко кашлянула гостья.

– Ну, а ты? Как бы ты поступила на моем месте? – последовал неожиданный вопрос.

– Не знаю, – процедила Лиат. – Я – это не ты. У меня нет такого же устоявшегося мирка, как у тебя, и к тому же, у меня нет и никогда не было такого молодого человека, как Шахар, – попыталась она ее зацепить.

– Наверно, – покоробленно молвила Галь.

Она закончила раскладывать одежду, под села к Лиат, и глядя ей в лицо, виновато прибавила:

– Извини, что я вмешиваю тебя в свои проблемы. Ты правильно сказала: я – инфантильна и слишком привязчива. Будь я такая же, как Шели, мы бы не вели сейчас этой беседы.

– А ее ты тоже посветишь в эту историю? – лукаво улыбнулась Лиат.

– Вряд ли, – твердо отозвалась Галь.

– Почему?

– Чтобы не брать ее вместе с собой на съемки, – рассмеялась Галь, вспомнив их дразнилки в начале учебного года, в тот день, когда копия ее фотографии безвестно пропала. Но в ее смехе чувствовался надрыв.

– Галь, подружка, давай откровенно: чего ты боишься? – не сдержалась Лиат. – Ты хочешь, чтобы я поняла тебя и просишь у меня поддержки, но ты чего-то недоговариваешь! Убей меня, я не поверю в то, что твой страх перемен может – и должен! – стать препятствием в таком важном вопросе, как будущее. Поэтому, будь добра: открой мне все свои карты!

Этот довод подействовал подобно удару тока. Галь сникла, прилегла на кровать, и застыла в тоскливом, печальном молчании. При виде ее настроения у Лиат невольно сжалось сердце. Она горячо обняла расстроенную девушку.

– Моя хорошая, – промолвила она елеинным голосом, – ну не мучай себя так! Скажи правду! Ведь ты же доверяешь мне?

Галь посмотрела подруге в глаза с бесконечным доверием.

– Ну хорошо, – отчаянно проговорила она. – Я боюсь из-за Шахара. Боюсь, что моя карьера испортит нам отношения.

""Гениально, Лиат! Ты услышала то, что хотела услышать", – пронеслось в мозгу той.

– "С глаз долой – из сердца вон"?

– Нет, – воскликнула Галь, замотав головой, – за себя я готова поручиться! Я буду любить его, даже если работа забросит меня на край света!

– Стало быть, ты неуверена в нем?

– Да. Наверно. Речь идет о моем будущем жизненном укладе, о том, что примерки, съемки, конкурсы, разъезды, в соединении с намерстыванием школы, помешают нам встречаться. Как только я себе представлю, во что мне это обойдется, мне становится дурно!

Лиат была смущена этим взрывом признаний. Она почувствовала, что почва уходит из-под ее ног, потому, что охваченная переживаниями лежащая перед ней подруга детства могла принять свое окончательное решение в любую минуту. Сумасшедшая ревность пронзила ее.

– Однако, ты боишься только за себя, – строго проговорила она, пытаясь хоть как-то вернуть себе свои позиции. – Словечко "я".звучало в каждой твоей фразе. Если бы ты так дрожала за Шахара, за его реакцию, то хотя бы один раз сказала "он".

– Я говорила о себе, – возразила Галь, – поскольку мое подписание контракта отразится на нас обоих. Шахар, может быть, будет меня поддерживать вначале. Но потом... обязательно возникнут конфликты и ссоры. Я не могу пойти на это! – выразительно ударила она себя в грудь. – Мне важнее сохранить его любовь.

Лиат оказалась в себе же расставленной западне. Мало того, что ей было невыразимо больно слушать пылкие признания Галь в ее любви к Шахару, так еще и ее влияние на ход мыслей Галь шло на нет. Это было также очевидно, как и то, что Лиат отдала бы все на свете за возможность очутиться на месте Галь, во всех смыслах. И все-таки ее собственные чувства к Шахару были превыше очевидности. Она дерзнула побороться.

– Галь, я, конечно, тебе не советчица, – снова заговорила она, – но если для тебя важно мое мнение, то я его выскажу. Но оно будет не из приятных для тебя.

– Почему? – на Лиат устремился испуганный взор огромных синих глаз подруги.

– Знаешь, ваш пятилетний роман, на мой взгляд, уже превратился в глухую рутину. Вы так привыкли видеть друг друга ежедневно, что странно, как вы еще друг другу не надоели. Пока все просто: школа, наша компания... А потом? Что, переедете сюда? Или к нему? Лично мне, это смешно. А, между тем, когда двое переживают какую-никакую встряску, то они часто не только не охлаждаются друг к другу, а напротив – еще больше хотят быть вместе. Я просто читала об этом в одной статье.

Галь посмотрела на подругу широко раскрытыми от изумления глазами, ничего не понимая.

– Лиат! – воскликнула она в ошеломлении. – Ты что? С чего ты взяла, что мои отношения с Шахаром нуждаются в встряске? Да будет тебе известно, что когда мы были с ним на пляже, то задумали построить себе там дом.

– Дом? – переспросила Лиат.

– Дом, – подтвердила Галь.

– А когда?

– Когда-нибудь, когда станем взрослыми. Шахар сам предложил реализовать этот замысел... Что ты смеешься? – недовольно запнулась она, увидев, как рот Лиат расплылся в улыбке.

– Я смеюсь, – отозвалась та, – потому, что ты не желаешь использовать шанс, подаренный тебе судьбой, самой заработать на этот дом. Неужели ты думаешь, что Шахар сразу же отдаст все свои силы вашей юношеской мечте? Нет, милая! Он уйдет прокладывая себе дорогу в жизнь и ни перед чем не остановится. А ты пожалеешь об этом шансе, который сдуру упустишь, и слишком поздно вспомнишь мои слова.

– Ты агрессивна, – осадила ее Галь холодным тоном.

Тут Лиат прикусила язык, испугавшись настойчивости, с которой стремилась ее убедить. При всем своем простодушии, Галь Лахав была далеко не дурой. Она постаралась спасти ситуацию.

– Это потому, что я волнуюсь за тебя, – сказала она прочувствованно. – Ведь я ж тебе почти сестра! Пусть я неопытна в этих делах, но кое-что понимаю... во многом благодаря Шели. Нельзя, нельзя так жертвовать собой ради мужчины! Подумай о себе. В руках у тебя ключ к блистательной жизни. Потеряв его, ты будешь горько плакать. Ведь ты же хочешь стать моделью! Я вижу по твоим глазам, что ты безумно хочешь этого! Ну, так хоть раз пойди на поводу у твоих амбиций, а не твоих страстей, и ничего не бойся! Если Шахар на самом деле любит тебя всей душой, то он никуда от тебя не денется.

Сомневаясь в верности выбранной ею тактики, Лиат со страхом ждала ответ. Он был жесток:

– А знаешь ли ты, что такое любовь? Ведь ты никогда еще не была влюблена, так как ты можешь это знать? Так вот: тот, кто любит, тот ставит интересы любимого выше собственных благ. Любящая женщина пойдет за своим мужчиной куда угодно, хоть на край света. Я от души желаю тебе, Лиат, испытать счастье такой любви и лишь только потом говорить об эгоизме и амбициях.

– Я говорю о реальной жизни, – с горечью выговорила та. – Ты – не первая и не последняя в мире девчонка, которая жертвовала всем ради своего парня, а спустя годы – хваталась за голову. А ведь многие из них, впридачу, сделали аборт.

– Насчет последнего не беспокойся, – прыснула Галь. – Я надежно предохраняюсь.

– Вот: снова – ты. Ты, а не он. Значит, ты вовсе не так в нем уверена, дорогуша.

– Мне надоел этот разговор! – отрезала Галь с нескрываемым раздражением.

Она пошла в ванную, где напилась воды из-под крана, и вернулась в комнату более спокойной, чем раньше, но такой же нахмуренной и раздосадованной. Совершив по ней круг, она подошла к этажерке и достала другой сногшибательный фотопортрет, на котором она была запечатлена в обнимку с Шахаром в вечерних нарядах на фоне вазона багряных цветов.

– Это мы в зале торжеств, – пояснила она, – когда у его родителей была годовщина свадьбы. Я собираюсь поставить ее в рамку рядом с этой, – кивнула она на свою пляжную фотографию. – Как ты считаешь, они будут смотреться вместе?

Лиат Ярив ощущала себя конченной дурой и мерзавкой. Ей было все равно, будет ли хорошо выглядеть совместный портрет Галь и Шахара на фоне ее многообещающей фотографии, и она только лишь кивнула. Она уже поняла, что проиграла. Ее влияние, может, слишком напористое, себя не оправдывало, а беспечный ответ Галь о том, что она ничего не знает о любви, причинил ей адскую боль. Кому, как не ей, были знакомы страх потери и неуверенность в себе! Обессилев почти также, как потенциальная модель, и испробуя свой последний козырь, она произнесла с сарказмом:

– По поводу этого разговора. Ты сама завела его. Но я не понимаю, к чему же он был, если ты заведомо решила отказаться? Мнение мое ты услышала, совет получила. Ты получишь его от любого другого, потому, что все, кроме тебя одной, прекрасно видят, что ты за все годы так растворилась в твоём Шахаре, что утратила себя самое. Ты живешь буквально за его спиной. Похвально, ничего не скажешь! А ну-ка, иди сюда! – Лиат с бешеной силой отчаянья потащила подругу за локоть к настенному зеркалу, и поставила прямо перед ним. – Вот, взгляни на себя еще раз и подумай, не совершаешь ли ты ошибку по отношению к себе? Головой думай, Галь, головой, а не сердцем! Ведь ты – модель на миллион!

Это был опасный выпад. Выбросив такие кости, Лиат была уже готова ко всему.

Самолюбие Галь было, действительно, больно задето. Однако, вместо того, чтоб разозлиться и высказать обидчице все, что в ней накипело за этот денечек, она застыла перед собственным отражением. Заглушенное честолюбие молниеносно проснулось в ней, взгляд вспыхнул хищным огоньком. Очень сосредоточенно Галь посмотрела на себя в зеркале: на золотистый оттенок кожи, копну каштановых волос, разрез своих голубых глаз с поволокой, очертания носа и рта, превосходную фигуру и гордую статью несмотря на средний рост – все то, что обхватившая ее рукой за талию Лиат оценила в такую огромную сумму. И тотчас все ее прежние доводы, все ее яростное сопротивление, показались ей несерьезными. Да, она рождена для величия и блеска! Принося в жертву свой потенциал, она продолжала топтаться на месте, смешивая свое уникальное лицо с миллионами прочих, ничем не примечательных лиц. Да, ей нужно принять предложение агентства и стать моделью! Ведь за нее сама судьба.

Только запал девушки быстро закончился. Образ Шахара опять пронесся пред ее глазами. Пускай она подпишет контракт, пускай проявит себя в агентстве и обеспечит им с матерью райскую жизнь. Станет ли счастливее? Вот в чем была загвоздка! Может быть, она и пройдет испытание нагрузкой и известностью, но Шахар? Как он отнесется к тому, что ее будут окружать богемные люди и, в частности, другие мужчины? А ребята из ее тесного, доброго школьного мира? Изменив свою жизнь, она безмерно отдастся от тех, кто ей здесь были очень дороги. Выбор был неизбежен.

Галь почувствовала себя так, как будто на ее шее затягивалась петля. Стрелка весов ее бешено дергалась, вибрировала, качалась. Наконец, сломленная, измученная девушка разом опустила гирию на одну из чаш и выпалила:

– Нет, Лиат! Извини, но тебе было нечего играть на моем честолюбии. Я остаюсь при своем мнении. Во сколько бы там меня не оценили, я не в силах пойти против моего сердца.

Лиат сдалась. Поскольку ей одной было понятно, ради чего – то есть, ради кого – она затеяла эту глупую исповедь, то самым правильным теперь было больше никогда не касаться этой темы. Да и чем она могла реально изменить ситуацию в выгодную ей сторону? Галь любила Шахара безумно, и все бросала на алтарь своей любви. Обе они бились в одну и ту же стенку.

Она медленным шагом прошла в туалет – якобы по нужде, а на самом деле чтоб скрыть от Галь свои предательские слезы. Но, выйдя оттуда спустя пять минут, маска ее лица вновь была ровной и доброжелательной.

– Послушай, я проголодалась, – сказала она бодрым голосом. – Пойдем-ка лучше пообедаем.

– Согласна! – отозвалась Галь, радуясь, что с этой темой было покончено. – Погляди что там есть в холодильнике, и поставь на стол все, что захочешь. Я скоро присоединюсь.

Лиат отправилась на кухню, заглянула в холодильник, достала отварной рис, жаренное мясо, овощи, поставила рис и мясо в микроволновку, сервировала стол. Она вела себя как у себя дома, поскольку дом Галь и был ее вторым домом, с самого детства. Вскоре подошла Галь, одетая уже по домашнему и со смытым макияжем, и подруги принялись за еду. После трапезы, Лиат почему-то заторопилась уходить. Она так спешила, как будто спасалась бегством.

Придя домой, и даже не раздеваясь, Лиат в неистовстве ворвалась в свою комнату, вытряхнула на рабочий стол все учебники из ранца, и немедленно уселась за занятия. Она по сто раз перечитывала конспекты, штудировала словари, делала даже те задания, которые их в школе и не просили делать. В каком-то умопомрачении грызла девушка науку, вживалась в нее, убегала от окружающего мира, превозносящего внешнюю, даже напускную, привлекательность. Успехи в учебе – это было единственное, что она могла противопоставить Галь, с ее великой красотой и великой любовью.

Почти до самой ночи просидела она над уроками, пока, наконец, еле переводя дух, свалилась в кровать и забылась сумбурным, поверхностным сном.

* * *

– Ты повела себя абсолютно неправильно, – сказала мать, когда, после программы новостей, Галь все-таки рассказала ей обо всем. – Такие вещи обсуждают не с подружками, а с теми, кого они касаются непосредственно. Нам нужно было сесть втроем за этот стол: тебе, мне и Шахару, и разобраться в этом вопросе в семейном кругу.

Галь сидела на диване в гостиной подбрав под себя ноги, с отрешенным выражением лица, и грызла семечки. Она уже успела созвониться с агентством, и, мотивировав свой отказ тем, что в настоящее время учеба являлась для нее самым главным, попросила придержать ее анкету и ее пробные снимки на будущее. И, хотя девушка в тысячный раз убеждала себя в правильности своего выбора, смутная тревога точила ее сердце. Слова матери ее покоробили.

– Лиат – моя подруга детства, мама, почти сестра. Она желает мне добра. Кстати, именно она все убеждала меня принять предложение. "Ты – модель на миллион", – именно так она кричала. Черт побери, я почти убедилась! Но в последнюю секунду воздержалась.

– Отчего же? – полюбопытствовала мать.

– А как же Шахар? Как же ты? Почему ты распекаешь меня теперь, когда все уже кончено?

Тень легла на озабоченное лицо Шимрит Лахав, которая выключила телевизор и беспокойно заходила по гостиной. Галь удивленно следила за ней, проглатывая семечки вместе с шелухой. Но еще больше она была поражена, когда мать сказала:

– Это все – моя вина.

– О чем ты? – испугалась дочь.

– Я вложила в тебя слишком много себя, и сделала собственной копией, дочка, – произнесла Шимрит с глубоким сожалением.

– И что в этом плохого, мама? – беспечно сказала девушка.

– Плохо то, что я уже ничего не в силах в этом изменить, – прозвучало в ответ.

Она встала возле раковины и занялась мытьем посуды, что указывало на ее крайнее смятение.

Девушка, окончательно сбита с толку, кинулась вслед за ней. От ее резвости пакетик семечек упал, и его содержимое рассыпалось по ковру. Но ни она, ни ее хозяйственная мать не обратили на это внимания.

– Объясни мне, мама, что ты имеешь в виду? – настороженно потребовала она. – Я ничего не понимаю. Причем здесь ты? Причем здесь какая-то твоя вина? Я не вижу ничего особо страшного в том, что мы с тобой похожи. Мы и так живем с тобой вдвоем, поскольку этот гад нас бросил, и должны находить во всем общий язык.

Слово "отец".она, как всегда, старалась вообще не выговаривать, но не могла не упомянуть о нем в оскорбительной форме.

– Мне просто очень не хотелось бы, чтобы ты повторила мою судьбу, – отозвалась Шимрит.

Голова у Галь пошла кругом. Она со стыдом призналась себе, что ничего не знала о молодости своей мамы. Что ж такого в ней было, что та заговорила о своей неудачной судьбе? Пронизанная любопытством и страхом, девушка напряженно всматривалась в замкнутое лицо самой близкой ей на свете женщины, намыливавшей грудку тарелок.

– Только, пожалуйста, не говори, что ты сожалеешь о вашем разводе. Этот человек – подлец. Он не достоин нас с тобой.

– Ты когда-нибудь видела фотографии твоего отца? – вдруг спросила Шимрит.

– Ну, видела... – безучастно протянула дочь.

– Он писанный красавец, – не правда ли? Внешне ты его слепок.

– Предположим, – глухо огрызнулась Галь.

Мать смерила ее взглядом, исполненным ласки и терпения и приступила к рассказу:

– Твой отец был моей самой первой любовью и самым первым мужчиной. Достоинейший и талантливейший человек, за которым увивались все студентки нашего колледжа. Помню, была среди них одна брюнетка с зелеными глазами, осиной талией и длинными ногами. Красавица! Как же она бегала за ним! Но только он выбрал меня, одну из всех. Почему, – я и сама не представляю. Просто так вышло. Мы поженились всего за несколько месяцев. Я была как на крыльях! Мои сокурсницы восприняли это так, словно я обокрала их. Но я и раньше понимала, что все эти куклы никогда не относились ко мне искренне и хорошо, и наплевала на их зависть.

– Зачем ты это мне выкладываешь? – пробурчала Галь, недовольная тем, что ей пришлось выслушивать рассказ о человеке, которого она привыкла ненавидеть.

Кончив с мойкой посуды, Шимрит Лахав закрыла кран, вытерла руки о фартук и опустилась на стул за обеденным столиком.

– Чтоб ты поняла, – объяснила она, поглядев в глаза дочери, – какой нельзя ни в коем случае быть в отношениях с мужчиной. С любым мужчиной.

– Да-да, я уже предчувствую, что ты мне скажешь, – вспыхнула девушка. – Но, может быть, ты напрасно берешь всю вину на себя, потому, что я знаю, какая ты в жизни. Если он всего этого не оценил, значит, это – его вина.

– Все мужчины меняются после заключения брака, – постановила Шимрит, – и я это сразу поняла. Эйфория прошла, и началась совместная жизнь. Мне пришлось очень внимательно взглянуть на себя со стороны. Красотою я не блистала, особыми талантами – тоже, разве что трудолюбия мне было не занимать. Но я была воспитана в том духе, что главная задача супруги – забота о муже и детях. Поэтому, я полностью посвятила себя нам двоим. Учебу забросила, устроилась на работу. Меня это удовлетворяло. Дом, ведение хозяйства – вот, что стало моей профессией. Вскоре родилась ты. И после твоего рождения, меня стало едва хватать даже на дом. Все мои силы были отданы тебе.

– При чем же тогда все мужчины? При чем же здесь этот... твой муж? – не унималась Галь.

– Твой отец, – с содроганием ответила Шимрит Лахав, – был очень светским, очень ярким, амбициозным человеком, до смерти ненавидевшим рутину. Со временем, он попросту стал тяготиться мной, Галь. Смотрящая в рот и готовая явиться по первому зову жена материнского типа, вероятно, была удобна ему в самом начале, когда оба мы были всего лишь студентами, и он нуждался в моей заботе. Но потом он защитил кандидатскую, устроился на отличную работу, расправил крылья и быстро пошел вверх. Его стали часто посылать в командировки, на курсы повышения квалификации, наделили огромными полномочиями. И тогда... он перестал принадлежать своей семье... то есть, мне. И, отчасти, тебе. Ты была еще совсем маленькой. Я чувствовала, что летела ко дну, но терпела... ради сохранения семьи, пусть даже видимой, иллюзорной семьи... ради тебя, в конце концов. Изнывая от сознания своей неполноценности и невостребованности, я была уже бессильна что-либо предпринять, ибо все зашло безмерно далеко...

Шимрит осеклась, обратив внимание на выражение лица молодой девушки. Ей показалось на мгновение что это не дочь, а сам бывший муж глядит на нее широко раскрытыми от потрясения глазами. Сходство было поразительным. Не удержавшись, она вскрикнула:

– Галь, как ты похожа сейчас на отца! Те же глаза!

Но, быстро собравшись с мыслями, она продолжила срывающимся голосом:

– Да, все зашло далеко, но я по-прежнему ждала его вечерами домой, втихомолку проклиная свой характер. Я была готова ждать твоего отца всегда... Но как-то раз он не вернулся... он пришел только утром... и сказал, что уходит... что любит другую... начальницу соседнего отдела предприятия... мою ровесницу... и что это серьезно.

– И ты... отпустила его просто так? – еле вымолвила ужаснувшаяся дочь.

– А что мне оставалось делать? – развела руками мать. – Все то, что я стремилась сохранить ценой самопожертвований, рассыпалось как карточный домик. Я поняла, что если мой муж очень счастлив с той женщиной, то я не была вправе его удерживать. Я всплакнула, помогла ему собраться, поцеловала напоследок и отправила. У них прекрасная семья.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Мне ли этого не знать? – закончила та с усталой улыбкой.

Галь вскочила, закружилась по квартире, собрала с ковра в гостиной рассыпавшиеся семечки, затем снова стремительно опустилась на стул и застыла, обхватив руками голову, сходя с ума от жгучей неуверенности. Нет, попыталась она успокоить себя, ее история с этим контрактом даже отдаленно не могла напоминать пример ее матери! Она еще школьница, и это было всего лишь первое и несовместимое с ее учебной нагрузкой предложение. Но ведь это не значило, что из нее ничего никогда не выйдет! И потом, ее Шахар – это что-то другое. Он ее полюбил именно такой, ему известна ее семейная драма, и он не нанесет ей удара в спину!

Видя замешательство дочери, Шимрит, с раскаяньем, сказала:

– Я признаю, что мой пример неординарен. В настоящее время, таких женщин, как я, немного. Очень жаль, что восемнадцать лет назад я, из романтизма или из наивности, не понимала, насколько важно для женщины быть самостоятельной личностью. Полагала, что любовь должна быть превыше всего остального. И мое время, к сожалению, ушло. Но глядя на тебя,

дочка, я часто вижу себя в юности. Ты впитала мои представления о жизни, – то есть, о неудаче в жизни. Ты не должна идти по моим следам. Это чревато большими неприятными последствиями.

– Что же ты раньше молчала? – неистово вскричала девушка, чувствуя, как в нее все больше просачивался яд сомнений. – Почему ты рассказываешь мне это лишь сейчас?

– Потому, что раньше я боялась тебя ранить. В твоих глазах я оказалась несчастной жертвой обстоятельств, но теперь ты поняла, что я во всем была виновна гораздо больше, чем мой муж. Мне надо было быть другой. Или выйти замуж за другого человека: не карьериста, а семьянина, который бы во всем мне помогал. Но тебя, дочка, заклинаю: не повторяй моей ошибки! Шахар талантлив и честолюбив, и у него уже тысяча планов на будущее. А ты живешь в прекрасных сказках о любви.

Девушка, нервная, взвинченная, ощутила удар ножом прямо в сердце. Слова матери подлили масла в огонь, который развела Лиат. Ей стало страшно.

– Мама, что ты хочешь этим сказать? – спросила она в упор. – Что Шахар бросит меня?

– Упаси Боже, дочка! Я – последний человек, которому бы этого хотелось! Но пойми: все у вас еще впереди, и поэтому не торопись отказываться от твоих интересов ради него, и не веди такую же жизнь, какую вела я при твоём отце.

– Довольно! – завопила Галь, вскакивая на ноги. – Ни слова больше об этом мерзавце! Ты ни в чем не виновата. Я остаюсь при своём мнении, что это он тебя использовал и бросил! Ты – настоящая жена, а он... а он отлично знал, на ком, и для чего женился. Ему нужна была служанка, повариха и кормилица для ребенка. Но, если ты дал клятву перед Богом, будь ей верен! Если ты взял на себя долг по отношению к семье, то изволь его выполнять!

Бедная мать, растерянная и напуганная резким выговором дочери, только пробормотала:

– Лучше бы я не считалась с тобою всю жизнь. Наверно, тогда ты научилась бы рассуждать более зрело.

Внезапный удар потряс обеденный столик. Львица подняла лапу и обрушила ее на предмет домашней мебели. В глазах ее стояли слезы, голос звучал с глубочайшим надрывом:

– Довольно, мама, умоляю! Все позади, ничего не вернуть! Я, быть может, хотела бы принять это предложение, очень хотела бы, но все взвесила и решила иначе... Лиат выносила мне мозг целый день, но я, идиотка, держалась твердо... потому, что вокруг меня и так полным полно завистниц и самых настоящих идиотов. Теперь ты хочешь, чтобы я сошла с ума? Мне жаль, что я сказала тебе правду. По крайней мере, не пришлось бы переживать все это заново!

Лицо девушки покраснело, жилы на лбу вздулись, глаза распухли. Минувший день сломил ее. Она была на взводе. Шимрит, судорожно пытаясь успокоить разволновавшуюся дочь, ласково произнесла:

– Нет, доченька, еще ничего не потеряно! Люби своего друга, но не кичись твоей любовью, не отдавайся ей так слепо, не давай ей связать тебя по всему телу!

– Хватит! – взвизгнула Галь в истерике. – Хватит! Все уже кончено!

И она ушла в комнату, хлопнув дверью. Мать лишь успела прокричать ей вслед:

– Ты хоть ничего не рассказывай Шахару! Слышишь?

Но Галь, закрыв руками уши, уже рыдала на своей разбросанной постели, с ужасной болью вспоминая атакующие убеждения Лиат, неожиданные откровения мамы, и вежливый голос секретарши в модельном агентстве, которая с беспредельным "пониманием" выслушала ее вымученный отказ.

Глава 8. В "подвале"

В центре города, в самом сердце других питейных заведений, в полуподвальном помещении невысокого белокаменного здания, располагался бар-ресторан с бильярдной, ставший самым популярным местом времяпровождения шестерки друзей. Назывался он "Подвал", и неспроста. Не только местоположение, но и интерьер заведения: узкие высокие окошки, светильники в виде факелов, деревянная мебелировка и постоянный полумрак указывали на его уникальность. Небольшая бильярдная способствовала расширению круга посетителей этого места. Любители повеселиться Хен и Шели, неожиданно для себя, еще летом обнаружили его, и, конечно же, привели туда всю компанию.

В хмурый субботний вечер, накануне первой сессии, друзья решили посидеть допоздна в их любимом баре, и договорились встретиться в восемь часов у входа. Обе влюбленные пары и Оded пришли вовремя. В ожидании опаздывавшей Лиат, они стояли во дворике перед «Подвалом», где сырой, колючий ветер дул не слишком сильно, и болтали о самом разном. Когда та появилась с виноватым лицом и запыхавшись от бега, все вместе зашли во внутрь.

Беседа их не прерывалась ни на миг. Шели как раз вспоминала о своем споре с начальником вечерней смены «Подвала» на прошлой неделе, которому пожаловалась на то, что ее обсчитали.

– Я понимаю, всем свойственно ошибаться, – трещала она, грациозно занимая свое место за столом. – Но чтобы при этом еще так вызывающе спорить, когда ошибка налицо? Однако я поставила этого нахала на место!

– Еще немного, и он предложил бы тебе чарку за счет заведения, лишь бы ты его оставила в покое, – заворчал Хен, присаживаясь рядом с ней и закидывая руку на спинку ее сиденья.

– Ревнуешь? – засмеялась Шели. – Как будто бы ты здесь в прошлый раз не заигрывал с той рыженькой официанткой.

– Верно, чтобы коктейль подоспел поскорее.

– Вот и отомсти мне прямо сейчас. Тот коктейль мне понравился.

Хен недоуменно посмотрел на свою подругу, после чего перевел взгляд на бар, и вся шестерка покатила со смеху: за стойкой стояла та самая рыжая официантка. «Подвал» был битком набит, однако, словно отвечая на призыв новых посетителей, она тотчас приблизилась к ним с шестью меню в руках, поваливая аппетитными бедрами, на которые Хен сразу начал пялиться. Приятели сделали свои заказы, причем Оded единственный предпочел вино, а не пиво. Вскоре на столе выстроилась шеренга полулитровых пивных кружек, рядом с которыми его бокал на тонкой ножке выглядел очень хрупко.

Легкий хмель ударил в головы друзьям почти сразу. Усевшись вразвалку, они говорили все громче и громче о предстоящей сессии, школьных сплетнях, нерадивых одноклассниках. Больше всего, конечно, доставалось трем девицам из шпаны: Мейталь, Моран и Тали. Моран недавно рассталась со своим парнем, такой же шантрапой, как она сама, ходившим даже летом в рваных джинсах со свисающими с пояса цепочками.

– Так ей и надо, – хмыкнул Хен. – Гнида, да еще с гонором.

– А по-моему, очень даже симпатичная, – ухмыляясь, возразил ему Шахар.

– Вы, мужчины, всегда оцениваете нас только по внешности! – выпалила Шели, глотая пиво.

– Ну, внешность иногда бывает обманчива, – ответил Шахар, не заметив, как озарилось лицо Лиат. – Ошибаются те, кто судят о человеке только по тому, как он выглядит.

– Ну вот, и я о том же, – подхватила красотка Шели. – Меня не подкупают ее красивые глаза и губки бантиком, потому что она настоящая гнида, как и ее подружка Тали, выкрасившая свой чубчик в синий цвет.

– То же самое ты говорила когда-то о Мие, потому что не могла простить ей своего Дорона, – претензиозно вlepил ее друг, подбоченясь.

– Тебе какое дело до этого? – фыркнула Шели ему в ответ. – Ты-то сам тогда гулял с Сарит. Кстати, что касается Дорона, то я, буквально, подарила его этой кукле, и, между прочим, Мия его и не удержала.

И она самодовольно затянулась сигаретой. Пожалуй, никто кроме нее одной в этот момент не замечал, как Хен, выражая ей свою ревность, всю пyялился на рыжую официантку. Он был такой же глупец, как все мужчины! Но как бы не так!

– А я слышала, что они все три – Моран, Тали и Мейталь – любовницы Наора, – заявила Галь с презрением.

– Ты хочешь сказать, что Наор один со всеми ними спит? – озадаченно спросил Одед.

– Не спит, а трахает, – поправил его Хен. – Собственно говоря, почему бы и нет? Видал их задницы? Впрочем, еще вопрос, кто кого трахает: он их, или они его со своими задницами.

– Какой ты пошлый, Хен! – возмутилась Лиат.

– Ничуть. Хен выражается как обычный мужик, – успокоил приятельницу Шахар, который сегодня явно был в ударе.

Одед зарделся от смущения, словно это изречение Шахара было адресовано именно ему, а тот продолжал рассуждать:

– Если Наор хочет разнообразить свою сексуальную жизнь, а эти три девчонки, если они на самом деле все с ним спят, получают от этого удовольствие, то это их личное дело. Хотя, навряд ли. Моран и Тали больше ходят парой, а Мейталь слишком эгоистична, чтобы ей пришлось с кем-то кого-то делить.

– И тем не менее, этот бездельник Наор в основном с ней и общается, – заметил Одед.

– Правильно, потому, что больше с таким, как он, общаться не будет никто, – сразу встала Шели. – Они с Мейталь – два сапога пара: вредные, заносчивые хулиганы.

– И как их только держат в нашей школе? – как бы между прочим бросила Галь.

– За деньги, – постановил, пожав плечами, Хен, и одним махом сделал несколько глотков.

– Если так, то наша школа потеряла всякие ориентиры, – смущенно произнес Одед. – Ведь она – элитная, а не какая-нибудь.

Наступила непродолжительная пауза. Члены шестерки мельком оглядели друг друга. Все они, в целом, являлись умными, адекватными ребятами из приличных семей, конечно, не чета таким своим соученикам, как Наор Охана, вышедшего из грязи в князи. Не то, что они испытывали к ним ненависть, но ни о каком общем языке между такими, как они, и этой шпаной, невозможно было и думать. И, безусловно, их ужасно раздражали нарушения дисциплины тех воинствующих ничтожеств во время уроков.

– Эх, дружище Одед! – потрепал его по плечу Хен. – Если бы все школы вокруг были еще более принципиальными, чем наша, то в них просто было бы некого обучать.

– Значит, нам пускают пыль в глаза, твердя об элитности нашей школы? – настороженно спросила Галь.

– Об этом надо спросить у Даны, – предложила ей Шели. – А еще лучше, у директрисы.

– Так уж она тебе и скажет, – ухмыльнулась Лиат, как и все, знавшая о жестком характере последней.

– А я ничего ни у кого спрашивать не собираюсь, – спокойно отозвалась Шели. – Все равно, летом мы заканчиваем, и – прощай, школа! И лично мне вполне хватило того, что я от нее получила за все годы.

– И мне, – поддержал ее друг, и оба чокнулись своими кружками.

– Насколько я могу судить, – произнес Шахар, чей ровный голос заставил всех обратить на него внимание, – школа несколько деградировала потому, что таков начался спрос на нее. К сожалению. Хотя, пока что, он еще слишком мал. Но, чтобы не потерять ученика, наша

администрация идет на всякие уступки. Вместе с тем, ей очень важно сохранить свое лицо, и, как правильно заметил Хен, деньги – главное в этом деле. Поэтому, до тех пор, пока в самой школе не произошло ничего противозаконного, нельзя ее вынудить изменить свою политику, будь она тысячу раз лицемерной.

– Откуда у тебя такие сведения, Шахар? – удивилась Лиат.

– Как откуда? Из семьи, – самодовольно ответил тот.

"Ах, ну да", – сразу вспомнили все. – "Адвокатский сынок".

– И что ты сам об этом думаешь? – поинтересовалась Лиат.

– Я? – призадумался Шахар, после чего заговорил с жаром и с убеждением: – Как учащийся школы, я недоволен тем, что происходит. Мне очень не нравится то, что изучение многих предметов происходит на более низком уровне, чем должно было быть, в угоду тем, кто не дотягивает. Мне не нравится присутствие в классе тех, кто являются туда ради галочки. Мне жаль, что я вынужден брать себе бонусы чтоб развиваться, так как текущие школьные работы становятся примитивными для меня. Не знаю, как другие школы, но эта школа должна была всех нас готовить к поступлению в самые серьезные ВУЗы, чтобы общество могло гордиться нами. Вместо этого, она сейчас идет на поводу у тех, для кого важнее быть ремесленниками, а не образованными людьми.

– Шахар, ты высокомерен! – вскричала Лиат, наклонившись к нему через стол.

– Скорее, знаю себе цену, и то, чего именно мне хочется достичь. Поэтому я так придиричив, – широко улыбнулся тот, не заметив, как Галь всю передернуло. – Но это только мое дело и мое убеждение. Что с тобой, солнышко? – обратился он к Галь, которая вся скукожилась рядом с ним.

– Мне холодно, – сказала девушка, и Шахар молниеносно накинул свою куртку ей на плечи.

Распахнувшаяся и тотчас захлопнувшаяся вслед за уходящими посетителями дверь "Подвала" действительно впустила в помещение струю сырого, насыщенного влагой воздуха, а Галь как раз сидела спиной к входу. Правда, над их столом работала газовая батарея в форме факела, но жар ее стал медленно угасать. Однако, девушку пробрал мороз не столько из-за дуновения, сколько от изречения Шахара, ударившего по ней наотмашь.

После того, как Галь отказалась от предложенного ей контракта и узнала семейную историю своих родителей, она очень изменилась. В ее взгляде появилось новое, неприсущее ему раньше выражение недоверчивости. Все, что раньше не имело для нее никакого значения, теперь играло решающую роль в ее настроениях, а именно: что Шахар думает о ней, что он испытывает к ней, как с ней обращается. Галь обреченно ловила каждый его жест, выражение лица и слово. Больше всего ее задевало то, что Шахар не подозревал о произошедшей в ней перемене, и поэтому вел себя непринужденно, оставляя ее без ответа на ее немой вопрос. Девушка сама не знала, чего именно она ожидала от своего друга, но тревога ее все росла и росла, лишая ее покоя и отдыха. Даже привычная посиделка всей компании в "Подвале". превратилась для нее в никому не видимую яростную пытку.

– Что скажешь, Шели? – бросил Хен в качестве ответа Шахару, подмигнув своей подруге. – И не стыдно нам за нашу неученость?

Приятели расхохотались, а та спокойно отозвалась:

– Я скажу, что не все у нас должны становиться академиками. Это было бы скучно.

– А королевами красоты? – ехидно вставила Лиат, послав на Галь беглый и острый взгляд.

– Вот это было бы неплохо! – весело согласилась Шели.

Эти фразы отразились еще одним болезненным уколом в сердце Галь, и она, вся кипя внутри, но стараясь "держать лицо", спросила:

– Как мы дошли до таких тем, начав со сплетен о шпане?

– Как-то дошли, – сказал Шахар. – А что?

Шели и Хен снова рассмеялись, Одед неловко улыбнулся, Лиат лукаво посмотрела на Шахара, потом на Галь. Последняя крепко сжала зубы, чтоб сдержать комок слез, подступивший к горлу. Лучше бы они говорили о футболе или боксе, хотя сама она не смыслила в них ровным счетом ничего. А, быть может, она просто-напросто рехнулась?

Девушка мрачно тянула остатки уже теплого пива. Вид ее не ускользнул бы от прочих, если бы Хен ее не выручил внезапным окриком:

– Черт бы побрал этот обогреватель! Гаснет прямо на глазах. И куда смотрят официанты?

""Факел", висящий на стене, мерцал и чадил, погружая стол шестерки в еще больший полумрак. Шахар, чувствовавший себя королем вечера, поднял руку, подозвал официанта, и попросил его починить обогреватель. Заодно, он с Хеном заказали себе еще пива. Шели предпочла коктейль, Лиат – martini, а Галь от лишнего напитка отказалась. Одед же все еще цедил свое вино.

– Послушайте, – вновь заговорила Лиат, – есть кое-что, что я уже некоторое время хочу вам рассказать о себе. – Ее одутловатое лицо словно засветилось, в глазах заплясали хитрые огоньки. Она выдержала торжественную паузу и произнесла: – У меня появился друг.

С самого начала их посиделки, девушка трепетно ждала момента, когда она преподнесет друзьям свою ошеломляющую новость. Момент был выбран более чем удачно: Галь была уже почти совсем выбита из колеи. Лиат никак не могла забыть их перепалки по поводу модельного контракта, того, как Галь осадила ее утверждением, что она никогда еще никого не любила, и того разочарования, на которое она сама же нарвалась. Заодно, ей хотелось огоршить Одеда, который протянул ей было руку в ту невероятную ночь, но сразу же ее отдернул. Сегодня она неспроста много выпивала и принимала на редкость активное участие в общей беседе.

Вся пятерка ошалело переглянулась, потом все еще раз окинули взглядом Лиат, застывшую в волнительном ожидании, и лишь затем бросились требовать подробного рассказа. Как давно? Кто он? Знают ли они его? Нет, отвечала, краснея, Лиат, он вообще из другого города. Зовут его Томер, он в этом году окончил школу, ждет мобилизации, а познакомились они случайно. Вот, в общем, все.

– Думаешь, ты ограничишься этим? – воскликнула Шели. – Нет, милая! А ну, давай-ка, все выкладывай!

– Но мне, действительно, нечего рассказать еще, – сказала Лиат с натянутой улыбкой. – Ну, на прошлой неделе мы уезжали с родителями по делам...

– В тот город? – уточнила Шели.

– Да.

– По каким делам? Ты ничего не говорила мне, – удивилась Галь по праву лучшей подруги.

– По семейным, – развеяла ее сомнения та. – В общем, на обратном пути мы перекусывали в там в центре. Я отошла купить себе кока колу. А за прилавком стоял он. Заканчивал свою смену. Мы разговорились, обменялись телефонами.

– Как он выглядит? – продолжала любопытствовать Шели.

Девушка описала неожиданно появившегося у нее ухажера как высокого шатена со светлыми глазами, смуглой кожей и белозубой улыбкой. Судя по ее рассказу, можно было поверить в то, что этот Томер ей в самом деле понравился.

Одеду стало неприятно ее слушать. Он вспоминал, как эта коротышка осаждала его в скверу, все то, что она наговорила ему, их робкий поцелуй и ее огорчение, когда он вернул себе сданные было позиции. Тогда перед ним предстала одинокая, хрупкая душа, упорно искавшая в нем поддержки и союзничества. А теперь? Неужели Лиат говорила им правду?

Выбросив свои кости, Лиат сделала паузу и внимательно оглядела лица товарищей. "Так вы не рады за меня?" – как будто вопрошал ее выжидающий взгляд. Как же нет! Все пожелали ей удачи. Одна-единственная Галь, у которой рассказ подруги вызвал смешанные чувства,

спросила ее в качестве проверки, куда же подевалось ее свободолюбие, за которое она всегда так ратовала.

– Тебе-то что? – грубовато парировала та. – Да, я готова пересмотреть мои принципы ради понравившегося мне парня. Только почему это тебя задевает?

– Меня? – вспыхнула Галь, приложив руку к своей груди. – Меня это совсем не задевает. Выпалив это, она склонилась к Шахару, чтобы спрятать лицо у него на плече.

– А вы встречались с тех пор? – отвлекла подруг от конфликтного момента Шели.

– Нет, – заверила их Лиат. – Томер, как я сказала, работает. Копит деньги перед армией. Своей машины у него нет. Чтоб увидиться друг с другом, нам придется добираться на автобусах. Но ничего! Главное, чтобы было на то желание. А оно, по всей видимости, есть. Томер часто мне звонит, мы много общаемся. Я рассказала ему о вас, – слащаво завершила она свой монолог, подмигнув приятелям.

– Надеемся, только хорошее?

– Только самое лучшее, – подтвердила Лиат.

– Ты права, – неожиданно для самой девушки воскликнул Шахар, выражая ей поддержку. – Желание встречаться должно быть главным, а транспорт является уже вторичным делом.

Галь вспыхнула от новой досады. Желание... да, именно оно было главным определяющим в отношениях любящих. О, если бы Шахар постоянно подтверждал ей свое желание быть вместе!

– Знаешь, Лиат, – уверенно произнес Хен, – я – человек компанейский, но должен заметить, что если бы мои друзья узнали об этом обстоятельстве, то они вели бы себя с тобой иначе. Например, Эрез не протолкнулся бы вчера по-хамски перед твоим носом в компьютерную лабораторию. А Керен, хоть она и девчонка, наверное, не повернулась бы к тебе спиной в ответ на просьбу занять тебе очередь в киоске.

Лиат взглянула на приятеля с бесконечной благодарностью, но сконфуженно напомнила, что Томер, к сожалению, живет далеко, и он не смог бы заступиться за нее.

– Это не важно, – ответил Хен. – Сам факт того, что у тебя есть парень, изменил бы многое. Это я, как мужчина, тебе говорю.

– Не понимаю, – задумчиво сказал Одед, до сих пор безмолвно прислушивавшийся к беседе, – почему наличие друга или подруги предписывает окружающим, что тебя надо уважать, а их отсутствие – нет? Разве одинокий парень или девушка сами по себе ничего не значат, и за это их можно пинать ногами?

– Я объясню, – сказала Шели. – Дело в том, Одед, что все мы переживаем сейчас такой возраст, когда важно быть принятым в обществе. А оно не терпит отстающих, или, скажем так, непопулярных. Популярны – это те, у кого есть широкий круг друзей, постоянный парень или девушка, причем, такие, которые видны всем. Если ты сам таковым не являешься, но зато общаешься с кем-то популярным, то статус твоего друга как бы определяет и твой статус. Все это ужасно несправедливо, но от этого, увы, никуда не деться, – заключила она со вздохом. – Вот сравни, как в нашем классе относятся ко мне и к Галь, и как к Офире Ривлин, хотя она такая симпатяшка!

""Она права", – с горечью подумала Лиат. Кому, как не ей, это было известно! Ну, что ж! Сцена была захвачена, аплодисменты сорваны, речь ее звучала откровенно. Теперь она сама поглядит на то, как ее новый статус повлияет на отношение к ней соучеников, всегда смотревших на нее свысока.

– Лично меня, – нарочито громко сказала Галь, кутаясь в куртку Шахара, – в данную минуту интересуется не мой статус, а здешнее отопление. Этот обогреватель ни на что не годен, хоть чини его, хоть не чини. Умираю от холода.

"Факел" оказался явно неисправным. Несмотря на то, что его только что подправили, он, все же, выдохся. Тогда Шахар внес предложение погреться за партией в бильярд. Хен тотчас принял его предложение. Одед и три девушки не играли, но выразили желание поболеть за игроков. Они разделились на пары: Шели и Одед – за Хена, а Лиат и Галь – за Шахара. Заодно, Шели пристала к своему другу с просьбой научить игре в бильярд, и тот пообещал ей сделать это в другой раз, когда они придут в «Подвал» вдвоем.

В бильярдной было очень многолюдно и прокурено. Единственный свободный стол находился в самом дальнем уголке. Хен тоже закурил, морально готовясь к партии с таким соперником, как Шахар, пока тот принимал шары, и сделал легкую разминку с кием в руках. Затем, товарищи пожали друг другу руки и начали.

Шахар самозабвенно отдался игре. У него были твердая рука, точный глазомер, хладнокровие и внимательность. Все это давало ему преимущества перед Хеном, надеющимся победить при помощи мощных ударов кия по шарам. Иногда они попадали в лунки, но чаще прокатывались мимо. Поэтому, Шахар довольно быстро вышел победителем в первом их тайме, и с гордостью оглянулся на свою группу поддержки.

Галь, хоть и поцеловала его с обычным жаром, на самом деле, полностью отсутствовала. Она прокручивала в голове все сегодняшние реплики своего любимого и реплики других, и томилась в своем подвешенном состоянии. За соседним столом, наравне с несколькими рослыми парнями, играла молодая женщина, высокая, с великолепной фигурой. Галь иногда посматривала на эту женщину, и пыталась представить, как чувствовала бы она себя на ее месте. Наверно, такой женщине все эти навязчивые мысли были бы ни к чему.

Девушке становилось нехорошо в душном и шумном бильярдном зале, но требовать от Шахара прекратить партию она не могла. Она попросила Лиат купить ей минеральную воду, и заметила, что в короткое отсутствие той ей стало немного легче.

Во втором тайме Шахар победил с той же легкостью. Шели, стоявшая с другой стороны стола, вопила от досады за Хена, и, шутя, грозила Шахару кулачками. А тот, спокойно улыбаясь, пожимал руку Хена и указывал ему на его промахи. И, когда они начали третий тайм, Хен, выругавшись на чем свет стоит, бескомпромиссно решил взять реванш. Затушив сигарету и снова поколдовав над кием, он призвал себя к большей сосредоточенности и методичности. Но у него и на сей раз ничего не вышло, хотя он старался, как мог. Этот вечер всецело принадлежал Шахару, который, машинально обняв свою подругу, произнес, оборачиваясь к Хену:

- Ты на верном пути, но тебе надо еще тренироваться. Если хочешь, продолжим.
- Давай! – воодушевился Хен, и принялся быстро собирать и расставлять шары.
- Нет, Шахар, только не сейчас! – внезапно вмешалась Галь. – Пойдем отсюда.
- В чем дело, солнце? – удивился парень.
- Мне стало плохо, – прохрипела она, прижав к горлу руку.
- Плохо? – встревожился юноша, отставляя кий. – Почему? Что случилось?
- Не знаю, – глухо ответила девушка, – но мне хочется выйти.

Нервы и накопившееся за весь вечер ее раздражение на Шахара и на всю компанию дало о себе знать. Больше всего в этот момент ей хотелось поскорей остаться наедине со своим любимым и ощутить его ласку и нежность. Прочь отсюда как можно скорее, молила про себя Галь, и увести с собою Шахара, чтоб начиная с этой минуты он принадлежал только ей одной!

– Да, конечно, пойдем скорей, – пробормотал тот, замечая ее бледность. Он виновато кивнул друзьям, порывавшимся двинуться за ними, и быстро увел Галь, прижимая ее к себе.

Раздосадованная Лиат посмотрела им вслед, и вдруг в груди ее как будто что-то оборвалось. "Я так и знала, что у них что-то не в порядке. Она на удивление рано заспешила отсюда, и весь вечер была как дохлая", – пронеслось в ее голове. При этой мысли ее колени мелко задрожали и сердце неистово заколотилось о ребра.

Двор «Подвала» был весь в лужах от прошедшего дождя, ветер утомился. Там Галь немного отдышалась и выпила всю бутылку с водой, принесенной ей Лиат. Все это время, Шахар поддерживал свою девушку, поглаживал ее по спине и озабоченно следил за ее состоянием. Потом он принялся тщательно вытирать мотоцикл, прежде чем усадить на него недомаговшую подругу. Протягивая ей каску, он ласково прикоснулся к ее лицу и заглянул в ее покрасневшие глаза.

– Моя милая, моя сладкая девочка, что с тобой? – спросил он с такою мягкостью, что у Галь сразу потеплело на душе.

– "Наконец-то!" – вздохнула она про себя с облегчением. – "Он – мой, как и прежде, любящий и пушистый. Нет, право, я сошла с ума, чтоб так терзаться из-за всяких глупостей!"

– Ничего, дорогой, просто немного стошнило, – отозвалась она, трепетно обвивая руками его шею. – Там было ужасно накурено, душно и противно. Сейчас пройдет.

– Ты права. Зря я не подумал об этом раньше, – обескураженно протянул парень.

Они постояли несколько минут в обнимку у мотоцикла. Шахар легонько прикоснулся губами к макушке своей подруги, проводил ладонью по ее волосам, дарил ей свою нежность. Потом он, обратившись к ней, сказал:

– Я отвезу тебя домой, мы выпьем горячего чая, и ты сразу ляжешь спать.

– Оставайся со мной этой ночью, – робко попросила Галь. – Мама не будет на нас злиться, – добавила она с улыбкой.

– Нет, солнце, в другой раз. Я тоже очень утомился, перевозбудился от выпитого и от игры, и должен выспаться.

Нет, пожалуй, сегодняшний вечер был словно создан для того, чтоб доставлять Галь сплошные огорчения! Она собиралась поговорить с другом с глазу на глаз в спокойной обстановке, однако, по всей видимости, ей придется отложить их разговор на неопределенный срок. "Может, это и к лучшему", – убеждала она себя. – "Нечего ему еще знать всю правду. А вдруг ему так и не придется ее узнать? Пронесет ли?" Возможно, она перегибала палку, однако ни в чем себя не обманывала. Эта компанейская пьянка в «Подвале» оставила в ее душе недобрый след, и что-то подсказывало, что это было лишь только начало.

* * *

– Галь!.. Подожди!..

Услышав, что ее зовут, Галь замедлила шаги и обернулась. Одед Гоэль спешил за ней, и догнал в грязном, в опавшей хвое и с мокрой землей скверу у школы. Девушка удивилась. Что ему понадобилось от нее именно сейчас, в конце учебного дня? Оказалось, он хотел поговорить с ней. Галь согласилась, но натянуто и безучастно.

Сегодня началась сессия. Их первый в этом году экзамен по английскому был уже в восемь утра. Но до этого, Галь промаялась всю ночь, будучи не в силах стереть из памяти вчерашние реплики Шахара в «Подвале». Ей никак не удалось сосредоточиться на экзамене, и, в конечном счете, она сдала его форму заполненной кое-как, что вселило в нее еще большую неуверенность в себе и в том, чего она в жизни стоила. Наверно, она выглядела безнадежно никчемной рядом с отличниками Лиат и Шахаром.

Но экзамен оказался только прелюдией к этому мучительному дню, ибо Лиат прилипла к ней, как банный лист, и все время болтала с ней о своем Томере. Не то, что за короткую ночь между ней и ее новым другом что-то изменилось, просто у Лиат вдруг возникла острая необходимость проконсультироваться у Галь обо всем, что касалось секса. Она усердно расспрашивала Галь как «это» происходит у них с Шахаром, когда они чаще всего занимаются «этим», что она при этом испытывает. Попросила Галь вспомнить их первый раз. Да, ей нужно

было это знать, потому что ей ужасно не хотелось выглядеть перед таким красавчиком, как Томер, неумехой и невежей.

В любое другое время любопытство подруги детства развязало бы Галь язык, однако на сей раз их девчоночий треп вызвал у нее боль и неловкость. Накануне ее сердцу была нанесена глубокая рана, и Лиат, своей тупой навязчивостью, бередила ее. Впервые в жизни Галь вовсе не желала посвящать ее в интимные подробности своей личной жизни. Чутье подсказывало ей, что в ней испортилось что-то очень существенное, хоть и неопределенное, и осязаемое только ею одной. Шахара же, как назло, утащили от нее мальчишки. А ведь ей так хотелось побыть с ним сегодня подольше! Галь уповала, что горячее ее желание осуществится по окончании учебного дня, и ждала его с нетерпением.

Однако, и тогда ее постигло разочарование. Шахар, довольный экзаменом, бодрый и полный сил, собирался допоздна засесть в библиотеке со своим чертовым эссе. Он пообещал позвонить вечером, чем совершенно обескуражил бедную девушку. Она было почти сорвалась, но, скрепя сердце, взяла себя в руки.

– Успеха тебе в работе, Шахар! – воскликнула вездесущая Лиат, не отлипавшая от подруги. Когда Шахар ушел, она обратилась к ней с проникновенным вопросом: – С тобой все в порядке, Галь? У вас все в порядке?

– В полнейшем, – сухо подтвердила та.

– Поехали ко мне, – как ни в чем ни бывало предложила Лиат. – Поедим и поучимся вместе.

Но Галь, и без того порядком утомленная ею, отклонила предложение под благовидным предлогом. Она попрощалась с подругой в школе и отправилась на небольшую прогулку, чтобы успокоить бушевавшие в ней настроения и мысли. Одед догнал ее тогда, когда она дошла до скверика и собралась провести там некоторое время в одиночестве.

Молодой человек ощущал себя скованно. Он видел, что его любимая была вся на нервах, и что он подкатился к ней не вовремя. Тем не менее, боясь выглядеть нелепо, он заговорил с ней. Но беседа никак не клеилась.

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо поинтересовался Одед. – Вчера тебе нездоровилось.

– Спасибо, лучше, – глухо бросила она.

– В "Подвале" было очень неудобно и прокурено. Там, где мы сидели, батарея гасла прямо на глазах, со входной двери дуло, а в бильярдной, наоборот, стояла жара. Если бы я знал об этом, оделся бы иначе. А сегодня погода лучше! – произнес он, погладив влажную кору сосны, отпавшую в нескольких местах.

Галь ответила равнодушным кивком и шлепнулась на сырую скамейку. Одед не посмел сесть.

Это была та самая скамейка, на которой они все вместе фотографировались, та, на которой он, несчастный, целовал Лиат. Он остановился рядом, облокотившись о ствол сосны.

– Все-таки, мы хорошо посидели, я получил удовольствие, – вымученно произнес он и издал тихий смех. – Помнишь, как забавно выглядел Хен, когда колдовал над кием?

– Я не обратила внимание, – фыркнула Галь, ломая поднятую с земли шишку.

– Жаль! Жаль, что то колдовство ему не помогло. Видимо, тут все дело в технике, которая у Шахара здорово отработана. А Хен поверхностен во всем, в том числе в играх.

– Наверно, – все так же безучастно протянула Галь.

– А где Шахар сейчас?

Только этого вопроса не доставало сейчас ожесточенной девушке! Этот лох был бы ей как раз подходящим мальчиком для битья, но она снова сдержалась и лишь процедила сквозь зубы, что Шахар корпит в библиотеке над своим эссе. И – нарвалась. В упоминании о чертовом эссе Одед узрел удачный повод сменить тему разговора.

– А ты знаешь, – выпалил он, – я тоже хотел взяться за такое эссе, но не по гражданскому праву, а литературе, и даже начал собирать материалы. Но потом, – добавил он, грустнее, – отказался от этой затеи.

Это было правдой. Оded, как и Шахар, сперва загорелся возможностью получить бонус, и даже советовался с Даной о будущей теме. Но его энтузиазм пропал очень быстро. Дело в том, что Одеду был принципиально важнее не сам бонус, а возможность помериться силами со своим соперником в той области, что давалась ему легко. Но потом, остыв, он рассудил, что это, увы, не изменит отношения Галь к нему, а браться за столь кропотливый труд ради себя ему было ни к чему, особенно в разгар сессии. Так что, сославшись на экзамены, молодой человек отказался от бонуса, а стало быть, и от соревнования с Шахаром.

– А почему? – спросила девушка, поднимая на него свои холодные глаза.

– Потому, что это была бы для меня просто трата времени. Тем более сейчас, когда начались экзамены. Дана, правда, огорчилась, даже попыталась вдохновить меня. Но, по-моему, ей просто нужны были заинтересованные ученики кроме Шахара.

– Шахар всегда знает, что делает, – вырвалось у Галь вопреки ее воле.

– Лично я уважаю его за это, – поддержал ее Оded, и ему пришлось сразу же пожалеть о своих словах судя по тому, как перекошилось лицо девушки.

Обычно она была готова перегрызть глотку каждому недоумку, кто проявил бы неуважение к ее ненаглядному «супермену», но сейчас ей стало больно вдвойне. Закончив расправиться с шишкой, она принялась за упавшую ветку.

Горько раздосадованный, Оded, не зная, куда ему деваться, спросил ее тогда о том, как прошел экзамен по английскому.

– Это был кошмар, – сквозь зубы процедила Галь. – По-моему, я все забыла, и написала черт те что.

– Не беда! – попытался ободрить ее парень. – Это был только первый экзамен. Всего каких-то десять процентов от годовой оценки. И он, на самом деле, был заковыристым. Знаешь, я слышал, что Керен и Наама умудрились притащить на него шпаргалки, но вот только не осмелились вытащить их. Видишь, не ты единственная! Но ты ведь хорошая ученица, у тебя никогда не бывало плохих оценок. Успокойся, позанимаешься, и...

– Я спокойна! – взревела Галь, теряя самообладание и в бешенстве вскочив со скамейки. – И я занималась к нему! Откуда я могла знать, что школа уготовит нам такую головоломку? Как будто в жизни нет проблем намного более сложных, чем эти дурацкие формы с кучей вопросов, на которые нужно дать ответы! Я бы сгребла всех их в кучу и сожгла. – Вместо экзаменационных форм она отшвырнула со злостью свой полный ранец. – Мне плевать на мою будущую оценку.

– Галь, что с тобою? – отстранившись, пролепетал изумленный Оded. – Ты в порядке?

Галь схватилась за пряди волос у висков и дернула их с силой в попытке успокоиться. Она понимала, что вышла за рамки. Зато скопившиеся в ней досада, боль и гнев утихли. Когда она, спустя минуту, посмотрела на товарища, на лице ее была бесконечная неловкость. Бедняга Оded! Попался ей под горячую руку, и принял на себя удар, предназначенный Шахару, да еще поднял и отряхнул от липкой земли ее ранец! Стыд какой!

– Оded, прости! – виновато воскликнула она. – Я не хотела. Это я сорвалась от нервов. – В порыве раскаянья она обняла товарища за плечи и спросила: – Ты обиделся на меня?

Молодой человек, ощутив на себе руки любимой девушки, чуть не лишился дара речи.

– Нет-нет, все в порядке, – еле выговорил он и поспешил добавить: – Не огорчайся так из-за этого текущего экзамена! Он не стоит того. Ты сама все правильно сказала: в жизни есть вещи намного сложнее.

Галь прилась по душе его «понятливость», и она немного смягчилась к нему.

– Садись рядом, – живо предложила она, поведя головой в сторону скамейки.

Но юноша все же остался стоять, не отдаляясь от сосны. Близость этой девушки, их уединение, сводили его с ума. Переживая свою нелепость, он как сквозь сон услышал вопрос приятельницы, заданный скорей из вежливости, чем из подлинного интереса:

– Чем вы занимались вчера в "Подвале". после того, как мы с Шахаром ушли?

– Мы... Я ушел сразу следом за вами. И Лиат тоже. А вот Шели и Хен задержались, потому, что Шели захотела тогда же научиться играть в бильярд. И Хен, конечно, стал ее обучать, хоть и сам не асс, как мы все убедились, – подчеркнул Оded с улыбкой.

– Значит, вы с Лиат ушли вместе? – уточнила Галь.

– Нет, не вместе, но одновременно. Хотя, я немного проводил ее до остановки.

Вдруг Оded порывисто сел рядом с ней на сырую, запачканную хвоей скамейку, и пристально взглянул в ее лицо.

– Галь, пожалуйста, скажи мне правду: что ты думаешь об этом ее Томере? Верить ли ты ее рассказу? – забормотал он, охваченный волнением.

Доверчивого, незлобивого молодого человека конкретно измучил этот вопрос. Он ничего не имел против увлечения Лиат, но оно никак не увязывалось у него с их еще не остывшим на его губах наигранным поцелуем в этом же самом месте, и со всем тем, что Лиат говорила ему тогда. Ему очень хотелось надеяться, что она ткнула в лицо всей компании своим новоиспеченным другом не назло ему. Мало того, что сам такой поворот событий был слишком резок, так еще он вызывал у незадачливого юноши разочарование в порядочности этой девушки и досаду на свою собственную нерасторопность.

Галь не сразу нашлась, что ответить. Ей бы и в голову не пришло заподозрить свою подругу в нечестности, особенно в виду всех своих собственных переживаний.

– А почему я должна ей не верить? – недоуменно произнесла девушка. – Разве Лиат чем-то хуже других и не может встречаться с парнем?

– Да встречаются ли они вообще? – прыснул Оded. – Посуди сама: этот Томер возник словно по волшебству, из ниоткуда, живет, исходя из ее слов, не близко, и скоро уходит в армию. Тебя не удивляет количество накладок?

– Меня удивляет твоя озабоченность этой историей, – твердо ответила Галь, выпрямляясь. – Может, ты просто ревнуешь Лиат?

Оded побагровел и до боли сжал заложенные в карманы руки.

– Нисколько, – проговорил он, пытаясь скрыть свое смущение.

– А я тебе не очень верю, – на полном серьезе заметила девушка. – Насколько я вижу, вы часто разгуливаете вдвоем. Вы оба пропали где-то во время вечеринки и вернулись вместе. Ты, то и дело, провожаешь ее на автобус...

– Это... вежливость, привитая воспитанием, – отнекался Оded, как мог.

– А если бы не вежливость, то разве не провожал бы? – захохотала Галь, но смех ее звучал надрывно. Недобрый смех.

Юноше стало не по себе от реакции той, что была ему дороже всех на свете. Он понимал, что со стороны его отрицание выглядело неубедительным, но предпочитал, чтоб Галь подумала, что он ревнует именно Лиат, а не ее.

– Галь, я просто спросил твоего мнения, и ты могла бы коротко и внятно ответить «да» или «нет», а не высмеивать меня. Зачем высмеивать меня? Честное слово, я здесь ни при чем, – кротко сказал он, не встречаясь с ней глазами.

– Я тебе и ответила «да», – логично отозвалась Галь, стараясь сохранять спокойствие. – Да, я верю Лиат. Или мне, вроде тебя, необходимо забивать себе голову ерундой, подозревать ее и уличать во лжи? Даже не думай!

Продолжать настаивать было бессмысленно. В грубости Галь Лахав сквозило безоговорочное доверие к изворотливой коротышке, а также пресечение всех его попыток сблизиться.

– Тебе видней, – покорно отозвался юноша. – Хотя у меня другое предчувствие на этот счет.

– Это все – твои неоправданные домыслы, – пожала плечами Галь.

Некоторое время оба молчали. В небесной выси, между низких облаков, летело, то появляясь, то вновь исчезая, словно лукаво наблюдая за ними, неверное и тусклое солнечное око. Понурий Одед отбрасывал ногой круживший по ветру пыльный рваный кулек, а Галь, подняв другую шишку, потрошила теперь ее. Все, чего им сейчас не хватало, это неожиданных, голодных, не оставляющих места никаким сомнениям любовных объятий. Одед, представивши себе эту картину, почувствовал, что он был просто обязан это сделать. Выход для него был один: здесь же, не откладывая, рассказать этой хмурой девушке об его чувствах к ней, и не дать ей уйти от его рук и губ. Но страх отвержения и его вечная застенчивость воспрепятствовали ему. Тем паче, что Галь, решив быть доброй, вдруг обратилась к нему со словами:

– Если так подумать, этот Томер и вправду ненадежный вариант для нашей общей подруги. Ей нужен кто-то более близкий и проверенный. Одед, давай я с ней поговорю насчет тебя!

Тут Одед и вовсе пришел в ужас. Ему только этого не доставало, после той злополучной ночи! Он моментально отказался.

– Вы оба ничего не потеряете, – упорствовала Галь. – Мне кажется, вы вполне подходите друг другу, знаете друг друга очень давно, и всем нам станет лишь приятней от этого.

– Не надо! – замотал головой парень. – Я нисколько не ревную Лиат, я желаю ей успехов в личной жизни, и, если хочешь, можем поговорить о чем-нибудь другом.

– Нет, Одед, я, пожалуй, поеду домой, – отрезала Галь, резко поднимаясь и надевая ранец. – До завтра!

Бедняга Одед ощутил необъятную пустоту в груди. Вот, так всегда. Редчайшая возможность подольше пообщаться с любимой наедине и теперь завершилась провалом. Он тоже вскопчил.

– Нам по пути, – затараторил он. – У меня есть маленькое дельце в твоём районе.

Галь с изумленьем уставилась на товарища.

– Какое? – воскликнула она.

– Родители попросили меня...

– Но о чем?

– Так... не важно. Но я мог бы проводить тебя до дому.

– Это тоже из вежливости? – подколола она его.

Одед не нашелся, что ответить, а лишь улыбнулся в растерянности. Галь еще совсем немного потопталась рядом, а затем твердо произнесла:

– Сегодня я хочу побыть одной. Мне нужно о многом подумать.

Она рывком подправила сползающий с ее плеч ранец, подмигнула товарищу и стремительным шагом ушла к остановке.

Одед печально глядел на ее отдаляющуюся фигуру, и лишний раз сознавал, что, к сожалению, с нею ему нечего было и мечтать о чем-то большем, кроме таких приятельских разговоров, столь же томительных и бесполезных, как и его безответная страсть.

Глава 9. Ссора

Прошла неделя. Весь класс, тем или иным образом, уже был в курсе романтического увлечения Лиат. Незаинтересованным эта новость не оставила никого, но и не принесла Лиат той популярности, на какую она рассчитывала. Другие соученицы важно приподнимали бровь, когда девушка касалась при них этой темы, и лениво желали ей удачи, после чего каждая уходила к своим знакомым и по своим делам. Только Лирон, в которой все еще бурлила обида на бросившего ее Рана Декеля, проявляла трудно скрываемую зависть. В то же время милашка Офира, которую Шели привела в пример в «Подвале» как незанятую непопулярную девчонку, демонстрировала благодушное спокойствие.

Неспокойными были лишь два человека: Овед, – в глубине души, – и Галь. За короткую неделю, Лиат настолько надоела ей со своими описаниями красавца Томера и своими навязчивыми разговорами о сексе, что Галь свела их вымученные откровения на нет.

– Почему ты расспрашиваешь о сексе только меня? – недоумевала она в минуты уединения с подругой. – Попробуй расспроси Шели.

– Шели вечно в бегах, – отвечала задетая Лиат. – А чем это тебе не нравится?

– Просто мы уже и так обо всем поговорили. Чего больше? До тех пор, пока ты не пройдешь через это сама, ты ничего не узнаешь.

– Ладно, буду терзать Томера, – отшучивалась Лиат, и неизменно интересовалась, как шли дела у Шахара.

А тот, пожалуй, не замечал ничего вокруг, всецело отдаваясь эссе. Работая над ним без усталости, он, буквально, переселился в библиотеку. Даже вечерами его было теперь не достать. Лишь один раз он уступил уговорам Галь и сходил с ней в дискотеку, пообещав ей, что как только закончит эссе станет вновь уделять ей больше внимания. Но Галь, почему-то, слабо верила заверениям друга. Она замечала, как поток честолюбия день ото дня уносил его все дальше и дальше от нее, и понимала, что это – только начало. Настроение ее стало раздражительным, капризным. Теперь она использовала каждую возможность побыть вместе с Шахаром. Когда Дана назначила ему встречу по поводу его эссе после уроков в четверг, она, движимая неуправляемым импульсом, пожелала тоже на ней присутствовать.

– Только пообещай, что не будешь мешать и вступать в разговор, – попросил ее Шахар.

– Хорошо, я буду сидеть тихо, – согласилась девушка.

Классная руководительница, любившая эту пару, не воспротивилась присутствию ученицы. Она радушно поприветствовала их в учительской, спросила о том и сем, и перешла к предмету разговора.

– Я прочла черновик твоего эссе, Шахар, и вот что я тебе скажу, – начала она издали. – С точки зрения использованных тобой источников и языка, ты выходишь на академический уровень. Откуда у тебя такие материалы?

В списках библиографии, употребленной Шахаром, были статьи и очерки известных юристов и общественных деятелей в стране, выписки из разных судебных дел, сноски на статьи законов гражданского правового кодекса. Не каждый школьник мог осилить информацию такого рода.

– В основном, их предоставили мне родители, – смущенно признался юноша. – А еще я пользовался домашней и школьной библиотеками.

– Твои родители, без сомнения, очень много занимаются тобой, – понимающе кивнула Дана, – но и многого от тебя ожидают. У меня сложилось впечатление, что ты стремишься дотянуться как минимум до студентов второго курса юрфака. Отчасти тебе это удастся. Ты очень грамотен, глубок в своих рассуждениях, основателен и не колеблешься проявлять свои

знания. Видно, что у тебя есть хорошая база. Ты целеустремлен и ответственен. В моих глазах, это делает тебе честь. В целом, чисто по человечески, – bravo!

Юноша просиял.

– Однако есть одно существенное замечание, затрагивающее все эссе от начала до конца, – продолжала педагог. – Ты в говоришь в тексте обо всем и ни о чем одновременно. Тема у тебя одна, но получается, что она как бы разбивается на множество разных мелких тем. Таким образом, неясно, как у тебя главы взаимосвязанны, как прежнее твое утверждение вяжется с последующим. И потом, ты настолько... ультимативен, я бы сказала, как может быть ультимативен только очень известный автор.

– А как все это может повлиять на результат? – спросил встревоженный Шахар.

– Сумбур и непоследовательность лишают работу единого стержня. Если бы ты взял на себя чуть поменьше, то, на мой взгляд, сумел бы этого избежать. То, что запутало тебя, это, так сказать, грандиозность планов. Разве сам ты не ощущаешь этого, Шахар?

Наступила пауза. Молодой человек напряженно думал, что ответить и как ему быть теперь. Он столько всего вложил в те пятнадцать страниц, что переписывать их начисто ему совершенно не хотелось. Но он привык во всем идти до конца.

В то же время Галь, безмолвно сидевшая рядом, почувствовала, как голова ее пошла кругом. Она надеялась, что Дана запросто даст Шахару свое добро и все быстро закончится. А вместо этого дело лишь усложнялось. То, чего Галь втайне опасалась, находило свое подтверждение в словах учительницы. Петля на ее шее затягивалась.

А Шахар, подумав, со вздохом ответил:

– Признаюсь, не очень. Я был убежден, что делаю все наилучшим образом. И... мне хочется проявить себя.

Дана Лев хмыкнула и потянула свой кофе. Обычно школьники при написании таких работ не утруждали себя глубокомыслием. Чаще всего они приводили целые перефразированные абзацы из трудов других авторов и придерживались одной, узкой направленности. Дана, имеющая с чем сравнить эссе своего ученика, не хотела наказывать его за допущенные им вольности, но должна была наставить его впрок.

– Постарайся определить для себя один, максимум два самых важных для тебя аспекта из всего написанного и проработай эссе заново согласно моим примечаниям, – произнесла она с доброжелательной улыбкой. – И, мой тебе совет: отнесись к нему как к всего лишь твоему первому опыту. Ты слишком умен, – предупредительно продолжила она. – Твоя голова работает лучше, чем головы многих твоих сверстников. Но твое время пока еще не пришло, и поэтому – не спеши.

И она протянула ему черновик, который парень взял с неловким чувством.

– На какой балл я мог бы рассчитывать на данный момент? – спросил он, пролистывая его.

– Об этом пока еще рано говорить, – взвешенно раздалось в ответ. – Но, если ты сделаешь все так, как я тебе рекомендую, то балл может быть высокий.

– Сколько у меня времени?

– До зимних каникул.

– Спасибо, Дана! – благодарно молвил Шахар, немного воспрявший духом. – Я сделаю все, что смогу.

– Ну, хорошо, – весело сказала учительница, поднимаясь, и давая этим понять, что встреча окончена. Но сразу же спохватилась: – Поскольку вы оба здесь, – обратилась она к своим любимцам, – то я уже отдам вам в руки ваши проверенные экзамены. Ваша учительница английского Михаэла заболела, но успела передать мне все формы. Остальные получают свои результаты завтра.

С этими словами она достала из сумки стопку перетянутых резинкой форм, быстро перебрала их и вручила Галь и Шахару те, на которых были выведены их имена.

Девушка с колебанием приоткрыла свою форму и в изумлении уставилась на оценку, не зная, радоваться или огорчаться. Семьдесят пять. Радоваться ей пристало хотя бы от того, что она не провалила экзамен. В то же время, она так и не выжала из себя все, на что была способна, по понятным ей причинам. Шахар же, впервые с начала встречи, остался довольным своим девяното. "Как обычно", подумала Галь, и демонстративно чмокнула его в щеку.

Дана Лев молча понаблюдала за ними и произнесла:

– На этот раз средний балл класса был ниже обычного.

– Потому, что вы задали нам не экзамен, а ребус какой-то! – не думая, воскликнула Галь.

– Почему же, – возразил Шахар. – Вот, у меня все получилось.

"У тебя всегда все получается", – чуть не сорвалось с губ его раздосадованной подруги.

– Возможно, он оказался сложным, – согласилась учительница, – но те, кто отнеслись к нему серьезно, сумели успешно его пройти. Галь, – дотронулась она до плеча ученицы, – если у тебя возникли кое-какие проблемы с английским, можешь обратиться к Михаэле, когда она поправится.

Но девушка ни к кому не собиралась обращаться. Этот тест и все, что было с ним связано, были ее собственным фиаско. Для отвода глаз она пообещала подумать.

Видя ее замешательство и желая разрядить обстановку, Дана сказала:

– Я видела твой новый коллаж на доске. Такая тонкая, филигранная работа! Насколько я поняла, на нем изображены две хищных птицы на красном фоне, не так ли? Одна сидит, сложа крылья, другая – летает, и та, что сидит, смотрит на ту, что летает. Я угадала?

– Та, что сидит, – пояснила Галь, – это раненая орлица, а вторая – орел. Орлица ловит его взглядом. Я выложила место ранения на ее крыле черными буквами.

– Ага, поэтому коллаж такой броский от обилия красного, – понимающе кивнула педагог и мельком пронзительно взглянула на Шахара. – Это – кровь.

– Да, это кровь, – подтвердила Галь. – Орлица не может взлететь, и умирает в одиночестве.

Ну и образы же у двенадцатиклассницы! Ну и полет фантазии! Шахар недоуменно посмотрел в упор на свою подругу, и в конце концов назвал ее сумасшедшей выдумщицей.

– А что, очень оригинально, – снисходительно улыбнулась Дана. – Неплохая идея и хорошее выполнение. Мне понравилось.

Галь хотела еще что-то добавить, но Шахар ее перебил.

– Мы, пожалуй, уже поедem, – сказал он за себя и за девушку. – Нам пора. Дана, спасибо за все. Я постараюсь учесть все твои рекомендации и сдать эссе вовремя.

* * *

Молодые люди приближались на мотоцикле к дому Шахара. Тот уже не огорчился из-за отзыва Даны о своем эссе. Так или иначе, оно являлось пусть его первым, но необходимым опытом. Когда он поступит в универ, то непременно понесет его на кафедру, предварительно улучшив и увеличив в объеме, но прежде – примет с ним участие в областном конкурсе на лучшую школьную работу.

Воображаемые картины будущего успеха придавали юноше столько бодрости и энергии, что ему не терпелось поскорей домой, где его и его девушку ждали уединение, сытный обед и широкая кровать. Сегодняшний день он решил сделать праздником для них обоих.

Галь же, сидевшая позади друга, крепко держась за его плечи, напротив, пребывала в унынии, думая о своем. Ей абсолютно не понравилось обращение Шахара с ней в присутствии Даны, и впервые в ее сердце шевельнулась ненависть к амбициям горячо любимого парня. Кто знал, куда заведет его эта дорога! Наверняка подальше от нее, от их гармоничных отношений, и вызовет отчуждение между ними. От острого чувства досады и горечи Галь хотелось кусать

себе локти. Тем не менее, каким бы подавленным ни было настроение девушки, ей не хотелось упускать возможности развеять свою тоску с любимым.

Когда они поднялись в квартиру Шахара, Галь сама прошла в кухню, открыла холодильник, и они с Шахаром выпили по стакану прохладительного напитка, после чего отправились в его спальню. Стоял ясный послеполуденный осенний час. Мягкие солнечные лучи вливались через окно в его по-мужски уютно обставленную комнату, золотили рой пылинок над плюшевым темным постельным покрывалом и отражались в настенном зеркале.

– Ты знаешь, – сказал парень, – наши пляжные фотки уже готовы. Вчера мы с родителями их смотрели, всем нам очень понравилось. То был чудный денек! Сейчас покажу.

Он шустро чмокнул ее в губы, достал из шкафа альбом и начал листать его перед глазами Галь. Видя ее хмурость, но не понимая, что происходит, он пытался расшевелить ее объятиями сзади, быстрыми поцелуями в шею и за ухом, поглаживаниями по рукавам облегающего свитера. Но девушка оставалась такой же холодной и замкнутой. Она критически рассматривала альбом, находя всевозможные изъяны в изображениях, которые Шахар разложил на смежных страницах, свои напротив ее.

– Тут ты темный, – констатировала она, тыча в снимок друга на камнях, – а я, напротив, вся засвеченная, словно обсыпанная песком.

– Ну, что поделаешь, – оправдывался Шахар. – Так получилось.

– А вот здесь меня, на фоне эвкалиптовой рощи, практически не видно, – заявила заядлая девушка.

– Какая ты придирчивая! – возмутился Шахар. – По-моему, и это совсем не страшно. Почему ты всем недовольна?

– Фотографии – фрагменты нашей жизни, их нельзя зачеркнуть, – вспыхнула Галь. – Значит, такими ты видишь нас? Такою видишь ты меня?

– Ты о чем, Галь? – изумился Шахар Села.

Галь не ответила, устранившись своего выпада: вдруг Шахар превратно поймет его? Прикусив язык, она продолжила смотреть альбом, и, не найдя в нем кадра, что должен был копировать ее знаменитую фотографию, спросила, почему он не был проявлен.

– Да вот же он! – раздраженно воскликнул Шахар, указав на письменный стол.

Галь кинулась к столу, и с ужасом, что дилетантский снимок Шахара занял законное место профессионального, и даже стоял в другой рамке. Сам по себе он выглядел вполне ничего, но и близко не напоминал того, что посулил ей такие редкостные возможности.

– Шахар! – вскричала она, резко поворачиваясь к другу. – Куда ты подевал снимок, который я тебе подарила?

– Он в шкафу, – сердито промолвил молодой человек. – Уборщица нечаянно разбила рамку, и мне пришлось заменить его временно. Послушай, – добавил он помягче, подходя и беря ее за плечи, – не понимаю, что с тобой происходит? Что тебе не так? Тебе не понравились фотографии? Возможно, у нас разное понимание искусства, но это же не повод ссориться!

И, чтоб не оскорблять ее тонкое восприятие, он забрал рамку вместе с фотографией и положил в ящик стола. Увидев это, Галь напрочь позабыла о всякой сдержанности. То, что дилетантское изображение ее, сделанное Шахаром, заменило ее подарок, было еще куда ни шло, но удалить его совсем?.. Она потребовала тотчас вернуть свою фотографию на прежнее место.

И тут Шахар пришел в неистовство:

– Ты издеваешься надо мной! Никак тебя не поймешь!

– Нет, это ты издеваешься надо мной! Сказал бы хоть, как тебе мой коллаж, – ответила Галь чуть ли не вызывающе.

– Твой коллаж? А причем здесь он?

– А при том, что он уже неделю висит на доске, все его видели, а ты вспомнил о нем лишь сегодня благодаря Дане.

Шахар мужественно принял заслуженный удар. До него стало доходить, за что Галь была так обижена на него. А, может быть, ее, впридачу, расстроила оценка по английскому? Кто мог бы подсказать ему, что творилось в ее вздорной голове, под каскадом растопорщившихся темных густых волос?

– Сердишься на меня? – произнес он с раскаяньем. – Да, я в последнее время не уделял тебе достаточно внимания и не заметил твой коллаж. Понимаю, что ты очень старалась, хотела меня впечатлить. Но и ты меня пойми: я был очень занят. Это эссе выжимает из меня все силы. Но до каникул я намерен его сдать. Вот увидишь, любимая, все наладится! Давай потом куда-нибудь махнем вдвоем? Отдохнем как положено!

Девушка стояла перед ним, как потерянная. Ей было бесконечно жаль столь долгожданной, но испорченной возможности уединиться с ним в этой спальне. Ее сердце разрывалось от боли. "Держаться любой ценой!" – заклинала она себя, страшась вызвать друга на бурное объяснение, которое могло их привести к чему угодно.

– Галь, малышка моя, – молвил он, видя ее напряжение. – Ну, расслабься. Что я сейчас могу сделать, чтоб ты перестала на меня дуться? Иди сюда, – прибавил он с улыбкой, протянув к ней руки.

Она послушно подошла и обняла его механически, но при этом глаза ее были влажны. Шахар сначала снял с себя, а потом с нее свитер и прижался к теплому телу Галь в одной облегчающей футболке. Он нежно перебирал ее волосы, шептал ласковые слова. Затем взял в руки ее лицо и покрыл его поцелуями. Ненавязчиво подведя ее к постели и уложив, он принялся водить губами по ее шее, задерживаясь в том месте, где раздавались удары ее пульса. Ему хотелось, чтоб Галь хоть чуть-чуть расслабилась и любила его сегодня, как всегда, и потому не торопился с более страстными ласками. Отстранившись на мгновение от лежащей в отрешении подруги, он сказал:

– Малышка, пойми... я хочу, чтоб ты понимала: все, что я сейчас делаю, я делаю ради нас.

– Нет, не понимаю, – сдавленно выговорила Галь. – Ты рассуждаешь, как взрослый, хотя ты еще школьник. Не забывай об этом.

– Так тем более, – гордо бросил уязвленный юноша. – Пока я свободен от семейных хлопот, от работы, от кучи разных дел, я должен пробивать себе дорогу в жизнь, и не отступлюсь, даже если на это уйдут мои самые лучшие годы!

Несчастливая девушка вновь услышала в голове пронзительный голос Лиат, утверждавшей, что она модель на миллион. Господи, специально ли так вышло, что судьба поманила ее карьерным блеском для того, чтобы, столкнув с честолюбием любимого парня, заставить горько сожалеть об утраченном редком шансе – не ради денег, а ради растоптанного самоуважения?

– Причем же тогда здесь я? – глухо спросила она.

– Тебе же хотелось красивый дом возле моря? Вот поэтому я должен заработать на него, – резонно промолвил парень.

– Я возненавижу этот дом, если он мне будет стоить отдаления от тебя, – всхлипнула Галь.

– Ну вот, уже она уже плачет! – воскликнул Шахар, вскакивая на ноги. – Можно подумать, я запрещаю тебе заниматься тем, чем тебе нравится, и ограничиваю твою свободу! Если ты хочешь знать, – попытался приободрить он подругу, – в семье должны быть две зарплаты.

И тут эмоции хлынули бурным потоком. Галь ринулась к столу Шахара, схватила рамку с любительской копией своей судьбоносной фотографии, и ткнула ею в лицо.

– Ты видишь это? Это – то, что ты сюда поставил вместо моего подарка? – вскричала она. – Ты знаешь, что мне было предложено за мой тебе подарок? Контракт с одним из крупнейших модельных агентств в стране. Все было в нем учтено: и работа за границей, и конкурсы... Я с презреньем отказалась от этого контракта, несмотря на уговоры мамы и Лиат,

потому что решила остаться с тобой! – голос ее перешел почти в визг. – С тобой самим, а не с твоим эссе и твоими амбициями! Будь проклят тот день, когда я это сделала!

И она, расплакавшись, упала на постель.

Шахар стоял рядом, бледный, с разинутым ртом, в глубочайшем смятении, не веря своим ушам, не зная, что делать и что говорить. Он только выдавил:

– Ты... что?!..

– То, что ты слышал, дорогой, – рыдала Галь, зарываясь лицом в покрывало.

Парень в ужасе отпрянул, пытаясь вникнуть в ее сдавленные крики, и в отчаянье воскликнул:

– Галь! И ты мне ничего не сказала?

– Я не хотела ничего говорить... ради тебя... не хотела разбивать нашу гармонию... омрачать нашу любовь... но я надеялась, что ты оценишь то, что я для тебя сделала... что я для тебя важнее всего, как и ты для меня... а ты... ты готов променять наши встречи на стопку печатных листов! Ты строишь планы для себя, а не для нас! То, как ты себя со мной ведешь в последнее время, недостойно любящего мужа!

Молодой человек был в полнейшей растерянности. Он ни на мгновение не задумывался о том, что занятость его могла так отразиться на Галь, не представлял, что вел себя каким-то ужасно недостойным образом. Но больше всего потрясла его фраза, в которой его подруга назвала его своим мужем.

Отчего в этой маленькой милой головке зародились такие странные мысли? Что он сделал не так? Ведь все было прекрасно!

Шахар Села, с замираньем сердца, прилег рядом с горько рыдавшей возлюбленной и начал ее бережно утешать. Он прижимал ее к себе, гладил взъерошенную шевелюру, целовал лицо, руки, называл солнышком, радостью, глупенькой, клялся, что его планы на будущее несколько ей не угрожали. Когда она ему заметила, что именно ее несостоявшиеся планы и могли представлять для них угрозу, и что она отказалась от них сознательно, парень пожурил ее за умолчание этой истории. В этом случае, горячо проговорил он, им бы сегодня не пришлось поссориться. Ведь сначала он подумал, что она расстроилась из-за фотографий, вслед за ними выместила гнев на коллаже, потом он даже погрешил на ее оценку экзамена. И лишь сейчас ее прорвало. К чему было скрывать правду, если в итоге они к ней пришли безобразнейшим образом? И к чему было столько времени лгать, выдавать свой нелепый гнев за плохое самочувствие, если все обстояло намного серьезней?

Но Галь ответила вопросом на вопрос: а что бы это изменило? Разве, узнав о ее злосчастном контракте, Шахар тоже умерил бы свои аппетиты? Согласился бы он стать таким же, как все, уделять все внимание ей, идти с ней размеренно в ногу? Навряд ли.

– Я думала, что ты другой, а ты такой, как все мужчины! – твердо заявила она, утерев слезы. – Мама была права: вас надо уметь правильно выбирать, потому, что вы не знаете сами, чего вы от нас хотите. А я – знаю, чего хочу. Я хочу, чтоб меня любили. Я хочу, чтоб мой партнер всегда и во всем был со мной. А ты меня уже не любишь! Не любишь! И я ухожу от тебя. Прощай!

Девушка рывком натянула свитер, схватила ранец, куртку и бросилась к входной двери. Шахар очнулся только после того, как она с силой захлопнулась. Он тотчас помчался вслед за подругой и догнал ее на террасе. Крепко стиснув Галь в объятиях – так яростно она вырывалась из рук – он полулаской-полусилой упрямил ее вернуться в дом чтоб во всем разобраться. Девушка вдруг обмякла, в бессилии повисла на нем, и он принес ее в квартиру на руках, как подбитую птичку, и усадил в большое кожанное кресло в гостиной. Когда ее эмоции немного улеглись, парень очень осторожно стал расспрашивать о контракте и о том, как он на нее повлиял.

– Это случилось через несколько дней после того, как мы побывали на море, – объяснила Галь.

– И с каких пор ты так встревожилась о нас? – спросил Шахар.

– С тех самых, – отозвалась Галь.

– Что же могло так резко измениться?

– То, что изменилось, Шахар, это мое впечатление о тебе и наших отношениях. Я всегда знала, какой ты, и всегда тобой гордилась. Но тот проклятый случай все испортил. У меня как будто бы раскрылись глаза на все, и мне стало больно, невыносимо больно оттого, что я вдруг увидела.

– И что такого ты увидела? – подхватил Шахар, лихорадочно вдумываясь в ее речи.

– Что нет между нами полнейшей взаимности! Нет единства! Нет равенства! Я отдаюсь тебе без остатка, а ты делишься со мною лишь частью твоей души, ну, допустим, половиной. А мне не нужно половин, мне нужно все!

– Но разве я не откровенен с тобой, не отношусь к тебе с любовью, не нежен и горяч с тобой в постели? – метался в соображениях Шахар. – Разве я когда-нибудь тебя обидел? Приведи хоть один пример в доказательство моей вины!

– Не в примерах дело, Шахар, оно в сердце! – Галь выразительно ударила себя кулаком в грудь. – Мои ощущения и есть тому доказательство! Ты стал каким-то неродным, куда-то пропадаешь от меня, не уделяешь мне внимания...

– Я уже все тебе объяснил и неоднократно извинился!

– Перемены проводишь с Хеном, Янивом, Раном, Эрезом...

– Не оставлять же мне товарищей!

– Даже если мы встречаемся нашей шестеркой, ты всего лишь по-хозяйски закидываешь мне руку на плечо и говоришь о каких-то безумных вещах, пьешь, играешь в бильярд, а я...

– Только, пожалуйста, не говори, что ты ревнуешь меня к пиву и бильярду! – улыбнулся он.

Галь слабо приподнялась в кресле, и умоляюще простонала:

– Прошу, не смейся надо мной!

Шахар подошел к балконной двери, служившей окном в гостиной, и прижался к нему лицом. В конце концов, его временная отключка была смехотворна перед долгими годами непрерывной близости. Тем не менее, в истеричных речах подружки была большая доля правды, в которой он, к великому его стыду, был вынужден себе признаться. Досада на себя и боль сжали его сердце подобно железным тискам.

– Не пойми меня превратно, – продолжала девушка. – Я не испытывала неприязни к твоим... нашим приятелям, и очень гордилась твоим боевым настроением, пока я чувствовала, что не было в них для меня угрозы. Понимаешь? До тех пор пока я видела, или хотела видеть, что преобладаю в душе твоей над всем остальным, никто и ничто не были мне соперниками!

Юноша молчал, поникнув головой.

– И ты полагаешь, что все столь серьезно? – глухо спросил он чуть-чуть погодя.

– Не знаю! – в отчаянье вскричала Галь, протягивая к нему руки. – Если я, дура, ошибаюсь, разубеди меня, прошу! Если ты меня любишь, скажи мне об этом!

– Конечно, я тебя люблю, какие сомнения! – воскликнул он, порывисто оборачиваясь к ней.

– Тогда почему же я больше не чувствую этого?

Парень оторвался от балкона, совершил несколько кругов по гостиной, прошел в кухню, выпил залпом стакан холодной воды, вернулся к подружке, обреченно смотревшей на него сквозь пелену слез, опустился перед нею на колено, и, взяв за руку, очень мягко произнес:

– Что ты хочешь чтоб теперь я сделал, Галь? Порвал эссе? Поссорился с ребятами? Смешно! Мне кажется, тебе самой неясно, чего ты ожидаешь от меня... и от себя в том числе. –

Он прошелся по гостиной еще немного, и с упреком заметил: – Подумай, какой бы мы провели замечательный день, не завари ты эту кашу! Ведь все было к нашим услугам, весь дом! Я предоставил бы тебе самое осязаемое доказательство моей любви. А что теперь мы станем делать?

– Клянусь, я тоже этого хотела! Всею душой! – сказала Галь. – Я даже решила ни о чем тебе не рассказывать столько, сколько хватило бы сил. Надеялась, что все утрясется само. Но, извини, меня прорвало!

– Вижу, – процедил Шахар и опустился в другое кресло.

Они подавленно молчали, временами искоса посматривая друг на друга: он – потрясенно, она – отчаянно. Вечерело. Свет солнца, тихо переключаясь, уже не лился прямо в окна, а мерцал из-за выступа высокой балконной стены, преломляясь о ее острый угол, и длинные тени ложились на покрытый белым мрамором пол гостиной. Прошло еще несколько минут, но оба они так и не произнесли больше ни слова. В молчании этих давних любящих было нечто трагическое, не поддающееся описанию, словно между ними выросла вдруг стена, высокая, непробиваемая.

Несколько минут спустя Шахар поднялся и медленным шагом один прошел в свою спальню. Он сел на постель и безучастно уставился в пространство. Настроение его было испорчено, день, начинавшийся так хорошо, пошел насмарку. Еще два часа назад молодой человек был полон счастья и энергии, а теперь в нем что-то словно умерло. Он не знал, кого или что винить в том, что случилось, но впервые ощущал себя потерянным ребенком, и это было нестерпимым.

Раздались тихие шаги, и в комнату вошла Галь, сломленная, покорная, с распухшими глазами. Как побитая кошка, она подошла к другу, села рядом и начала робко ластиться к нему. Парень с тяжким вздохом поднял руку и потрепал ее по голове.

– Что? – спросил он отрешенно.

– Извини, – тихо сказала девушка. – Я знаю, что сошла с ума, что мне не стоило устраивать сегодня этот скандал. Было бы лучше, если бы я дала всему наладиться самостоятельно. Мы бы чудно провели время. Ты очень сердисься? – прибавила она с таким выражением, словно каждое новое ее слово вызывало у нее страх.

– Оставь, – сухо ответил Шахар.

Девушка в испуге взглянула на него. В тоне его голоса было нечто настораживающее.

– Любимый, прости меня! – завопила она, кидаясь ему на шею. – Я люблю тебя больше всего на свете, я хочу тебя!

Парень нежно развернул ее к себе и положил руки ей на плечи. Глаза его были влажными.

– Ну, что теперь? Займемся сексом? Думаешь, нам это поможет?

– Я не знаю... Но тогда мы, хотя бы, спасем этот день, вернее, то, что от него осталось. У нас есть еще часок. Бывает, любящие ссорятся, но по-прежнему хотят друг друга. Разве не так?

Галь говорила с упованием, с тоской, тревогой, мольбой. Шахару стало жалко свою девочку. Она так боялась его потерять, что была готова отдаться ему даже сейчас. Он и сам желал хоть немного расслабиться, но не решался использовать ее беспомощное и взвинченное состояние.

– Ах ты, моя глупая, взбалмошная девочка! – произнес он с чувством. – Надо же тебе было закатывать сцену, чтобы прийти к исходной точке? Ну, ладно, раз ты того хочешь. Иди ко мне, моя взъерошенная кошка!

И он привлек ее к себе.

Все случилось в трансе спешки, волнения, обиды и раскаянья. Галь никак не могла получить привычного наслаждения не только для тела, но и для души, а Шахар, пытаясь подарить ей это наслаждение, все время спрашивал себя, было ли этого достаточно для того, чтобы вернуть их отношениям их былую легкость. От избытка нервозности он нехотя причинил ей боль, сделав несколько резких и мощных толчков. Но Галь стерпела. Казалось, она даже боль при-

няла как должное, только бы не нарушать этот страстный момент. Весь тот час она позволяла своему яростному любовнику вытворять с ее телом все, что он только пожелает.

Домой она пошла одна, чувствуя себя совсем разбитой. Ей было необходимо излить кому-то душу. Матери еще не было, и Галь, свернувшись в клубок на диване в гостиной, позвонила Лиат. Там было занято. Девушка несколько раз тщетно повторяла попытку. Тогда она набрала Шели.

Шели только что вернулась из похода по магазинам, и, не дав Галь возможности объяснить причину ее звонка, затрещала о своих новых лаковых красных сапогах, в которых она блеснет на ближайшей дискотеке, о том, стоило ли ей подкрасить пряди у висков, и о сиреневой помаде, увиденной в торговом центре. После навязанного ей бурного обсуждения нарядной мишуры, Галь посчитала неуместным жаловаться Шели на Шахара, тем более, что она немного успокоилась. Она ограничилась намеком, что ей было скучно, и Шели тут же предложила ей пойти завтра вместе с ней на дискотеку. Нет лучшего средства от хандры, сказала Шели, чем танцы и легкая выпивка. Галь пообещала дать ответ и перезвонила Лиат.

– Наконец-то ты освободилась! – с облегчением воскликнула она, услышав в трубке голос подруги детства. – Я битый час тебя дозваниваюсь.

– Я разговаривала с Томером, – удивленно ответила та. – А что?

– Да так... понимаешь, поссорилась с Шахаром.

И она рассказала ей все по порядку.

Лиат Ярив проявила большое участие, интересовалась всеми деталями, не успокоилась, пока не представила себе полную картину прошедшего дня Галь и ее любимого. Галь, задыхаясь от эмоций, жаловалась своей поверенной на его невнимание к ней в последнее время, на его проклятое эссе, забившее ему голову, на его потрясение, когда он узнал о ее злополучном модельном контракте.

– А я тебя предупреждала, – строго сказала Лиат. – Я знала, что тебя прорвет, тогда как он поставит карьеру превыше всего. Теперь тебе придется держаться героиней!

Сердце Галь похолодело и рухнуло. Неужели все было кончено? Если даже Лиат предвидела весь этот кошмар и предупреждала ее, то горе ей! Как же Лиат была права, а она не пожелала ее слушать!

Лиат почувствовала в трубке ее ужасное волнение, и ласково утешила ее словами:

– Не бери в голову! Женщин, которых любят по-настоящему, не покидают. Этим ты и проверишь теперь твоего разлюбезного Шахара. Кстати, знаешь, – добавила она, выдержав таинственную паузу, – мой Томер такой славный! Он только что сказал, что выслал мне какой-то подарок.

* * *

Оставшись в одиночестве после ухода Галь, Шахар долго еще пребывал в оцепенении. То, что произошло между ними сегодня, казалось ему каким-то бредом. Он задавал себе вопрос, чем же он мог за такие короткие сроки разрушить все то большое, глубокое и устоявшееся, что между ними было на протяжении нескольких лет? И все ведь было прекрасно! Вплоть до того рокового дня, когда Галь прельстило заманчивое карьерное предложение, которым она пожертвовала, судя по ее словам, ради него.

Как только Шахар понял глубинный смысл ее поступка, как он почувствовал, что в его сердце поселилось невольное чувство вины перед подругой. Ему сразу стало ясно, почему она невзлюбила его эссе, почему так бурно реагировала теперь на его общение с Хеном и его компанией, почему не желала говорить о его планах на будущее. Молодой человек не знал, как ему теперь с этим быть. Вроде, он ничего плохого ей не сделал, а выходило, что ничего между ними не осталось уже таким, как прежде.

Мысль об этом не давала юноше, нервно слонявшемуся по квартире, покоя. Ему вспоминалось надрывное утверждение Галь, что дело вовсе не в примерах, а в ощущениях. А интуиция у Галь, несмотря на ее наивность, была развита сильнее, чем у любой другой ее ровесницы. Она вполне могла уловить в его отношении к ней нечто такое, в чем он сам не отдавал себе отчета. Но что?

В надежде разрешить эту загадку, Шахар начал сосредоточенно раздумывать над последними неделями своего общения с подругой. Шаг за шагом, он отступал все дальше и дальше, к началу их романа. Внезапно его как будто что-то дернуло изнутри, и он ринулся в свою комнату, где достал все альбомы с фотографиями и принялся их листать. В огромной свалке перемешанных по времени, контексту и качеству снимков он находил их совместные, и раскладывал перед собой на кровати и на полу. Фотографий его с Галь было столько, и все они были такие разные, что впервые произвели на Шахара не поддающееся описанию впечатление. Оно подхватило его, закружило вихрем и унесло ко всему пережитому им ранее, пройденному и оставленному позади...

...В двенадцать лет, придя в новую школу, он встретил ученицу, которая сразу же оценила его по достоинству. Будучи довольно замкнутым из-за своих интеллектуальных преимуществ среди одноклассников, Шахар мечтал о симпатии со стороны хотя бы нескольких из них. Он отплатил ей искренней привязанностью в ответ на ее привязанность, и, чем больше проходило времени, тем прочнее и глубже становилась их тогда еще полудетская дружба. Дружба, вскоре начавшая волновать его кровь. Влюбился ли он в свою девочку по-настоящему, или был томим любопытством, впервые давшим о себе знать в его тринадцать лет? На тот момент оба этих ощущения казались ему одним и тем же. Мальчик так смутно понимал настоящее значение слов «любовь» и «секс», что втайне запаниковал, боясь, что подруга в любой момент его бросит.

Оковы стеснительности были сброшены лишь после их спонтанного поцелуя на прогулке по городу. Его первый, первый поцелуй в тринадцать лет! Шахар был так счастлив, что даже не сомкнул глаз от возбуждения той ночью. С тех пор, он и Галь стали общепризнанной парой в классе, чем опередили всех своих знакомых. Ждать себя не заставили ни завистливые взгляды одноклассниц, ни смущенно-высокомерное отношение других мальчишек, засматривавшихся на Галь, ни, конечно же, сплетни. Радовался он еще и потому, что сразу же перестал быть просто «заумником», и превратился в привлекательного и сильного духом молодого человека, закрепив за собой другое свое прозвище: "супермен".

Однако, незаметно для посторонних глаз, Шахар еще достаточно долго промаялся, не зная, как удовлетворить свои сексуальные желания. Он посмотрелся тайком эротических фильмов, но все-таки не решался.

В конечном итоге, Галь сама же и напросилась. Парень отчетливо помнил их первую близость. Это случилось здесь же, на этой же самой кровати, в эти же послеобеденные часы, когда родителей не было дома. Момент был волнующим и очень трогательным. Будучи неопытным, он не смог взять любимую с первой попытки, но оба проявили друг к другу такую нежность и поддержку, что, все равно, ощущали себя как на крыльях. Опыт к ним приходил постепенно. Спустя полгода юные любовники уже вели себя в постели раскованно и страстно, и каждое их уединение становилось настоящим событием.

Девятый и десятый классы были их "золотым веком". Шахар заваливал подругу безделушками, цветами и романтическими открытками. Он проводил с ней подчас целые дни, в ущерб общению с ребятами. Он дежурил около нее, когда она заболела. Он брал ее с собой во все их семейные поездки. Все это было взаимным. Группа фотографий тех лет, на которой задержался задумчивый взгляд юноши, давала наглядное представление о том, насколько они оба были счастливы. Даже фон тех фотографий, казалось, сиял, оттого, что на них сияли глаза двух влюбленных...

...Звонок в домофон, возвестивший о приходе родителей, прервал поток воспоминаний Шахара. Плотнo закрыв дверь в свою комнату, он отправился поприветствовать их и принять участие в традиционном семейном ужине. Потом он помогал отцу разбирать балконный тент, который, несмотря на осеннюю погоду, все еще выполнял свое летнее предназначение. И лишь когда в гостиной загудел телевизор, по которому передавали новости, Шахар вернулся к себе и к своему нарушенному ходу мыслей...

...Он судорожно пытался восстановить в памяти тот самый момент, когда все начало меняться. Наверно, это был процесс, неощутимый и невидимый, начавшийся на рубеже одиннадцатого класса. Случилось то, что после долгих лет упорного подъема в гору, любящие оказались на самой ее вершине, откуда дальше было некуда идти, и обосновались там, под облаками. В их устоявшихся отношениях было словно нечто однозначно решенное. Это правда, что Шахар стал очень уверенным в себе и больше не считал необходимым постоянно проявлять свои чувства. Неумный и эмоциональный характер Галь иногда его немного раздражал, но что могло быть более потрясающим, чем видеть ее лучистые, полные страсти глаза, и обладать ее роскошным гибким телом? Он превратился в лидера. "Ты всего лишь по-хозяйски кладешь мне руку на плечо", – заявила сегодня Галь, и, к сожалению, в ее утверждении было много правды. Но тот, в чьих руках бразды правления, свободен. Шахар, окрыленный своими высокими оценками и зарожденными карьерными амбициями, фактически, заставил ее принять то, что помимо нее одной у него есть и другая страсть – страсть к успеху.

Молодой человек порылся в куче фотографий, и обратил внимание на то, что, чем ближе были они по срокам к настоящему времени, тем чаще в них появлялись другие лица: их друзья, родные, знакомые. И на всех этих снимках ощущалось неподдельное одобрение любовной пары, особенно благодаря той «хозяйственности», с какой его рука покоилась на плече подруги. Все вокруг как будто дали им свое негласное согласие. И то, что Шимрит Лахав возложила на него определенные надежды, которые юноша не мог не понимать, не причиняло ему никакого дискомфорта, поскольку он сам уже воспринимал свой роман с Галь, и ее отношение к нему, как должное...

...Тут его опять позвал отец для того, чтобы отнести разобранный тент в подсобную в подвале дома. Более получаса Шахар помогал переносить по темным террасам металлические элементы конструкции. Они натирали ему плечи, кое-где были с торчавшими болтами и зазубринами. Отец устало ворчал, что именно сейчас у него дошли руки до пустяшного дела, которое нужно было закончить еще месяц назад.

– Все свое время, папа, – ободряюще ответил сын, поразившись своему ответу.

Взаправду, всему настает свое время! Шахар, под впечатлением своего ответа, спросил себя, что изменилось бы, займись он раньше, скажем, в прошлом году, этим самокопанием. А ничего! Просто потому, что тогда в этом не было никакой надобности. Впрочем, у него и не возникло бы никакой такой надобности, если бы не устроенный Галь скандал...

...Парень невольно схватился за голову. Случившееся между ними сегодня предстало ему вдруг в таком ярком свете, что даже взглянуть на него было больно. Все пронзительные крики Галь, которые днем вызвали у Шахара одну только ярость и досаду, обрели для него в миг свой подлинный смысл.

Случилось то, что уже давно достигший пика их роман исподтишка послал им испытание. Настоящее испытание на зрелость их чувств. Галь, романтичная, пылкая Галь, оказавшись перед жизненной дилеммой, доказала, что любит его безгранично. И, стало быть, если широко закрытые глаза девушки в один момент открылись на все то, в чем до сегодняшнего дня он вообще не отдавал себе отчета, то, видимо, он не прошел испытание с честью. Видимо, слишком явно проявились в нем его ощущение собственной значимости и целеустремленность, оставив на долю изумленной подруги лишь то "хозяйское", привычное, само собою разумеющееся, что раньше она воспринимала как должное, и что теперь ее буквально ударило по лицу.

Его вина оказалась в том, что он предпочел того Шахара Села, который жил внутри него, тому, который долгие годы был частью наивного сердца и доброжелательного, гармоничного мира его девчонки. Они вели неравную игру.

При этой мысли Шахар едва не сошел с ума. Видит Бог, он не хотел такого! В порыве горечи он проклял фотографию девушки, наделавшую столько бед. Но – черт побери! – какая Галь на ней красавица! Дрожащей рукой молодой человек поднес к глазам прекрасный снимок, и минуту спустя перевел влажный взгляд на красовавшееся на столе его жалкое дилетантское подобие, им самим же и сделаное. Лишь теперь он увидел всю разницу, которую Галь почувствовала сразу. Выходило, что он, со своей твердой позиции, перестал видеть в ней идеал своей жизни, уменьшил ее до реальных размеров, и, якобы, начал любить ее меньше.

Сперва все в юноше восстало против этого страшного предположения, но тут его пронзило новое сомнение: что, если и в этом была доля истины? Мужчина, который действительно любит, все-таки не погорел бы, как он, на столь каверзном испытании! Если раньше Шахар схватил себя за голову, то теперь – за замеревшее сердце. Нет, этого быть не могло, не могло! Не могли же пять лет безграничного счастья оказаться обманом! Если это было правдой, то лучше бы он умер раньше, чем эта правда открылась бы ему!

Он бросился на постель, одним движением стряхнув с нее снимки, которые шелестя упали на пол, и замер, прижавшись лицом к подушке. Его кровать еще хранила тепло девушки. Бедная Галь! Она, в столь трудный для нее момент, как всегда, подарила ему всю себя, а он ее взял как последнюю шлюху, и отправил домой! Сволочь, дрянь, паразит! Что она делает сейчас, в одиннадцатом часу, о чем думает, как себя чувствует?

Первым порывом Шахара было помчаться к Галь и объяснить с нею, но здравый смысл взял вверх. Стоило ли ему это делать? Возможно, он просто перегнул палку, или же в нем говорило его дурное настроение. Сейчас самым правильным было навести порядок в комнате, лечь спать, а наутро взглянуть на все более трезво. Спать... День промчался, как секунда, а он ничего еще не сделал. Вместо того, чтоб сидеть и исправлять свое эссе, он поссорился с Галь, ободрал себе плечи о разобранный тент и перерыл все свое прошлое. И чего он достиг, кроме жуткой досады на себя, лишней головной боли и испорченных нервов?

Внезапно зазвонил телефон. Шахар безучастно снял трубку. С другого конца провода раздался надломленный голос подруги.

- Привет, ты не спишь?
- Нет, Галь, – сдержанно промолвил он.
- Что ты делал весь вечер? Занимался эссе?

Галь говорила нарочито бодро, но с некоторой тревогой, как будто она проверяла его. Шахар же был в настолько дурном настроении, что был способен разве что на односложные ответы.

- Ничего не делал.
- Я тоже ничего не делала.

Парень не сомневался, что она целый вечер проплакала, но не хотел поднимать эту тему. В трубке послышался сдавленный вздох.

- Ты не очень рассердился?

"Черт возьми", – едва не выругался Шахар.

- Нет, Галь, не очень. И давай не будем об этом говорить.

- Ладно. Я только хотела услышать твой голос.

- Все нормально теперь?

- Ага. Ну тогда спокойной ночи!

– Галь!.. – внезапно воскликнул Шахар, охваченный порывом сказать ей что-нибудь доброе, приятное, но не знал, что и как. Поэтому он автоматически пожелал ей спокойной ночи и прекратил беседу.

На полу, под его ногами, лежали разбросанные старые фотографии, с которых смотрели их с Галь счастливые, влюбленные глаза. И, поскольку у Шахара не было сил наводить порядок, то он просто сгреб их в кучу, и при этом невольно ступал по ним, отчего некоторые фотографии слегка погнулись.

Глава 10. Комедии положений

Хен жевал жвачку и скучно смотрел на доску, расписанную английскими предложениями. Шла открытая проверка экзамена. Выздоровевшая Михаэла недоуменно разводила руками и возмущалась, как они могли забыть уже давно пройденный и закрепленный материал прошлого года? Ведь это же был такой, в сущности, легкий экзамен! "Как же", – насмешливо думал Хен, – "экзамены для того и сдают, чтобы сразу же забыть о них".

Сам он, как и многие, получил незавидный балл. Шели – тоже. Он покосился на свою соседку. Красотка Шели, твердо подперев рукой безучастное лицо, слушала, иногда помечая в форме правильные варианты ответов. "Безобразие!" – снова повторял про себя Хен. – "Легкий экзамен, как же! То ли еще нам уготовят на выпускных!"

На самом деле, настроение парня было приподнятым. Вчера он здорово провел время с Шели, а сегодня вечером Ран Декель устраивал в «Подвале» мальчишник по поводу своего дня рождения. А вскоре – каникулы. У Хена был некий план, который он хотел бы осуществить во время этих каникул, но ему нужна была компания. Еще с прошлого года его заветной мечтой было организовать поездку в кемпинг с друзьями денька на три. Погода на юге стояла хорошая, а тамошние места славились красотой.

По идее, парень должен был в первую очередь заинтересовать свою шестерку, но что-то ему подсказывало, что Ран, Янив, Эрез, Авигдор и приятельницы Шели скорее откликнутся на его затею. Какие-то непонятные вещи творились с членами его шестерки. Галь выглядела нервной и всем недовольной. Лиат, казалось, была по уши втрескана в своего невидимку-Томера, и висела с ним на телефоне целыми днями. К Шахару стало не подступиться. Можно было подумать, что он пишет не школьное эссе, а научную диссертацию. Оded никогда не являлся кандидатом для мероприятий такого рода. Мог ли он на них рассчитывать?

Как он и предполагал, получить согласие своей мальчишеской компашки не составило большого труда. Пока Шели уговаривала Нааму, Керен, Лирон и Офиру, парень решил попытаться пригласить Лиат, обычно избегающую шумных компанийских вылазок потому, что была одинока. Но сейчас у нее появился Томер. Хену, – общительному и великодушному парню, – совершенно не помешало бы появление нового лица в числе его знакомых. Он был бы даже этому рад.

– Видишь ли, – смущенно обломала его надежды Лиат, жуя бутерброд, – мы с Томером еще не в тех отношениях, чтоб вместе отправляться в кемпинг.

– Ты хочешь сказать, что...

– Да, – подтвердила Лиат. – Мы еще не спим вместе.

– Извини, – пробормотал Хен. – Я как-то не подумал об этом. Каждый понимает в меру своей испорченности, – попытался он сгладить впечатление от своей бестактности. – А ты сама?

– Может, поеду, еще не решила, – с лукавой улыбкой ответила девушка, и поинтересовалась, кто уже откликнулся на идею товарища.

Хен рассмеялся:

– По моей части все прошло гладко. Я созвал всех своих друзей: Янива, Рана, Эреза и прочих. Они – народ простой, сговорчивый. Самую деликатную – женскую – часть я препоручил Шели.

– В чем ее деликатность?

– Посуди сама. Лирон терпеть не может Рана из-за того, что он ее бросил, и, конечно, не горит желанием ехать на три дня куда-то, где он будет тоже. Офира – не в лучших отношениях с Керен и Наамой. Обе эти снобки почему-то глядят на нее свысока. С одной только Шири не возникло проблем, потому, что она – девушка Янива.

– А Одед? А Галь и Шахар? – спрашивала Лиат.

– Одеда я, конечно же, приглашу, – молвил Хен. – Будет нехорошо обойти его стороной. Но он очень тяжел на подъем. А наша сладкая парочка... – тут он потер рукою лоб и позволил себе усмешку, – с ними все как-то странно. Все обращают на это внимание. Ты знаешь, что предложил сделать Эрез?

Лиат выжидательно посмотрела на приятеля.

– Он предложил «похитить» Галь, разумеется, с ее согласия.

– Зачем?

– Чтобы вытащить Шахара вместе с нами.

– Ну, он, наверно, сказал это в шутку, – прыснула Лиат.

– Нет, на полном серьезе, – заметил Хен. – Хотя, не спорю, Эрез обычно любит пошутить.

Лиат повела носом и отвернулась на мгновенье. Она знала о причине. Злорадствовала ли она? Скорее, испугалась. Ей вдруг стало неловко и даже жутко.

– Значит, Шахар уже отказался? – проронила она, стараясь не выглядеть слишком пыливой.

– С Шахаром я еще не разговаривал. Но согласись: он ведет себя просто... отталкивающе. Огрызается на каждую мелочь, прячется в библиотеке, носится со своим эссе как с писаной торбой. Он, как будто, пренебрегает нами, – раздраженно сказал Хен.

– Он всегда был таким, – осторожно предположила девушка. – Стоило возникнуть какому-нибудь сверхважному для него занятию...

– Но не до такой же степени! – воскликнул парень. – Таким я вижу его впервые!

Лиат разорвала обертку доеденного бутерброда. Хен никогда не был особо близок с нею. Почему он пожаловался на своего товарища именно ей? Скорее всего, он просто не был в курсе всех дел. А вот Шели – была. И ничего ему, конечно, не рассказала. Пока не рассказала.

– В общем, ты подумай над моим предложением, только не тяни! – кивнул ей Хен и, еще раз заручившись ее обещанием, покинул класс.

Перемена уже близилась к концу, и вокруг сновало все больше и больше одноклассников, то и дело перекрикивавших друг друга, сдвигавших стулья, с шумом достававших учебники. Однако Лиат, присевшая на свое место за партой, смущенно раздумывала над словами и предложением члена их шестерки. Эта идея кемпинга оказалась таким же тонким испытанием для них всех, как и история с контрактом Галь. Шахар никуда не поедет. Лиат готова была за это поручиться. Поедет ли Галь, пока было непонятно. Если да, то Шахар озлобится еще больше. Если нет – этим она уже не исправит положения.

Появление Галь и Шели нарушило ход ее мыслей. Шели подбежала к ней, схватила за руки, и торжественно объявила:

– Готово! Компания набрана. Осталась уболтать Лирон, но нас уже и так хватает.

– Нас – это кого? – ошеломленно спросила девушка.

– Как кого? Я ж тебе говорю: помимо Лирон все в сборе. Ох, уж эта дуреха! – издала короткий смех Шели. – Битый час я внушала ей, что им с ее бывшим – Раном – не придется ночевать в одной палатке, разве что у них вновь возникнет такое желание.

Лиат Ярив вздрогнула. Если все были в сборе, то выходило, что Шахар и Галь согласились. Она собралась узнать это у самой Галь, но увлажненные глаза той не предвещали ничего хорошего.

– Я знаю, о чем ты хотела спросить, – прочла ее мысли Шели. – Галь будет с нами! – твердо сказала она, повелительно положив руку на плечо приятельнице. – Она должна, она обязана отдохнуть. Ты слышишь меня, красавица? Ради собственного удовольствия ты поедешь и весело проведешь с нами время. Пусть он себе тут спокойно занимается.

– Он собирается закончить эссе до каникул, – понуро возразила та.

– Так тем более. Может быть, тогда твой небожитель снизойдет до нас, смертных, и тоже поедет.

Шели убеждала Галь как упрямого ребенка, горячо и вдохновенно. Ей не стоило цепляться за Шахара. Именно сейчас надо было дать ему время, не делать из всего трагедии, отдалиться самой, с тем, чтоб он оценил то, что может потерять. Галь, которой теперь каждый час вместе с Шахаром, каждый их совместный выход говорил об очень многом, прониклась уверенностью подруги, и тоскливо заметила, что уже очень давно не путешествовала. Вот и отлично, поддержала ее Шели, пусть Галь доставит себе это удовольствие.

Лиат, молча наблюдавшая за их разговором, металась между двух огней. Шели рассуждала во многом верно, но, опять-таки, судила по себе. Ситуация Галь была слишком деликатной, и только она, Лиат, понимала всю степень этой деликатности. Наконец, она не выдержала:

– Я думаю, что стоит подождать согласия Шахара. Не давить на него, а дать ему право самому решить. И тогда уже Галь и Шахар разберутся, кто поедет и поедет ли вообще.

Галь в отчаянье всплеснула руками. С какой это стати две ее подруги решали за нее, как ей быть, и заставляли разрываться? Ведь она сама знала на все ответ:

– Шахар не поедет.

– Разве он уже отказал? – оторопела Шели.

– Нет, но я чувствую это. И даже спрашивать его не собираюсь.

Обе другие девушки встревоженно переглянулись.

– Думаю, будет все-таки лучше спросить, почему нет, – попыталась замолвить слово Лиат, у которой от беспокойства подкашивались коленки.

Галь яростно обернулась к ней.

– Почему бы тогда и тебе не спросить о том же у твоего Томера? – ядовито проронила она. – Может, он, наконец-то, покажется нам на глаза?

Лиат Ярив, не ожидавшая от нее такой нападки, не сразу нашлась, как отреагировать.

– Извини, Галь, – уклончиво произнесла она, – я уже объяснила Хену, что мы с Томером еще не в тех отношениях, чтобы...

– Значит, это – твоя проблема, а не его, – безжалостно сказала Галь. – Насколько я знаю, парни особо не тянут с сексом. А ты лишь бы прожужжала мне все уши своими дурацкими расспросами. Лучше поедь к нему и раздвинь ноги.

Шели Ядид наступила ей на ногу, но это не остановило раздраженную девушку.

– Оставьте меня все в покое! – воскликнула она в сердцах. – Вы ничего не понимаете! Дайте мне самой разобраться с Шахаром! У меня уже ни на что не хватает нервов!

Выпалив это, она убежала куда-то в коридор. Шели, без промедления, устремилась за ней.

Лиат послала вслед подругам взгляд исполненный страшной обиды. Поведение Галь развеяло ее сомнения. Она обязательно возьмет свой реванш, и чем раньше, тем лучше.

Так или иначе, основная компания была набрана уже к концу учебного дня. После уроков Хен и Шели, а также Ран, Янив с Шири, Авигдор, Эрез, Керен и Наама засобирались в районный центр за снестями для кемпинга. Галь все еще ломалась, но выразила желание пойти со всеми, надеясь таким образом немного поднять себе настроение. Лиат стояла рядом, задыхаясь в своих уязвленных чувствах, и ждала, чем все закончится. Ждать долго ей не пришлось, поскольку Шахар демонстративно заспешил в библиотеку.

– Какой ты странный! – обратился к нему Эрез. – Почему ты всегда идешь против всех?

– Я не иду против всех, – возразил Шахар, – просто у меня, действительно, очень серьезная работа, которую я должен сделать.

– Значит, делай ее побыстрее, а не то мы похитим твою подружку, – полушутя-полусерьезно бросил Эрез, покосившись на Галь.

– Разве Галь по-любому не собирается ехать в кемпинг? – недоуменно воскликнула Керен.

Вслед за ней и Наама вопросительно взглянула на соученицу и ее невозмутимого друга.

Но, не успела Галь и рта раскрыть, чтобы ответить, как Шахар быстро замаял эту тему, сказав, что ему пора. Он вскинул на плечо свой ранец и, кивнув на прощание приятелям, двинулся к выходу, даже не поцеловав свою девушку.

– Какая муха его укусила? – разводя руками промолвил Ран Декель. – Он что, пренебрегает нами? Хен, – обернулся он к товарищу, – что происходит?

– Откуда я знаю? – вспыхнул тот. – Пойдем, а не то мы никогда отсюда не выберемся.

– Вот-вот, – поддержал его Янив. – Лучше пойдем, пока есть желание. Галь, ты с нами?

– Да, я с вами, – подавленно ответила девушка.

– А ты, Лиат?

– К сожалению, нет, – проронила та нарочито вялым голосом. – Я провожу вас и поеду домой. У меня что-то разболелась голова.

Говоря это, Лиат смущенно гримасничала, словно давая этим понять, что ей хотелось бы побыть с товарищами, но ее самочувствие ей действительно этого не позволяло.

– А как насчет кемпинга?

– На сегодняшний день – девяносто процентов, – согласилась она и прибавила: – Если вам не будет трудно, узнайте мне, пожалуйста, цену на ручной фонарик.

Ребята вместе покинули школу, прошли под низким свинцовым небом до остановки, пожелали Лиат хорошего самочувствия и отправились в районный центр. А та, нетерпеливо дождавшись за углом навеса остановки когда компания скроется из виду, развернулась и опрометью кинулась в библиотеку. Дай Бог, чтобы Шахар их не обманул!

Око за око, думала при этом она. Раз Галь ее не пощадила, наступив ей на самое больное место, то и ей тогда незачем было ломаться.

Куртка Шахара и его ранец лежали на полке в маленькой раздевалке при входе в библиотеку. Увидев их, девушка вздохнула с облегчением. Оставив свои вещи там же, она украдкой прошла в полупустой зал. За дальним столом у окна сидел Шахар над стопкой бумаг, и действительно выглядел очень занятым. Но юноша просто уронил на руки голову и был погружен в бездну размышлений.

Лиат схватила с полки первую попавшуюся книгу, вооружилась брошенным кем-то карандашом, и приблизилась к однокласснику. Тот вздрогнул и поднял на нее глаза.

– Я вспомнила, что должна срочно выписать кое-что для урока социологии, – бегло пояснила она, присаживаясь напротив. – Одолжишь мне лист бумаги?

Шахар машинально вырвал страницу из тетради, и, не проявляя интереса к заданию соученицы, склонился над своею рукописью. Лиат, для вида, погрузилась в чтение, урывками конспектируя. Некоторое время каждый был поглощен своим делом.

– Это и есть твоё эссе? – спросила Лиат погодя.

Шахар молча кивнул.

– Как продвигается?

– Никак.

– Как же так? – не поняла девушка. – Как же так? Ты же так много над ним работаешь!

Шахар Села устремил на нее печальный взор своих больших голубых глаз.

– Это видимость. Я, с недавних пор, даже не прикасаюсь к нему. Мне ничего не идет в голову.

Лиат отвела взгляд. Любые ее расспросы могли бы показаться глупыми, поскольку Шахар не мог не понимать, что ей и так обо всем известно. Но, уже придя сюда, она не находила в себе сил уйти. Мощнейшая тяга к парню и редкий случай их уединенного общения точно пригвоздили ее к месту.

– Теперь я понимаю, – пробормотала она спустя какое-то время, – отчего ты решил остаться, когда мы все будем в поездке. Тебе нужна спокойная обстановка.

– Да, разумеется, – бросил парень, не поднимая головы. – Жаль только, что для других я сноб, заумник и эгоист, и что они даже не пытаются понять, насколько мне не до поездок и не до пьянок в их инфантильном обществе.

– Не огорчайся, – попыталась его успокоить собеседница, испытывавшая все возраставшую неловкость от взрыва его признаний. – В сущности, этот кемпинг – бесполезная вылазка, на которую толкает скорее стадное чувство, чем желание каждого.

– Я не из-за него огорчаюсь, – вздохнул Шахар, – а из-за принципа.

– Какого еще принципа?

– Назови это упрямством, если хочешь. Я мечтаю осуществить много замыслов, но все они требуют от меня целенаправленных поступков. И лишь сейчас я осознаю, какую цену мне придется заплатить за мои мечты. Может, я действительно гордец и эгоист, готовый стать одиноким волком ради этого, – произнес Шахар достаточно громко, отчего библиотекарь и другие занимавшиеся в зале школьники обернулись к нему и дружно зашикали.

Девушку бросило в нервную дрожь. В порыве страсти и участия она схватила молодого человека за руку и горячо прошептала:

– Никакой ты не гордец! Ты – по-настоящему умный, зрелый человек. Те, кто тебя избегают и недооценивают, сами, с годами, станут такими же, как ты, и тогда-то все сами поймут. Быть зрелым, в нашем возрасте и в нашем окружении, не так-то просто!

Молодой человек ничего не ответил. Он задумчиво провел ладонью по черновику эссе, как будто лаская, и вновь погрузился в молчание.

Огромная волна любви и жалости захлестнула сердце девушки. Этот обычно воодушевленный парень выглядел совсем разбитым. Но она знала эту непреклонную, твердую душу, и понимала, что, хоть страдание его было велико, он, все равно, от своего не отступится. Ей сейчас хотелось бы броситься на шею Шахару, зацеловать и заласкать его, любимого. Закрыв глаза, она представила себя на коленях у одноклассника, не размыкающей с ним слившихся в поцелуе губ, и греза эта была настолько реалистичной, что лицо девушки расплылось в улыбке, а по жилам пронесся поток тепла. Но, разомкнув веки, она опять увидела товарища, склоненного над кипой его бесполезных бумаг, и поток тепла по ее телу сменился струей холода.

Было всего лишь около трех часов дня, но свинцовое небо опустилось так низко, что широкое оконное стекло в библиотеке напоминало мутное зеркало. В этом туманном зеркале дымчатыми тенями отразились фигуры старинных приятелей за разделявшем их столом.

– Шахар, могу я спросить тебя кое о чем... личном? – обратилась к нему Лиат.

Тот, не отрываясь от эссе, кивнул.

– Ты упираешься не ехать в кемпинг в том числе из-за Галь?

– А разве она едет? – угрюмо спросил Шахар.

– Насколько я знаю, в целом, да.

– Что значит "в целом"?

Лиат рассказала юноше о том, как Шели пылко уговаривала его подругу, и что в данный момент его подруга гуляет со всеми в районном центре по магазинам со снежками для туризма. Молодой человек безучастно пожал плечами.

– Это ее право, – заметил он. – Я не могу ей запрещать весело проводить время. Предполагаю, – добавил он с кривой усмешкой, – что она не в восторге от того, что сейчас меня нет там со всеми.

– Хен и компания тоже от этого не в восторге, – словно вскользь проронила девушка.

Шахар вновь надрывно усмехнулся.

– Ран пригласил меня на свой мальчишник в «Подвал», – сказал он, – а я даже подарка еще не купил. Надо будет уважить его, конечно, – вдруг забормотал он, воспряв духом. – Надо

будет побывать на его именинах. И потом... – он запнулся и минуту спустя продолжил, с некоторым колебанием: – я всегда считался сильным человеком, а люди уважают сильных. Если я покажу друзьям мою теперешнюю слабость, то исковеркаю мой имидж. Навсегда.

– Ты боишься откровенности и думаешь, что в этом сила, но это всего лишь маска, которая и лишает тебя силы, – внезапно вырвалось у Лиат.

Произнося эти жестокие слова, девушка чувствовала, что душа ее рвалась из тела вон – такой глубокой была схожесть между ней и этим парнем. А он, бледнея, отозвался:

– Я никогда раньше не думал об этом. Как, впрочем, обо всем другом. Мне было не до этих мыслей... Я был слишком во всем уверен. В том числе в том, как пишу свое эссе... – юноша вздрогнул, и стал торопливо просматривать рукопись, хватая один черновой лист за другим, пока Лиат напряженно следила за ним. – Дана сказала мне, что, к сожалению, здесь все нуждается в переделке, и была права.

– В переделке? – поразилась Лиат. – Почему же?

– Потому, что я, как всегда, захотел слишком многого, – самокритично бросил Шахар.

В глазах его блеснул было огонь борьбы, но тут же погас, уступив место выражению тоски.

– Ладно, – лениво заключил он, – я устал сегодня. Займусь этим завтра.

И, будучи не в силах больше находиться здесь, стал укладывать листы в зеленую папку.

Увидев это, девушка занервничала. Ей хотелось оттянуть как можно дольше момент прощания, но она не знала как.

– Так ты будешь сегодня у Рана? – попыталась она его удержать.

– Пойду, пожалуй. Хоть немного, но встряхнусь.

Но, вместо того, чтоб встать, Шахар остался сидеть, задумчиво вертя папкой с черновиком.

– Знаешь, что я думаю? – проронил он после долгого тягостного размышления. – Я, пожалуй, обращусь к одному из друзей отца, преподающих в универе. Пусть он меня направит. Сам я не справлюсь. Только зря потрачу время. Сам не знаю теперь, какой я, что мне надо сделать, чтоб выправить это эссе, и еще, чего мне надо от жизни. Запутался я.

"Господи!" – промелькнуло в голове Лиат. – "Да он совсем переменялся!" Она была поражена не столько неожиданным решением своего тайного возлюбленного, сколько совершенно новым его обликом, возникшим из ниоткуда, разительно непохожим на тот, какой она в нем видела до этого момента. Она едва удержалась от окрика, что пусть лучше Шахар провалит свою работу, но останется прежним.

– У меня к тебе будет просьба, – произнес Шахар напоследок. – Пожалуйста, не говори Галь о том, что я тут наболтал... и о том, что мое эссе так застопорилось.

Лиат обещала, с печалью осознавая, что это был конец их встречи. Шахар махнул приятельнице на прощание, быстро собрался и ушел.

Трудно передать словами всю степень смятения, овладевшего Лиат, оставшейся в библиотечном зале с совершенно ненужной ей книгой в руках. Она прибежала сюда движимая раздражением на Галь, и лучше бы она сдержала свой порыв! Их беседа с Шахаром была сумбурной, выстраданной и ничего не объясняющей. Но особенно уязвило Лиат то, что она попыталась влезть не в свое дело, и никакой выгоды из этого не получила. Зачем же тогда она копала под Шахара? Она и сама не знала. Она не знала ничего, кроме очевидного: что получила громадное удовольствие от беседы с ним с глазу на глаз.

Но сильнее всего испугало Лиат явное ощущение, что перемена в Шахаре, его пошатнувшиеся отношения с Галь, и ее собственные с ней же, столкнули их и их друзей на тонкую проволоку над бездной, и повели по ней без страховки. Кто первый сорвется? Вот в чем был вопрос.

"Боже мой, какой ужас!" – шептала она по дороге домой. – "Нужно было задохнуться от обиды на нее, но идти со всеми вместе в магазин. Я идиотка! Идиотка!"

Она не хотела есть – растерянность и огорчение притупили ее чувство голода. Никакие занятия тоже не лезли ей в голову. Серая погода располагала к унынию. Весь тот день девушка убила на переживания о себе и Шахаре.

Вечерком, братишка вбежал в ее комнату и протянул ей телефонную трубку. Галь, на другом конце провода, интересовалась, чем Лиат была занята.

– Ничем особенным, – хмуро отозвалась та.

– А я листаю старые журналы. Уже вырезала несколько реклам для нового коллажа: цветов, пирожных, бутылки шампанского. Хочу создать что-то веселое, игривое. Моя орлица кроме Даны ни на кого не произвела должного впечатления. – Голос Галь звучал нарочито бодро, но по его ноткам Лиат поняла, что подруге было впору удавиться. – Наверно я переборщила с красным, и зрелище вышло довольно тяжким.

Она немного помолчала и спросила, менее звонко, о самочувствии Лиат.

– Все нормально, – прозвучало в ответ.

– Вот и прекрасно! – Тон Галь внезапно стал предельно вкрадчивым. – Слушай, мне кажется, сегодня я тебя обидела. Прости.

Лиат Ярив сдержала вздох. Молодец, Галь, что хоть заметила это. Не все еще было потерянным!

– Оставь! Я все уже забыла.

– Ты не поняла! – воскликнула та. – Ты не понимаешь, насколько я сейчас взвинчена. Но я не имела права говорить тебе такого о тебе и Томере. Это – не мое дело. Прости!

Голос, доносившийся из трубки, был полон искреннего раскаяния, что заставило Лиат сожалеть о ее сегодняшнем вероломном поступке.

– Оставь! Я все уже забыла, – повторила она настойчивей.

– Лиат... – сдавленно произнесла собеседница после паузы. – Мне страшно, мне тревожно. Он уходит от меня, он замыкается в себе. Как мне быть? Что мне делать?

Лиат, мечась между чувством вины и ревностью, начала успокаивать ее, мысленно возвращаясь к их с Шахаром разговору. Галь все не утешалась, твердя ей о своей любви, о том, насколько она сожалела что проговорила ему о модельном контракте, что ей не надо было фотографироваться тогда, летом, на пляже, у незнакомого человека.

Сначала жалобы Галь вызывали у Лиат жалость, но потом ее переполнила жестокость. Подобно тому, как вид крови действует на раздраженного зверя, так подействовали на нее хныки подруги.

– Послушай, Галь, забудь про все, приоденься, возьми с собой кого-нибудь и отправляйтесь поразвлечься, например, в "Подвал", – произнесла она жестко и убедительно. – Выпьешь чего-нибудь, расслабишься, проведешь время. Потом все встанет на свои места.

– Ты так считаешь? – оторопела Галь.

– Я уверена, что это – лучшее, что ты сейчас можешь сделать, – хищно сказала Лиат. – Нечего тебе лишь бы переживать из-за того, что нельзя изменить.

– Лиат, у тебя все в порядке? – осторожно, исподволь спросила Галь, которой не понравилась агрессивность подруги.

– Я тебе уже сказала, что у меня все хорошо! – вскричала та, теряя терпение. – Но я не обязана решать за тебя твои проблемы с твоим другом и давать тебе советы, как бы тебе лучше привести свои нервы в порядок. Прислушайся ко мне, если у тебя нет лучших вариантов, а не хочешь – поступай, как знаешь.

Галь пробормотала нечто нечленораздельное, потом согласилась с Лиат, сказав, что последует ее совету сходить в «Подвал», и даже предложила ей составить ей компанию. Но Лиат отказалась под благовидным предлогом.

Только после того, как разговор двух подруг закончился, Лиат стало реально страшно. Галь, по ее совету, помчится сейчас в "Подвал", а там Шахар с друзьями, разбитый, издерган-

ный. Она столкнула их специально. Что с ними будет, когда они встретятся? Рука ее потянулась к телефону, но мысль о нелепости ее запоздалого звонка усмирила ее порыв. Слишком много было порывов на сегодня. Хватит! Жребий был брошен, как для влюбленной пары, так и для нее самой. Теперь ей ничего не оставалось, кроме как зашагать вместе с ними по гибельной тонкой проволоке.

* * *

Шахар был глубоко удивлен появлению в «Подвале», где у Рана проходило шумное праздничное застолье, Галь, Офиры и Лирон. Девушки заняли столик в другом конце ресторана, откуда их веселая мальчишечья компания была хорошо видна. Тотчас к ним поспешил официант, неся три меню и настольную свечку.

Первая мысль юноши была о случайном совпадении. Затем – о том, что Галь его преследовала. Но как ей удалось узнать, что он был здесь? Неужели от Лиат? Но, в той же мере, их появление в «Подвале» могло быть идеей неугомонной Лирон. Впрочем, какая разница! Однако надо же было им непредвиденно встретиться, да еще в такой день, когда все у него, буквально, валилось из рук! Помрачневший взгляд Шахара скользил по Галь с выражением бесконечного недовольства.

Галь тоже с упреком смотрела на своего парня. У входа в заведение, увидев его припаркованный мотоцикл, она аж оторопела. Почему это Шахар находился здесь? С кем? Но ее оторопь не шла ни в какое сравнение с тем чувством оскорбленности, какое она испытала войдя в «Подвал», где глазам ее предстал накрытый стол, за которым ее соученики, включая Шахара, что-то справляли. Как ей расценивать теперь его поступок? Ее любимый ни слова не говорил ей о своих планах на вечер. Напротив, он лишь делал вид, что безумно занят. Ей сразу же захотелось уйти, оставшись незамеченной, но гордость и желание во что бы то ни стало доказать Шахару свою независимость взяли вверх. Обменявшись парой-тройкой фраз с удивленными приятельницами, Галь двинулась к свободному столу, стоявшему поодаль от стола парней.

Пока они с другом пронзительно и сердито переглядывались, Хен, увлеченный спором с Янивом о том, какая футбольная команда выйдет в финал местной лиги, обратил внимание на появление одноклассниц. Он толкнул в бок Рана, виновника торжества, и повел головой в сторону девчонок.

Увидев свою бывшую, и решив, подобно Шахару, что та явилась сюда преднамеренно, именинник нахмурился. Приличия требовали теперь нарушить чисто мужской состав вечеринки, поскольку девчонки-то были свои, но юноше эта идея пришлась не по душе.

Движимые мужской солидарностью, ребята некоторое время не двигались с мест. Потом приличия взяли вверх.

Шахар, Хен и Ран Декель приблизились к столику девушек, уже принимавших свои заказы.

– Привет, – радушно сказал за всех Хен Шломи.

– Привет, ребята, – ответила Офира, улыбаясь. – Какими судьбами?

– У меня сегодня день рождения, – объяснил Ран.

Офира всплеснула руками.

– Поздравляем тебя! Извини, что мы без подарков.

Именинник улыбнулся, поблагодарил соучениц, и предложил им присоединиться к ним. Но Галь запротестовала.

– Спасибо, Ран, – сказала она, – но мы как-то не собирались, и нам неудобно.

Шахар, безмолвно стоявший рядом, пытался понять, чего она добивалась. Подразнить его?

– Бросьте глупости! – воскликнул Хен. – Какие стеснения? Мы приглашаем.

– Дайте нам еще минуту, – замяла неприятный момент Офира.

– Пожалуйста, – пожал плечами Ран, и с облегченной душой отошел от их столика.

Но, стоило юношам вернуться на свои места, Офира недовольно обратилась к Галь и твердо спросила ее, в чем проблема. Вслед за ней и Лирон, не ожидавшая встретиться в такой обстановке со своим бывшим, также подала голос. Если б она только знала, что Ран отмечает здесь свой день рождения, она ни за что не согласилась бы пойти. Разве Галь специально пригласила ее сюда?

Галь была полностью обезоружена и обескуражена. Совладав с собой, она отозвалась:

– Клянусь, я ничего не знала! Мне захотелось пригласить вас именно в «Подвал» потому, что я очень люблю это место. Только и всего. А с Шахаром, не скрою, у меня нелады. Мне бы не хотелось приближаться к нему.

– Тогда давайте уйдем отсюда, – засуетилась Лирон. – Немедленно.

– Поздно, – урезонила ее Галь. – Нам уже принесли заказы.

– Ну и что? Расплатимся и уйдем, – никак не угомонялась Лирон, и даже привскочила с места, демонстрируя этим свою готовность тотчас покинуть заведение.

Благоразумная Офира рванула ее за рукав и усадила обратно.

– Вот как раз сейчас это будет выглядеть нелепо и грубо, – сказала она. – Они уже видели нас, подходили, звали к себе. Если честно, я бы с удовольствием приняла их приглашение.

Галь всю передернуло. Подсаживание к мальчишкам совершенно не входило в ее планы. Она попыталась привлечь подруг на свою сторону, объяснив им свои мотивы. Но Лирон назвала ее эгоисткой, только о себе и думающей, а Офире это вскоре надоело.

– Вот что, – строго произнесла она, поднимаясь. – Мы ведем себя как последние дуры, и мне это не нравится. Я не знаю, как вы, а мне хочется хорошо провести время. И не надо мне устраивать истерик! Так что вы обе – как знаете, а я пошла на день рождения к Рану.

Она взяла свою тарелку и стакан с напитком и решительно двинулась к группе ребят. Лирон и Галь отчаянно уставились на нее, потом одна на другую. После недавней перепалки, продолжать вечер им вдвоем было невыносимым, да и расходиться казалось обидным. Обе девушки, каждая скрепя сердце, последовали примеру обычно скромной, покладистой Офиры.

– Мы тут все гадали, о чем вы так яростно спорили? Видели, все на вас оборачивались? – с улыбкой выпалил Янив, подвигаясь, чтоб дать место Офире. – Как дела, моя прелесть?

– Почему я не вижу среди вас Одеда? – ответила та, присаживаясь.

– Одед не самый близкий мой приятель, – сказал Ран. – Я его, разумеется, пригласил, но он сам уклонился, как ты понимаешь. – Он отхлебнул пива из бутылки и, взглянув на угрюмую Лирон, благодушно прибавил: – Ну, хватит дуться, ведь все же хорошо!

– Лучше поздравь нашего именинника! – залихватски прибавил Хен.

Лирон и Ран поцеловались, едва соприкоснувшись щеками. Лирон, хоть была обозлена на Галь, предпочла сесть рядом с ней, в пику Рану, осознавая, что они обе попали в похожую ситуацию.

Хен, видя напряжение друзей, предложил Рану продемонстрировать девушкам их подарки. Тот поднял с пола цветастые пакеты и стал раскрывать их. Среди всевозможных забавных предметов мужского использования заметно выделялась большая компьютерная игра в шикарной коробке, не из дешевых, от самого Хена. Приятельницы поразились.

– Какой отличный подарок, Хен! – не сдержалась Галь.

– Все для друзей, – самодовольно ответил тот, похлопав Рану по плечу.

– А это от Шахара, – с благодарностью произнес Ран, доставая мужские духи "Хьюго Босс".

У Галь чуть не брызнули слезы из глаз: те же самые духи, вместе с набором мужских средств по уходу за телом, она преподнесла любимому на его минувший день рождения! Она промолчала, с болью вспоминая о другой посиделке, в этом же заведении, когда Шахар впервые

зародил в ней мысль о том, что не все в их отношениях гладко. Как оказалось, та пирушка была лишь прологом к теперешнему кошмару.

– Что будете пить, девчонки? – деловито поинтересовался Янив.

– Мы уже пьем, – проронила Офира, которой стало вдруг неловко.

– Сок и молочные коктейли не считаются, – постановил Янив. – Заказывайте, мы угощаем.

– Мне поллитра "Стелла Артуа", – мгновенно выпалила Галь, чьи глаза внезапно засверкали. Она решила, что будет сегодня гулять.

– Мне тоже, – повторила за ней Лирон, но сухо.

– Что ж, тогда мне – за компанию, – присоединилась к ним Офира.

Молодые люди, кроме Шахара, сразу принялись расчищать стол от своих полулитровых пивных кружек, в нескольких из которых еще плескались остатки содержимого. Заодно, они решали, чего бы им самим еще заказать. Из-за резкого движения Авигодора, одна кружка упала и разбилась.

– Не страшно! – крикнул официант у стойки, тотчас схвативший метлу и подбежавший к ним.

– Ты уже и так в стельку пьяный, Авигодор, – засмеялся Эрез. – Куда тебе еще пить?

– Да, что-то рука дрожит, – согласился тот. На самом деле, его немного взволновало то, что Галь сидела с ним бок о бок.

– В кемпинге тебе будет легче, слабак, – утешил его Хен. – Там стол накроем прямо на земле.

– А это все откуда возьмем? – скептически спросил Авигодор, озирая бутылки и кружки. – Что, привезем с собой на грузовике?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Эрез. – И Галь положим туда, впридачу, – подмигнул он оживившейся соученице.

– Зачем сажать меня в грузовик? – вызывающе возразила она. – Я и так поеду.

– Правда?! – заулыбался во весь рот Авигодор.

– Правда, – твердо сказала Галь, и, в подтверждение своих слов, пару раз кивнула.

Хен машинально перевел вопрошающий взгляд на Шахара, который с появлением непрощенных участниц вечера отошел от общей беседы, и больше не заказал себе выпивки. Веселье приятелей не только не разгоняло его тоску, но и причиняло боль. Ему не нравилось то, как Авигодор пялился на Галь, и то, что сама Галь не желала в упор его видеть. Хотя девушка всеми силами старалась выглядеть подчеркнуто бодрой, Шахар прекрасно замечал ее истинное состояние. Он сидел раздосадованный и поникший, кляня на чем свет стоит себя и свою подругу, а также Хена, чьими стараниями у них с Галь назрел новый острый конфликт.

– Шахар, ты как? – спросил приятеля Ран Декель. – Может, тоже поедешь с нами?

Шахар не знал, радоваться ему или негодовать. Его, фактически, вынуждали к кемпингу. Натиск его бесшабашной компании, а особенно дерзость Галь, пробудили в нем черствость, которую парень обычно не распространял на близких.

– Посмотрим, – бросил он, зло косясь на вдохновителя поездки.

Уловив его недовольство, Хен густо покраснел и шепотом предложил ему сходить вместе в туалет. Шахар понял намек, но отрицательно мотнул головой. Ему сейчас было не до объяснений.

В то же время, Лирон, у которой никто не потрудился поинтересоваться о ее желании съездить в кемпинг, словно заведомо сговорясь с Раном, вся кипела внутри. Там, в кемпинге, соберутся все ее приятельницы, две из которых притащили ее сегодня в "Подвал", где показали во всей красе свой эгоизм. Но одна из ее приятельниц на ее глазах сходила с ума из-за своего горе-парня, а вторая, по-видимому, вошла во вкус их времяпровождения в мальчишеском обществе. Ничего, ехидно подумала Лирон, наблюдая за Офирой и Янивом, которые слишком

охотно разговаривали друг с другом и слишком тесно придвигались друг к другу на стульях, якобы из-за нехватки места, – на днях она все-все расскажет бедной Шири, и будет отомщена.

А веселье только разгоралось. Галь уселась боком к явно раздраженному Шахару, грациозно закинув ногу на ногу, и, очертя голову, ударилась в выпивку и в застольную болтовню. Вскоре ей удалось сосредоточить на себе внимание всех своих собутыльников, особенно самого опьяневшего участника вечеринки – Авигодора. Вела она себя развязно: обращалась ко всем, кроме Шахара, с бестактными вопросами, просила передавать ей соль, перец, салфетки. Ее, вроде, не затрагивало присутствие двух других соучениц, потому, что она знала свою цель и хотела достичь ее во что бы то ни стало. Впрочем, насколько она видела, Офира не была обделена вниманием, а на Лирон ей было наплевать.

Сначала компания долго делилась школьными сплетнями. Потом посыпались пошлые анекдоты, вызывавшие шквалы смеха. Когда закончилось пиво, им захотелось чего-то покрепче. Все, кроме злосчастных двоих, сидели уже вразвалку и не слышали тембра своих голосов. Парни стреляли друг у друга сигареты, расстегивали свои рубашки, говорили, уже не особо выбирая слова. К их всеобщему изумлению, Галь ничуть от них не отставала, кроме того, что не курила.

Хен набрался ничуть не меньше остальных, но страх перед творившимся на его глазах заставлял его держаться, затягиваясь буквально каждые несколько секунд. Он смотрел на разошедшуюся Галь, на окаменевшее лицо ее друга, и не ждал ничего хорошего. Будь он хозяином торжества, то быстро нашел бы выход, но этот вечер принадлежал Рану, который плыл от спиртного и восторга. Опрокинув стопку текилы, именинник заявил, что, знай он заранее что его вечеринка так отменно пройдет в смешанном обществе, то обязательно позвал бы и Шели, и Шири, и других девочек.

– Я виноват, – твердил он Хену. – Это была моя неудачная идея – устроить мальчишник. Надо было быть беспристрастным.

– Ты и был беспристрастным, – подправил его Янив. – Ты просто хотел в свой день рождения хорошо оттянуться. Представь себе, что все явились бы парами. Разве обстановка была бы тогда такой же непринужденной, как сейчас, и сумел бы ты так напиться?

В его высказывании было немало цинизма. Ведь двое из находившихся за столом и были парой!

– Да брось, мы же все свои! – запротестовал Эрез, недоумевая, куда клонит его товарищ.

– Я знаю, что говорю, – возразил Янив, еще ближе придвигаясь к Офире и кладя ей руку на спинку стула. – Рядом с другими девчонками – еще куда ни шло, зато когда приводишь свою подружку – все меняется.

Лирон тотчас захотелось вцепиться соученику в физиономию, но она удержалась, старательно запоминая его высказывания ради своей справедливой мести.

– Это смотря, какая у тебя подружка, – заметил Хен, затягиваясь еще одной сигаретой. – У меня с Шели не возникло бы никаких таких проблем. Она не только выпивает, как мы, но и играет в бильярд.

– Что? Шели умеет играть в бильярд? – восхитились парни.

– Да, я научил ее... на свою голову... теперь она меня побеждает.

Стол взорвался от хохота. Ран заметил, что женщинам палец в рот не клади – откусят всю руку.

– Разве вас это чем-нибудь оскорбляет? – надменно спросила Галь, зазывающе одернув свою вельветовую юбку, скрыв стройную ногу в прозрачном чулке, от которой до сих пор не мог оторваться похотивый взор Авигодора.

– Да ничем, просто есть некоторые области, которые мужчины предпочитают оставить себе, – попытался объяснить ей Ран.

– Значит, если я попрошу вас научить и меня в бильярд, вы откажете мне в моей просьбе? – упорствовала Галь.

– Ты можешь попросить об этом своего друга, – увильнул Ран.

– С Шахаром я поиграю на равных, когда наберусь опыта, – выпалила девушка.

Шахар обомлел. Все то, что Галь вытворяла тут до сих пор, расценивалось им как ее вопиющая глупость, вызывавшая у него глухую злость и горькую насмешку. Но эти ее слова... Неужели его девушка бросала ему вызов? Именно сейчас юноша не на шутку испугался, почувствовав, что их обоих уносит какой-то безумный вихрь и ситуация выходит из-под контроля. Лицо его залилось краской, руки сжались в кулаки. Казалось: еще секунда, – и он вlepит Галь пощечину.

Но Хен попытался спасти положение в последний момент, и, крепко наступив товарищу на ногу, вмешался со всем своим даром убеждения.

– Не советую, Галь. Ты разве забыла, как Шахар трижды подряд выиграл у меня? Наверно, я опрометчивый игрок, и поэтому Шели меня побеждает. Но ты – не Шели. Тебе придется очень много тренироваться, чтобы составить Шахару достойную партию, – четко выговорил он, играя на ее самолюбии.

– Ну, что ж, в таком случае, я буду тренироваться с Шели, – решительно парировала Галь. Она поднялась и оглядела потрясенных ее наглостью парней: – Кто хочет стать моим учителем?

– Я! – вскочил обрадованный Авигдор. – Идем, красавица!

И они на глазах у всех направились в бильярдную: Галь Лахав – кокетливо поваливая бедрами, Авигдор – сияя от счастья.

– Ишь, принцесса! – мрачно бросила Лирон, исподлобья глядя вслед удалявшейся паре.

Но на ступеньке, отделявшей бильярдную от бара, юноша пошатнулся и инстинктивно схватил за талию свою спутницу. Та машинально поддержала его и прижалась к нему.

– Эй, Авигдор, что ты себе позволяешь?! – крикнул похолодевший от ужаса Хен.

– Отвяжись! – рявкнул тот, не озираясь.

– Он пьян, не обращай внимания, – прошептал Хен Шломи Шахару, и вцепился в его плечо.

Но Шахар Села потерял самообладание. Он выругался, оттолкнул Хена, и, ринувшись вслед за ушедшими, громко крикнул с порога бильярдной, заставив всех игравших прервать на мгновение свои партии:

– Галь! Подойди ко мне!

Девушка, уже принимавшая поднос с шарами, тотчас замерла на месте. Возглас возлюбленного подействовал на нее отрезвляюще. Бросив сконфуженного одноклассника, с замиранием сердца, она приблизилась к разъяренному другу. Тот потащил ее в коридор, где располагались туалеты, и, прижав спиной к стене, с силой схватил за запястье.

– Зачем ты сюда явилась? – яростно зашипел он. – Насолить мне? Позлить меня? Вызвать мою ревность, да? Смешно! Ты сейчас выглядишь жалкой, ободранной и бесхвостой кошкой!

– Пусти, мне больно! – застонала девушка, умирая от страха перед этим ужасным монстром, в котором не было ничего от ее ласкового, нежного молодого человека.

– Не пущу, пока не объяснишь, к чему были твой приход сюда и все твои выходки!

В глазах несчастной засверкали слезы от боли и от обиды. Это был какой-то страшный сон!

– В чем твоя проблема, Шахар? – сквозь плач оправдывалась она. – Я вовсе не преследовала тебя, я даже не знала, что ты здесь находишься! Я позвала Лирон и Офиру приятно провести вечер втроем в этом месте, поскольку здесь мне больше всего нравится. Чем тебя расстроило это совпадение? Разве ты нарочно скрылся от меня, как вор, похитивший мое доверие? Или, может, ты думал, что я отныне буду только сидеть дома в ожидании твоих звонков? Дурак! Эгоист! А насчет моих выходок, вот что я тебе скажу: да, я хотела тебя разозлить, для

того, чтоб ты понял, насколько мне нужно внимание, твое внимание! – визгливо подчеркнула она. – И, если у тебя сейчас дурное настроение, или тебе в принципе не до меня, то, хотя бы, не будь таким собственником! Я хочу гулять и общаться с ребятами. Те, с кем я общалась при тебе – такие же мои друзья, как и Офиры, и Лирон, и я буду общаться с ними и дальше, даже если ты против!

Шахар, пораженный в самое сердце, выпустил кисть подруги и в бессилии сел на корточки. Черт побери, Галь вновь выплеснула ему в глаза всю правду! Его равнодушие в отношении к ней в последнее время в который раз бросилось парню в глаза. Они же оба катятся вниз по наклонной!

Галь стояла рядом, оперевшись спиной о стену, и, жалобно потягивая носом, массировала руку.

– Прости меня, – раскаянно произнес юноша. – Прости, моя милая, мне очень жаль.

Он встал, очень бережно взял руку девушки, и прижался губами к ее запястью.

Эта вымученная ласка растопила сердце бедняжки. Она обняла голову своего любимого и разрыдалась, чувствуя, как вместе со слезами вытекали ее душевные силы, оставляя место одной только боли. Парень, столь же потерянный и потрясенный, как она, гладил ее всклокоченную шевелюру.

– Пойдем отсюда, – умоляюще всхлипнула Галь.

– Сейчас? – спросил он.

– Да, прямо сейчас. Нам надо о многом поговорить.

Поговорить... Юноша настолько боялся говорить с подругой об их отношениях, не имея ничего определенного ей сказать, что робкая просьба Галь прозвучала для него как открытая угроза. Он уклонился, сославшись на ожидавшую их компанию и на их чрезвычайную взвинченность, сведя все к обещанию поговорить в другой раз.

– Другого раза может и не быть, – сказала Галь, ощущая, что Шахару, действительно, не до того.

Тот лишь молча издал тяжкий вздох, не рискуя что-либо ей ответить.

Они скрылись в туалетах и порознь вернулись к заметно притихшей компании. По выражению их лиц всем все стало ясно, но никто ни о чем не решался спросить, особенно забившийся в угол разочарованный, сгорающий от стыда Авигодор, и черный от нервов и от сигаретного дыма Хен. Сабантуй еще недолго продолжался, но был безнадежно испорчен, так как Галь и Шахар сидели как сычи, повергая всех в смятение.

Глава 11. Разоблачение лиат

Скандалная вечеринка, как ни странно, пошла Шахару на пользу. Он освободился от злобы и агрессии, и снова стал испытывать тоску по тому упоительному состоянию, которое сам же разрушал. Парень немедленно принялся активно ухаживать за Галь, словно завоевывая ее вновь.

Уже на следующий вечер после именин Рана, он явился к ней домой без предупреждения, с роскошным букетом бордовых и белых роз, и повел в другое место, где любящие поужинали при свечах в романтической обстановке. В школе он не расставался с ней ни на миг, и был с ней самой воплощенной нежностью.

У Галь точно камень упал с души. Девушка сияла от счастья, и ни от кого не скрывала своего приподнятого настроения. Только лишь Лиат не знала, радоваться ей, или разочаровываться. С другой стороны, она уже ничему не разочаровывалась, будучи твердо убежденной, что с этими двумя случится ровно то, что должно случиться.

Тем временем первая сессия в этом учебном году подходила к концу. Обалдевшие и дико уставшие от интенсивности экзаменов и их количества школьники уже мечтали о каникулах, до которых оставалась неделя. Но, напоследок, им предстоял экзамен по математике, обещавший быть не из легких. Это был любимый предмет Лиат. Она всегда была к нему прекрасно подготовлена, и собиралась и сейчас сдать его на высший балл. В день экзамена она явилась в школу в боевом расположении духа и с обновкой: с ее ранца свисал довольно большой брелок-игрушка в виде очаровательного небесно-голубого зайчонка.

День выдался не по-декабрьски теплым, и, волей случая, как раз накануне экзамена отменили один из уроков. Шели, Галь, Лиат и Шири, девушка Янива, использовали это окно и вышли подышать воздухом на заднем дворе, решив, что им необходимей расслабиться перед экзаменом, чем использовать еще и этот час на подготовку, которая, непременно, доставит им лишнюю нервозность. Они оказались не единственными, кто наслаждался вместе с ними ясной и сухой погодой: там же, неподалеку, прохаживалась, точно высматривающая себе жертву охотница, ненавистная Мейталь Орен, "королева шпаны", задумчиво дымя сигаретой. Но внимания на нее, конечно же, не обращали.

Девушки уселись в кружок на бетонной площадке возле склада и подставили лица солнышку. Лиат подложила под голову ранец, и то и дело теребила в руках брелок. Соученицы умилялись чудесному зайчику, и в один голос спрашивали, откуда он.

– Это подарок Томера, – лукаво отозвалась девушка. – Вчера мне пришла от него посылка.

– Какой молодец! – воскликнула Шири. – Мой разгильдяй уже давно ничем меня не балует, – прибавила она со вздохом.

Само собою, у Лирон так и не хватило смелости красочно оповестить ее обо всех шалостях и вольностях Янива в «Подвале», как она собиралась сделать, но зато она разругалась с Офирой, а Офире, в свою очередь, стало неприятно общаться с Галь. Янив же все это время вел себя чисто "по мужски", то есть, не подавал вида что что-то произошло.

– На мне тоже есть кое-что новенькое, от Шахара, – томно протянула Галь, потягиваясь.

– Ишь ты, – засуетились приятельницы, – и что же это такое?

Галь, приподняла свитер и нарочито застенчиво обнажила часть лифчика сексуального алого цвета, из атласной ткани и с кружевами.

– Ах, какой шикарный лифчик! – затараторили девчонки, прильнувшие к ней чтоб получше разглядеть. Шели даже запустила руку и пощупала материю. – Супер качество! Где вы его покупали? Сколько стоил? Вместе выбирали?

– Эти вопросы не ко мне, – с сознанием своего превосходства засмеялась обладательница лифчика. – Шахар сам покупал мне его. Где и почему – не имею ни малейшего понятия.

– Это ж надо, – не без сожаления молвила Шири. – Янив до сих пор не выучил мои размеры. Думаю, он просто не хочет их запоминать.

– Разве так бывает? – удивилась Лиат, делая заинтересованное лицо. – Вы же давно вместе.

– Ну, не очень... не так давно, как Шахар с Галь.

– Как бы мне хотелось, чтоб мой Томер узнал мои размеры тоже и когда-нибудь подарил мне нижнее белье. Это так романтично! – размечталась вслух Лиат, снимая зайчика с бретки и прижимая его к груди.

– Подарит, никуда не денется, – заверила ее Шели. – Все начинается с игрушек.

Она легко погладила голубую шерстку игрушки и начала перечислять свои любовные трофеи. Ее первый подарок – слоненок – был от Дорона. Это было так давно, что она уже не помнила, где этот слон сейчас находился. Возможно, он потерялся во время ремонта квартиры. Потом ей надарили еще много всего, – от белья до дезодорантов и кремов для тела, использованных ею по полной программе. Но прежде у нее было много разных парней, а теперь – один только Хен, ревнивец и сорвиголова. О своем друге девушка высказалась ворчливо, но с улыбкой, давая всем понять о своих чувствах.

– Ты его любишь, – также, с улыбкой, заметила Лиат, обнимая подругу, – а он любит тебя.

– Наверно, – согласилась Шели, надув губки.

Она взяла пачку "Л&М", и, поднеся огонек к сигарете, спросила Лиат, когда же она, наконец, познакомит их с Томером, который шлет ей такие посылки.

– Какая ты нетерпеливая! – вспыхнула та. – Разве я вам не повторяла неоднократно, что сама вижу с Томером от случая к случаю? В конце концов, откуда такое любопытство?

– Боишься, мы его отобьем? – прыснула Шири.

– Ничего я не боюсь! Просто подходящий момент еще не настал, – хмуро бросила Лиат.

– Оставьте ее в покое! – лениво вмешалась Галь, которую все еще коробила собственная бестактность, недавно допущенная по отношению к подруге детства. – Лиат сама решит, когда познакомить нас со своим парнем. Зачем вы лезете ей в душу?

Лиат Ярив поблагодарила ее кивком головы и вновь заиграла с зайчиком. Все смолкли.

Вдруг раздался шаг. Это была Мейталь, слышавшая весь разговор.

– Эх, – насмешливо произнесла она, подходя к ним, – какие же вы наивные дурехи! Какими же слепыми надо быть, чтоб так попасться!

Вся четверка недоуменно уставилась на нее. С какой это стати эта бабища, этот "второй сорт" в классе, столь бесцеремонно встревала в их беседу? Шели Ядид, в некультурных выражениях, попросила ее уйти.

– Я уже уйду, – спокойно ответила Мейталь, – потому, что мне просто тошно наблюдать, как вы доверчиво выслушиваете бессовестную ложь этой жалкой уродки и поддерживаете ее.

– Это кто тут уродка? – негодуяще вскричала Галь. – Лиат? Сейчас же извинись!

Она вскочила и встала между обидчицей и Лиат, прикрыв последнюю собой. Глаза ее метали молнии. Лиат, лишившаяся дара речи, инстинктивно спряталась за ее спину.

– Ну, защищай ее, защищай! – пожал плечами обидчица. – Она все время врет тебе в лицо и не краснеет, а ты еще ее выгораживаешь? Ха-ха-ха! Какая горькая ирония! Да нет у нее никакого парня! – постановила она, как отрезала, повысив голос. – Ее парень существует в одном ее воображении.

Трое девушек машинально перевели ошеломленные взгляды на одноклассницу. В головах у них мысли путались. Нет, не могло этого быть! Мейталь, наверное, приспичило разозлить их. Ведь она и ее прихвостни – Наор, Моран, Тали и другие – всегда испытывали к их компании самые «теплые» и «светлые» чувства, какие только могло испытывать сборище «князей из

грязи" к интеллигентным соученикам. Им никак не приходило в голову, что Лиат, заставившая их всех поверить в то, что тесно общается с новобранцем по имени Томер, оказалась притворщицей! Стоило лишь посмотреть на нее, чтоб тотчас встать в ее защиту: бедная девушка выглядела до невозможности оскорбленной, растерянной и напуганной.

– Ты сперва докажи, а потом утверждай! – потребовала от Мейталь Галь Лахав.

– А доказывать нечего, – раздалось в ответ. – Ну, поглядите на нее: у нее повадка вруньи! Она бегаёт глазками, хватается за предметы и говорит какими-то загадками. Она и теперь стоит, как вкопанная, не раскрывая рта, пока вы на меня орете. У нее все всегда делается чужими руками.

– Этот заяц, – настойчиво проговорила Галь, выхватив у Лиат игрушку и тыча ею прямо в нос Мейталь, – подарок ее друга. Довольна?

– Пусть у нее будут хоть сто тысяч зайцев, медведей и собачонок, она все равно вам лжет, – безжалостно упорствовала та. – Я уже очень давно внимательно наблюдаю за ней, в отличие от безразличных вас. Если бы у нее и впрямь появился друг, то вся ее повадка изменилась бы в одночасье. Ни у одной из вас, кретинки, нет такой же повадки, как у нее, потому, что вас уже успели трахнуть, а к этой – тыкнула она пальцем в сторону Лиат Ярив, – никогда не прикоснется ни один нормальный парень, и она прекрасно знает это. Вот она и выпендривается, чтобы весу себе придать. А вы клюете. Ха-ха-ха! И вообще, между нами-девочками: когда у нас и впрямь есть серьезный мужчина, мы стараемся об этом не болтать, а просто этим живем. У нее же – одна болтовня. Пораскиньте мозгами! Одна пустая болтовня!

Оцепеневшая, униженная девушка не знала, что ей делать и куда себя девать. Черные глаза ее беспомощно блуждали от одной подруги к другой, прося у них заступничества. А те, порядком раззадоренные наглостью и жестокостью "королевы шпаны", были готовы, в любом случае, не мешкая разорвать ее на куски. Посмотрите-ка на нее! Никто ее не звал, не приглашал, а она вторглась с обвинениями и в их адрес, посеяла смуту и собирается уйти как ни в чем ни бывало! Сука!

Шели Ядид, заглушив сигарету ногой, вплотную приблизилась к Мейталь и пригрозила, чтобы та теперь держалась от них подальше.

– Вот ты и отойди, – осадил ее та, разминая свое крупное тело в джинсовом комбинезоне. – Сколько духов ты сегодня на себя вылила? Три флакона или два? – подразнила она ее, показно сморщив нос. – От тебя разит. Видимо, твои сильные запахи заглушают ароматы других мальчишек, с которыми ты шатаешься, и поэтому прямолинейный Хен все еще с тобой.

Шели хотела наброситься на мерзавку и задушить ее, но Шири и Галь удержали ее. Это было непросто, так как Шели вырывалась и кричала, что Мейталь поедает зависть, потому, что она – шантрапа, дешевка и хамка, и наверняка загремит в какой-нибудь бордель, где ее будут трахать такие же дебилы, как она сама.

– А что, по-моему, неплохо, – с издевкой молвила Мейталь. – Люблю потрахаться.

– Да чтоб тебе от СПИДа сдохнуть! – в гневе бросила ей Шели.

Мейталь презрительно хмыкнула и удалилась под резкий звук звонка, возвестившего о начале экзамена. Четверка приятельниц вошла в здание школы через другую дверь. Несмотря на то, а, может, как раз благодаря тому, что Лиат семенила рядом с ними в жуткой подавленности, ни Галь, ни Шели и ни Шири не собирались обсуждать произошедший инцидент. Инцидент, не стоящий, на самом деле, их внимания.

Не успела Лиат приступить к экзамену, как она уже знала, что непременно провалит его, даже несмотря на свою блестящую подготовку. Она была не в силах собраться, сосредоточиться хотя бы на одной из задач, вспомнить элементарные, десятки раз заученные правила. Ее ручка летела по форме чисто механически, превращая графы для решений в черновики, а поля – в шпаргалки. В конце концов, она первая сдала свою галиматью задолго до того, как время экзамена вышло, и начала бесцельно кружиться по коридору.

Последним предметом в тот день была физкультура. Утомленные экзаменом ученики гурьбой хлынули в раздевалки, оживив своим шумом притихшую в послеполуденный час школу. Сейчас было самое время размяться и проветрить мозги, забыв о жестком графике зубрежки до начала зимнего семестра.

Галь и Лиат делили в раздевалке один шкафчик, и обычно переодевались рядом. Тем более, что Лиат нередко смущенно просила подругу прикрыть ее, так как ей было неудобно снимать с себя одежду наряду с рослыми, физически развитыми одноклассницами. Об этом же она попросила Галь и теперь. Однако Галь с удивлением заметила, что Лиат не только стояла к ней спиной, но и прятала от нее лицо, чего никогда не бывало раньше. Проникаясь удрученным настроением подруги, и желая хоть как-то приободрить ее, она жестом руки поманила ее за собой на лестничную клетку. Там, глядя ей в глаза, твердо сказала:

– Послушай, Лиат. Если ты сама не своя из-за этой суки Мейталь, то я и Шели пожалуюсь на нее завучу. Эту шпану и так уже давно не мешало бы приструнить. Нанесенное тебе оскорбление, на мой взгляд, – вопиющий случай, и нельзя оставить его незамеченным.

– Ваша жалоба лишь раззадорит Мейталь, – отклонила ее предложение Лиат, потупя взгляд. – Она вам этого не простит.

– Ни у кого из нас нет причины ее бояться, – упорствовала Галь, которой было важно во что бы то ни стало утешить подругу детства. – Кто она, вообще, такая? Хочешь ты того, или не хочешь, я все равно отправлюсь к завучу и покажу этой скотине!

– Даже не думай! – пресекла ее та со страхом.

Галь остыла на мгновение, смущенная паникой Лиат, и, одумавшись, спросила:

– Тогда как я могу тебе помочь?

Девушка оглядела лестничную площадку, где они стояли, и спуск в спортзал, вспомнила свой ужасный праздник в честь начала года, происходивший в этих местах, и внезапно оробела перед участливостью Галь.

– К сожалению, Галь, ты ничем не сможешь мне помочь, – отозвалась она, очень глухо.

Одед Гоэль, промелькнувший в приоткрытой двери мужской раздевалки, случайно услышал их разговор и замер на месте, прильнув головой к косяку. Но обе девушки не заметили приятеля. Галь напряженно вглядывалась в подавленное лицо той, которой привыкла во всем доверять, и внезапно у нее вырвалось:

– Неужели Мейталь говорила правду?

– Да, – коротко вымолвила Лиат, холодея, после длительной паузы.

Галь отпрянула, будучи не в силах совладать с вихрем мыслей и эмоций. Одед предупредил ее, она сама не раз сомневалась, то есть, хотела засомневаться, но, все же, не позволяла себе так обидно вести себя по отношению к этой девчонке. Теперь она сбилась с толку.

– Зачем?! – только и сумела она произнести. – Зачем ты выдумала все это?

– Мейталь сама дала тебе ответ, – прорвало Лиат, словно она бросилась в ледяную воду. – Я хорошо запомнила то, что Шели говорила тогда в «Подвале». Что, когда за девушкой, – за любой, – подчеркнула она, – девушкой начинают ухаживать, то и окружающие на нее иначе смотрят. Вот я и решила проверить вас. Могу заметить: мои ожидания оправдались, что лишь лишний раз показало мне, какие мы все ханжи.

– Но этот заяц, эта посылка...

– Я купила его вчера в городе, Галь.

Галь устала на нелепо оправдывающуюся перед ней подругу, переваривая ее неожиданное откровение, и, совершенно против воли, рассмеялась ей в лицо. Этим она как бы выражала свое искреннее недоумение, отчего Лиат взбрело в голову устраивать им проверки. Им, которые были ей как братья и сестры?

Но ее смех уязвил Лиат куда больней, чем оскорбления Мейталь. Этой красавице, с ее наивной душой, было невдомек, сколько всего ей пришлось перетерпеть и передумать, прежде

чем она решилась на такой рискованный блеф. Совсем, совсем не это входило в ее планы! Она собиралась потянуть еще чуть-чуть, после чего самой сообщить всем, что они с Томером были вынуждены расстаться. Никто бы тогда даже носа не подточил! Но сейчас, когда ее так непредвиденно и жестоко разоблачили, девушка поняла, что должна уже готовиться к не заставляющим себя ждать издевкам и насмешкам всего класса. А Галь хохотала... Какая же она после этого подруга?

Слезы наполнили глаза Лиат и заструились по щекам. Увидев ее слезы, Галь тут же смокла.

– Я не хотела тебя обидеть, – испуганно затараторила она. – Я действительно не поняла, для чего ты так поступила? Ради чего? Ты же всегда прекрасно знала, что мы любим и ценим тебя как личность. Этот Томер... просто какой-то абсурд!

И она попыталась обнять Лиат.

– Абсурд? Абсурд? – воскликнула Лиат сквозь плач, оттолкнув ее. – Да что ты знаешь? Что ты вообще понимаешь в жизни?

– Тогда объясни, – очень вкрадчиво сказала Галь, боясь малейшего неловкого словца. – Я обещаю, что все пойму. Давай сходим куда-нибудь после урока и ты мне все объяснишь.

Лиат пробрала ярость. После всего, что произошло, она не собиралась никому ничего объяснять, особенно этой обласканной всеобщим вниманием и Шахаром «принцессе». Размазав слезы по лицу, она черство произнесла:

– Оставь меня!

После чего резко повернулась и кинулась вверх по лестнице.

– Лиат, Лиат, вернись, куда ты? – раздался сзади голос Галь. – Начинается урок!

Куда там! Девушка опрометью бежала по пустому коридору, как была, в спортивной форме, по направлению к выходу из школы, задыхаясь от обуревавших ее оскорбленных чувств. А следом за ней – Одед, тоже изрядно потрясенный всем услышанным и нашедший в словах Лиат самое точное подтверждение своим предчувствиям, о которых он недавно высказался Галь и встретил ее полное неверие.

Лиат уже выбежала из школы и устремлялась к скверу, в котором и догнал ее Одед. Он схватил ее за локоть и развернул лицом к себе.

– Откуда ты взялся? – испугавшись, вскричала Лиат.

– Не беспокойся, я хочу поговорить с тобой, – задыхаясь, ответил юноша.

– Поговорить? О чем?

– Прости, Лиат... из моей раздевалки все было слышно.

– Не может быть!.. – пробормотала девушка, пытаясь совладать с новым ударом. – Кто еще слышал, кроме тебя? – спросила она погодя.

– Вроде, никто, – неловко произнес Одед.

– И что тебя интересует сейчас?

– Я просто хочу понять то, что ты не захотела объяснить Галь.

Лиат, с разгоряченным от бега лицом, с высохшими слезами, металась, как опавший лист на ветру, в ужасе думая о созданном ею положении. Одед, такой же растерянный, переминался с ноги на ногу. Оба не ощущали холода в своей легкой спортивной форме.

– Никогда не прощу ее, никогда! – озлобленно верещала Лиат надтреснутой скороговоркой и отчаянно жестикулируя. – Она нанесла мне удар ниже пояса. Слышал ли ты ее смех, ее фразы? Видел, как она оставила меня одну вместе с началом урока? Ведь это она должна была быть рядом со мной сейчас вместо тебя!..

Разъяренная девушка не умолкала, сыпля в адрес своей подруги один упрек за другим. Одед внимал ей с замираньями сердца. При каждом новом окрике Лиат оно болело еще сильнее.

– Не представляла я, что это будет так жестоко! – наконец, заключила она. – Как мне теперь вернуться в класс? Стать там мишенью для всеобщих насмешек?

– Но ведь все равно придется! – вразумительно произнес Оед. – О чем ты думала, когда затеяла свой фарс? Я всегда знал тебя как человека, отвечающего за свои поступки.

Девушка промолчала и опустила на скамейку, поддавшись вперед всем телом и зажав руки между коленями. Что она объяснит сейчас этому праведнику? Что с ранней юности она жила в тени Галь, тайно любила Шахара, терзалась бессильной ревностью и угрызениями совести, но упорно молчала, молчала во имя их дружбы, прикрывшись маской круглой отличницы и веселой собутыльницы? И что, в решающий момент, когда она предприняла безумную попытку дать всем понять о самом большом своем желании – быть любимой, Галь, буквально, ее оттолкнула? Эта наивная душа рассудила ее по ее поступку, и только. Ей и в голову не пришли мотивы этого поступка, да и навряд ли придут, ибо слишком уж в ее жизни все хорошо складывается. Галь – простодушная эгоистка! Куда уж ей до понимания того, что испытывает такая коротышка и уродина, как она?

Оед подсел к приятельнице на некотором расстоянии и осторожно изрек:

– Что бы там ни было, Лиат, мне кажется, ты сейчас необъективна. Ты же всех обманула! Любой из нас был бы в шоке. Что ты хотела услышать от Галь? Поставь себя на ее место. Как она сможет отныне тебе доверять?

Лиат пристально на него посмотрела.

– А почему ты ее защищаешь? – проговорила она с подозрением. – Кто тебе такая Галь?

Молодой человек оторопел, испугавшись, что выдал себя. Поколебавшись, он сказал, что Галь ему никто, просто ему, как члену их шестерки, их неразлучной шестерки, – подчеркнул он, – хотелось бы восстановить справедливость.

– Галь глубоко меня обидела, – хрипло раздалось в ответ. – Я выскажу ей все, что думаю.

– Гнев – не лучший советчик, – вновь совершил попытку Оед выгородить свою любимую. – В том, что Галь рассмеялась, нет ничего особенного: ведь смех – это просто инстинкт.

– Вот именно, – резко возразила девушка, оборачиваясь к соученику. – Инстинкты исходят из подсознания, а оно, не в пример нашему эго, никогда не лжет. Если Галь смеялась, видя, насколько мне плохо, то вот, как она относится ко мне на самом деле!

– Галь тебя обожает! – воскликнул Оед, у которого мороз пробежал по коже.

Теперь настал черед Лиат надрывно фыркнуть, потому, что рассмеяться у нее не получилось.

Заскрипела ветка сосны, прогнувшись под внезапным порывом ветра, и с нее, громко каркая, слетела ворона. Друзья обратили внимание на улетающую птицу, и лишь сейчас почувствовали, насколько они замерзли. Юноша предложил зайти в помещение, но Лиат отрицательно мотнула головой. Ей казалось, что как только она переступит порог школы, то сами стены в ней, при виде нее, начнут злорадно хохотать.

– Мы пропускаем урок, – молвил юноша, пытаясь вернуть соученицу к действительности.

– К черту этот урок! – сердито бросила Лиат – Я больше туда не вернусь. Если хочешь, – прибавила она в сердцах, – возвращайся сам, я не держу тебя. Я не просила тебя быть со мной, так что можешь не стесняться.

На самом деле, в глубине души, она радовалась, что с хоть кто-то изъявил желание понять ее и поддержать в такую трудную минуту.

– Что за глупость! – воскликнул Оед. – Что за разговоры? Как это ты не вернешься?

Лиат упорствовала, повторяя, что она не вернется в класс в ближайшее время, потому, что ей понадобится долго размышлять над тем, что произошло и решать, как впредь вести себя с Галь.

– Лиат!

Молодой человек, движимый внезапным порывом, приподнял лицо соученицы за подбородок, так, что покрасневшим глазам ее было негде укрыться, и настойчиво проговорил:

– Поклянись мне всем, что тебе свято, что твоя злость и ярость к Галь вызваны только этим случаем, что нет между вами какой-то тайной вражды! Послушай меня внимательно! Я знаю, что говорю: если ваши отношения разорвутся, то пострадаем все мы! Все мы! Мы, шестеро, – ты, я, Галь, Шахар, Хен и Шели – скованы единой цепью, и нельзя допустить, чтобы хотя бы одно звено нашей цепи разомкнулось. Лиат, это звучит жестоко, но прошу тебя: не заставляй нас страдать оттого, что вы с Галь вдвоем что-то там не поделили!

Лиат была оглушена. В пылу отчаяния, она не задумывалась о последствиях своего будущего шага. А они были бы для нее самыми скверными. Расстаться с Галь означало лишиться общения с Шахаром, а этого Лиат решительно не пережила бы. Она привыкла насыщаться даже крохами с барского стола, подобно тому, как наркоман насыщается крохами своего порошка.

Ничего не сказав, она оторвалась от приятеля и уныло заходила взад-вперед по скверу, озирая его потухшими глазами.

– Что мне делать? – сдавленно обратилась она к пространству спустя короткое время.

– Мне кажется, ты просто должна быть честной, – предположил Одед, который тревожно следил за ней в ожидании того, что будет дальше. – После урока подойди к Галь и Шели, и откровенно расскажи им о причинах твоего поступка, ничего не боясь. В конце концов, придумать себе парня – не самое постыдное дело, и они прекрасно это понимают.

Быть откровенной!.. О причинах!.. Лиат Ярив боялась этого больше всего на свете.

– Одед, а ты что думаешь об этих... моих причинах? – запинаясь, спросила она у товарища.

– Что ты, возможно, очень одинока, – с колебанием промолвил тот.

Девушка подняла на него взгляд, в котором снова засверкала влага. Вот тот единственный, кто понял, разглядел ее! Спазм сдавил ей горло, и она с трудом проговорила слово благодарности.

– Лиат, прошу, не обижайся, – опять заговорил решившийся Одед, – но я обязан понять кое-что... – он встал рядом и почти шепотом произнес: – В ту ночь, на празднике, когда ты пыталась меня соблазнить... если бы я тогда ответил тебе взаимностью, то ты бы не стала придумывать этого Томера?

Лиат затряслась всем телом, уронила на руки голову, и горько заплакала.

Бедняга Одед машинально обнял плачущую и стал утешать ее.

Все внутри у него горело. Лиат – прохвостка, аферистка, манипулирующая чувствами людей, но чего у нее не отнимешь, это ее дерзости. Она не смогла в жизни добиться желаемого, но пошла в обход и выдала желаемое за действительное. Она оказалась, временно, на высоте. Весь класс, больше месяца, безоговорочно принимал за чистую монету рассказы этой пигалицы о ее молодом человеке, и смотрел на эту самую пигалицу как на состоявшуюся девушку. А он, несчастный правдолюб, изнывающий в своем безнадежном чувстве к Галь, никогда бы не додумался до такого! Ему бы впору поучиться у Лиат и напести Галь про мифическую Эфрат или Ади. Какая разница, каким именем он ее наречет! Но у него, увы, был другой характер, в силу которого ему, по-видимому, всегда было суждено терпеть одни лишь поражения.

Когда Одед отвлекся от своих мрачных мыслей, то почувствовал, что рукав его был мокрым от слез приятельницы. Та, тем временем, немного успокоилась. Оба переглянулись со смущенными лицами, ощущая себя совершенно разбитыми. Лиат было тяжело сознавать, что Одед все увидел и все понял, однако он помог ей своим участием. Он всегда понимал ее лучше других, так как их обстоятельства были похожими.

В глубине здания школы раздался звонок. Лиат содрогнулась. Пробил ее час! Ей предстояло вернуться в раздевалку забрать свои вещи и встретиться там с одноклассниками. Одед, видя ее страх, вкрадчиво предложил самому сходить за ее вещами. Но Лиат воспротивилась:

дружище Одед уже предостаточно, без всякой надобности, встрял в эту гадкую историю. И она отважно двинулась в путь.

Но, еще не успев дойти до раздевалок, друзья столкнулись с Мейталь, Моран и Тали.

– Вот идет обманщица! – заорали девицы на весь коридор. – Притворщица! Актриска! А с ней – ее верный поклонник.

– Который сам – как голубой заяц, – залихватски подчеркнула Тали, помахав перед Одедом кистью руки на манер гомиков.

– Может, Томер пришлет ей еще и розового зайца, то есть, зайчиху, для полного комплекта? – подтрунила Моран.

– И будет каждому по зайцу, соответствующему ему, – рявкнула, в заключение, Мейталь.

"Королева шпаны" и ее свита, улюлюкая и сыпля новыми издевками, немного покружились вокруг товарищей, после чего равнодушно удалились. Те ничем им не ответили. Тем более, что их соученики, уже бывшие в курсе, шли навстречу им из спортзала, делая вид, что не замечают их или посылая им короткие насмешливые взгляды.

У Лиат ныло сердце. Дай Бог, взмолилась она про себя, чтобы завтра все они потеряли к ней интерес!

Когда они приблизились к опустевшим раздевалкам, обеспокоенные друзья, наверно, давно ожидавшие их там, уже спешили к ним. Галь сразу подбежала к Лиат и порывисто обняла ее.

– Наконец-то! – вскричала она. – Куда ты подевалась? Я несколько раз уходила с урока под видом недомогания, проверяла, в шкафу ли твоя одежда. Я так боялась, что ты уйдешь, не поговорив со мной!

Растерянная, не знающая, радоваться ей или огорчаться Лиат безучастно приняла ее объятия.

– Яэль ничего обо мне не спросила? – заикнулась она об учительнице физкультуры.

– Спросила. Оправдать ей твое отсутствие нам не удалось, потому, что все видели, как ты удрала перед самым уроком, – заявила Шели.

Ну вот, пронеслось в голове у бедняжки. Мало того, что ее так грубо и прилюдно разоблачили, мало того, что она, сто процентов, завалила экзамен, так теперь она стала еще и прогильщицей. Не слишком ли много для одного дня?

– Кстати, ты-то, – обратилась Шели к Одеду, – ты-то зачем сбежал?

– Должен же был кто-то урезонить эту дурочку на свой страх и риск? – благодушно ответил парень и кивнул Хену и Шахару.

Те стояли молча, неловко наблюдая происходившую на их глазах девчоночью драму. Оба они с трудом отдавали себе отчет в том, что Лиат провела их всех, и еще трудней им было понять, для чего ей это было нужно. Их головы вполне созревших мужиков были настолько далеки от проникновения в суть девчоночьего сумасбродства, что не увидь они сейчас состояния Лиат и замешательства своих подруг, то вообще ничего бы и не заметили. А еще, оба сейчас задавались вопросом, как же это Одеду удалось найти подход к этой загнанной в угол, туманной душе?

Лиат это видела, и ей хотелось провалиться сквозь землю. Она могла вынести все, что угодно, но только не этот изумленный взгляд Шахара, не его немое сострадание! В душе она проклинала Галь, косвено подтолкнувшую ее к ее злополучной выдумке. А Галь неугомонно обхаживала ее, умоляя о прощении за свой нелепый смех.

– Ну ладно! – отрезала Шели Ядид. – Было – проехали, нечего распинаться. Поцелуйтесь, наконец, и собирайтесь вечером в дискотеку. Сегодня там будем только мы вшестером. Ну же, давайте, поцелуйтесь! – настойчиво прибавила она, поскольку обе девушки застыли в нерешительности.

Лиат Ярив натянута соскользнула вновь в объятия Галь, которая ее пылко облобызала. Злость ее уже почти прошла, хотя осадок от обиды обильным слоем лег на душу.

– Вот, так-то лучше! – улыбнулась Шели, в свою очередь поцеловав приятельницу.

– Ничего хорошего нет, – проговорила Лиат, в бессилии опускаясь на скамью. – Мне все это припомнится в классе.

– Ну и что? – ободряюще сказала Шели, подсев к ней и обняв за хрупкие, согнутые плечи. – Послушай, Лиат: тебе не должно быть никакого дела до того, что о тебе подумают другие. Ты ни перед кем не обязана отчитываться. Ходи всегда с высоко поднятой головой. И тогда все само придет тебе в руки, поверь мне!

Конечно, красотке Шели было очень легко говорить, но у девушки не осталось сил спорить. Она попросила всех выйти чтобы переодеться, и, как только за пятеркой приятелей закрылась дверь раздевалки, приблизилась к зеркалу и очень долго всматривалась в свое отражение, как тогда, на школьном празднике. Однако теперь, в отличие от того раза, Лиат не посмела заняться аутотренингом. Все, в чем бы она сейчас ни попыталась себя убедить, рассыпалось бы прахом.

Некоторое время спустя она вышла, сжимая в руке зайчонка – атрибут своей лжи.

– Я не могу его оставить у себя, – твердо молвила девушка.

– Но не выбросишь же! – воскликнула Галь, всплеснув руками. – Он такой симпатичный!

– Нет. Лучше я его кому-то подарю.

Галь, Шахар, Шели, Хен и Одед выжидающе уставилась на нее. Лиат внимательно обводила их глазами, исполненная жгучего желания вручить свой сувенир тому, по ком так тосковало ее сердце. Но это было невозможным.

Рядом с Шахаром стоял тот, кто сам едва не оказался орудием ее игры, тот, кто принял на себя часть причитающихся ей насмешек шпаны.

– Одед, возьми, это тебе, – выпалила она, быстро сунув игрушку ошеломленному парнишке, и опротясь взбежала вверх по лестнице.

– Я всегда подозревала, – прошептала Шели своему другу, – и говорила тебе, что между этими двумя что-то наклеивается.

* * *

В дискотеке было очень многолюдно. После задорной "Коко джамбы" немного уставшие Хен и его девчонка вернулись к столику в небольшой нише, где их ожидали Лиат, Галь, Шахар и Одед. Диванчик, на котором расположились друзья, был довольно коротким, и Шели пришлось примоститься на коленях у своего парня. Тот зажег сигарету и посетовал на то, что был весь мокрый. Несмотря на то, что в зале работал сильный кондиционер, количество народа и быстрых танцев, от которых не сиделось на месте, брали свое.

– Мне не помешало бы облиться водой, – заметил он.

– Простудишься, – заботливо сказал Одед.

– Не простужусь. Выпью потом чего-нибудь крепкого и согреюсь.

– Можно уже приступать, – лукаво обронил Шахар. – Наша бутылка еще почти полная. – И он разлил оставшееся белое вино по их бокалам.

– За что пьем? – выпалила Шели. – За любовь? За дружбу? За успех?

Никто не проронил ни слова. Бокалы, взметнувшись, застыли в руках товарищей. Никому из них на самом деле не хотелось веселиться, поскольку осадок скандала с Лиат саднил каждому так, словно он был лично причастен к нему.

Хен и Шели, податели идеи времяпрепровождения на дискотеке, напрасно пытались растормошить компанию. Лиат и Галь почти не разговаривали одна с другой. Шахар, когда не танцевал с подругой, был погружен в только ему понятные раздумья. Одед просто так сидел.

Мало-помалу, настроение приятелей передалось и паре балагуров: было видно, что Хен заставлял себя отпускать свои шуточки, а Шели смеяться над ними. Лиат же вспоминала изречение Одеда что их шестерка скована единой цепью, и ей казалось, что эта цепь не просто сковывает, но еще и душит их.

Видя, что какой-либо тост никому не приходит на ум, Галь поинтересовалась, нельзя ли было выпить просто так.

– Почему же? – возразил Хен. – У меня есть отличный тост: за долгожданные каникулы. И я очень надеюсь, – настойчиво добавил он, – что наш кемпинг обязательно состоится и все вы примете в нем участие.

– Наверно, так оно и будет, – сказал Шахар без особого энтузиазма. – Мне пора завязывать с эссе. Вот только перепишу его начисто и дело с концом.

Его девушка благодарно поцеловала его и опорожнила свой бокал. Вслед за ней и остальные приложились, наконец, к вину.

В тот же момент ди-джей объявил ностальгическое отступление и из динамиков полилась популярная в прошлом, уже порядком подзабытая мелодия.

– Ах, эта песня! – воскликнула Шели, вскакивая с колен друга. – Хен, пойдём!

– Я остываю перед обливанием, – уклончиво раздалось в ответ.

– Пойдемте, девчонки! – не растерялась красotka Шели, протягивая руки приятельницам.

Лиат и Галь нехотя встали и присоединились к ней. Благодаря пронируемости Шели, девушки оказались в центре танцпола, и двигались втроем, в своем тесном кругу. Лиричные песни сменялись без перерыва, отчего Галь немного пожалела, что Шахар остался сидеть на месте. В итоге, проявив присущее ей нетерпение, она отправилась за ним, но ни его, ни Хена, ни Одеда не оказалось за столом. Наверно, все они дружно пошли в туалет и за новой выпивкой. Она собиралась вернуться к подругам, но тут к ней подошла Лиат.

– Наша ветреница не скучает, – хмуро заявила она. – Она уже нашла себе поклонников. Мне там больше делать нечего.

– И мне, – подхватила Галь из солидарности, обрадовавшись возможности побыть с Лиат наедине. – Я утомилась.

Они лениво расселись на опустевшем диване. Каждая упорно искала тему для разговора, но безуспешно. Как будто что-то вдруг сломалось в отношениях этих закадычных подружек, и они ощущали себя более чужими, чем незнакомые совсем. Ребята и Шели все не появлялись.

– Привет, красавица! – вдруг раздался над ухом Галь знакомый голос.

Та подняла глаза на того, кто ее окликнул, и увидела Наора Охану, их одноклассника, так называемого всеми "вальта Мейталь". Лиат тут же сжалась. "Только бы он был без Мейталь!" – взмолилась она про себя. Что же это такое? Даже здесь, в городской дискотеке, эта проклятая шпана никак не даст ей покоя! Однако Наор, не в пример «королеве», вел себя очень сдержанно.

– Привет, – недовольно проронила Галь, машинально придвинувшись к подруге детства.

– Почему ты сидишь угрюмо? Пойдем потанцуем? – свысока поинтересовался Наор, зырякая одновременно на нее и на ту, которую она как бы пыталась прикрыть своим телом.

– С чего ты взял, что я буду с тобой танцевать? – резко ответила девушка.

– Брезгуешь мной? – насмешливо спросил Наор.

– А почему ты пристаешь? – вскричала раздраженная львица. – Я с тобой не общаюсь. Что тебе за дело до меня?

Наор немного постоял рядом, словно выжидая чего-то. На одном его голом плече красовалась татуировка, изображающая какого-то хищного зверя. Галь никогда не видела ее у него прежде. В их элитной школе запрещалось демонстрировать татуировки, и этот шелопай, видимо, всегда прикрывал ее рукавами, чего нельзя было сказать о его вечно драных джинсах.

– Желаю тебе удачи, киска! Еще увидимся, – многозначительно произнес "валет Мейталь" после затянувшейся паузы, и отошел от их стола.

У Лиат отлегло от сердца. Она услышала, как Галь с раздражением прошипела: "Кретин!".

– Ты иди к Шели, не сиди со мной, – предложила она ей в знак благодарности.

– Я больше не хочу, – покачала головой Галь. – Он окончательно испортил мне настроение.

И тут Лиат передернуло изнутри. Ответ подруги осенил ее. Она придвинулась к ней почти вплотную и взволнованно затараторила:

– Если так, то не откажи мне в просьбе, одной-единственной! Разреши мне потанцевать с Шахаром, когда он вернется. А то у Хена есть своя неугомонная плясунья, Одеда нечего и шевелить, а посторонние ребята, увы, не пристанут ко мне. Пожалуйста, Галь!

Лиат говорила краснея, теребя руками одежду, готовая принять отказ. Просьба ее и вправду немного огорошила Галь. Однако ссора с подругой была очень свежа, и чувство вины все еще грызло ее. Она и без того извелась, пытаясь придумать, чем бы примирить бедняжку, а та как будто подкинула ей эту возможность.

– Хорошо, – улыбнулась Галь, – если Шахар будет не против, потанцуйте.

У Лиат отлегло от сердца, и она пылко обняла расщедрившуюся девушку.

Наконец подошли Хен, Шахар и Одед, посвежевшие, бодрые. Оказалось, они выходили на улицу подышать воздухом. Хен сразу стал озираться в поисках своей девчонки, и, поняв, где та могла находиться, опрометью кинулся на танцпол. Одед, как и раньше, примостился на диване. Лиат, пытаясь совладать с волнением, выжидательно посматривала то на подругу, то на тайно любимого. Тот, допив принесенное им пиво, предложил Галь поплясать еще немного.

– Нет, Шахар, меня уже ноги не держат, – вяло проговорила та, в душе вся горя от досады на себя. – Лучше пригласи Лиат.

Молодой человек растерянно посмотрел на приятельницу, пожал плечами и согласился. Они удалились под звуки разборки вернувшихся с танцпола горе-возлюбленных и напевного блюза.

Галь Лахав, со своего места за столом, с потерянной душой наблюдала за воспрявшей духом Лиат и своим смущенным парнем, и утешалась мыслью, что, может быть, это немного растопит сердце обиженной девушки. Рядом вовсю шло объяснение Хена и Шели, пока эти ветреные любящие рассерженно не отвернулись друг от друга. Девушка не сомневалась, что вскоре они непременно помирятся, но на сегодня их вечер окончился.

Хен нервно глотал пиво, не замечая, как оно стекало ему по подбородку. Шели, насупившись, курила, подсев вплотную к соученице, и вдруг заметила отсутствие Лиат. Галь кивнула головой в сторону ее и Шахара.

– Надеюсь, это с твоего ведома? – поинтересовалась у нее красotka Шели.

– Да, – глухо ответила Галь.

– Берегись! – вдруг строго сказала Шели. – Лиат сейчас очень коварна, поскольку ущемлена.

– И я ущемлена, – проронила Галь, и рассказала о появлении Наора, прекрасно понимая про себя, что нашла отговорку.

– Наор – это так, пустяк. И, между прочим, Мейталь – тоже, – справедливо заметила Шели. – То, что не пустяк – это мы. Давайте лучше расходиться! – предложила она, поднимаясь и обращаясь ко всем. – У нас был неудачный вечер.

– Это точно, – согласилась с ней Галь, тоже вскакивая и делая движение, чтобы отправиться за Шахаром. – Домой. Завтра все встанет вновь на свои места.

Глава 12. Близкие люди

Долгожданный кемпинг, наконец, состоялся. Невзирая на все связанные с ним сложности, он прошел замечательно. Собрались почти все: Янив и Шири, Ран Декель, Авигдор, Эрез, Наама, Керен, Лирон, которая демонстративно держалась подальше от своего бывшего, и, конечно же, инициатор поездки Хен вместе с Шели. Из шестерки поехали лишь Галь и Шахар. Вся шумная компания расположилась в одном из самых живописных мест юга, в буквально утопающей в цветах долине неподалеку от старинных развалин, откуда до ближайшего торгового перекрестка, где можно было посидеть в небольшом ресторанчике и отовариться, было рукой подать.

Погода выдалась сухая и солнечная, не слишком холодная для этого времени года, но и не жаркая. Во всяком случае, путешественникам приходилось по вечерам облачаться в теплые вещи и поплотней застегивать спальные мешки. Утром и днем они обычно разбредались маленькими группами, гуляли по живописным окрестностям, обедали в ресторанчике. Все много фотографировались, много смеялись, много и хорошо пили. По вечерам разжигался костер, на мангале жарилось мясо, звенела гитара Янива, влюбленные пары уединялись в палатках, и никто не засыпал раньше трех-четырёх утра.

Галь была на седьмом небе от счастья от того, что Шахар уступил ее просьбам и сам выглядел очень довольным поездкой. Ей хотелось верить, что этот кемпинг положит конец их досадным размолвкам и вернет их отношениям романтичность, которой девушке так не хватало. Она находила все новые и новые способы заниматься с Шахаром любовью на природе, и не только в палатке. В один из дней кемпинга она увела его в развалины, где они нашли что-то похожее на античную баню, и ей захотелось там быстрого секса, прямо под аркой, почти на открытом месте. Шахар обомлел. Невзирая на то, что его нельзя было назвать робким в сексе, он бы не рискнул оказаться замеченным в самый пикантный момент! Но его девушка настояла, стосковавшись по "перчику".

Прижавшись спиной к холодной и шершавой поверхности древней стены, и найдя кое-какую опору для ног в неровной каменной кладке, она прильнула к своему другу, а он, похотливо сжимая на весу ее ягодицы, проникал в нее резкими, короткими толчками. Галь, одной рукой обхватив шею Шахара, пальцы другой засунула ему в рот, и он страстно сосал и облизывал их. Когда же дыхание обоих очень участилось и сквозь него прорезались приглушенные стоны, Шахар почувствовал, что стал весь мокрый. Именно в этот момент где-то сзади раздался шорох. Молодой человек быстро обернулся и рывком застегнул ширинку, но рядом никого не было. А Галь, все еще стоя под стеной арки со спущенными штанами и со стекающей ей по бедрам спермой, хохотала от оргазма. Spина ее ужасно ныла от прикосновений к шероховатым камням, ноги, долго болтавшиеся на весу, затекли, а она все стояла и хохотала.

В другой раз они занялись сексом посреди цветущего поля, разостлав под собой куртки. Если в развалинах все было страстно, торопливо, мощно, то на том отдаленном лугу – расслабленно и нежно. Теперь Шахар сам вошел во вкус, и не думал о том, что их «накроют». Тем более, что то наслаждение, которое получала его девушка, доставляло удовольствие и ему. Галь испытывала абсолютный комфорт лежа под прозрачным небом, открытой Шахару и миру и глубоко вбирая в себя обоих. Шахар осыпал ее цветами. Он срывал высокие стебли и щеко-тал ими ее голое, слегка ёжившееся от прохлады, роскошное тело, украшал ее растрепанные волосы белыми, желтыми, пурпурными маковками цветов, потом смахивал с нее налипшую грязь плавными движениями ладоней. Где бы он не проводил ладонью, он немедля оставлял отпечаток своих губ. Трепетно отвечая на ласки юноши, Галь мысленно благодарила Хена за этот кемпинг. Она познавала своего возлюбленного вновь, и, наконец-то, успокаивалась после всех маятных дней, бурных ссор и примирений с ним и с Лиат.

Это были незабываемые деньки, промелькнувшие в дружеской, общительной атмосфере. Всем было жалко возвращаться домой, к рутине, и в школу. И, с началом второго семестра, ни у кого не возникло желания вникать в новый сложный материал. Однако, Шахар не забывал о своем важном проекте, который он сдал Дана Лев перед каникулами, и за который весьма и весьма тревожился – об эссе. Он так и не обратился к знакомым родителей за помощью, поскольку не хотел огласки, и понадеялся на то, что его ум и его способности сослужат ему неплохую службу сами по себе. Когда же педагог назначила ему встречу по поводу его труда, у юноши невольно сжалось сердце от неприятного предчувствия. Он отправился к ней в учительскую на одной из перемен с сосредоточенным, натянутым лицом.

Дана в последний раз пролистнула эссе ученика, беспокойно сидевшего перед ней в низком кресле, и задумчиво произнесла:

– Шахар, когда мы с тобой говорили в прошлый раз ты, вроде, все отлично понял. Что же такогостряслось, что ты ничего из этого не сделал?

"Ну вот и все. Провал", – подумал Шахар, чувствуя себя незадачливым первоклассником, не выполнившим домашнего задания, и взвешенно ответил:

– Я, действительно, старался подкорректировать эссе согласно примечаниям и убавить мою ультимативность, но побоялся испортить его таким образом. У меня не вышло сделать это органично, и я посчитал, что будет лучше ничего не менять.

Педагог помолчала, осмысляя слова парня, и не стала особо возражать:

– Наверно, в чем-то ты прав. Хотя лично я ожидала от тебя намного большего.

– Я провалил эссе? – с опаской спросил Шахар.

– Ну, почему же сразу "провалил"? – улыбнулась Дана. – Все не так страшно. Или ты меня не знаешь? Неужели ты думаешь, что за неимением желаемого, я не оценю по достоинству то, что есть? – с этой фразой она протянула ему тонкую зеленую папку, которую Шахар нерешительно приоткрыл на последней странице.

"Восемьдесят два", – вздохнул он. Всего-то! После всех вечеров и дней уединения, после всех его рвений! Теперь он уж точно не представит его на конкурсе, не использует в дальнейшем в универе, и ему будет нечего сказать своим родителям. Все его страхи сбылись, все сомнения оправдались, и весь энтузиазм от взятой на себя работы сник. Пока результат не был еще известен, Шахар льстил себя надеждой, а теперь сам не знал, радоваться ли ему проходной оценке "восемьдесят два", или расстраиваться.

Дана, видя огорчение ученика, сочла нужным ласково приободрить его:

– Шахар, это всего лишь бонус. Бонус, который взял на себя лишь ты один из всего класса. И я считаю, что, в любом случае, ты приобрел интересный опыт академической работы, узнал для себя много нового, и, в целом, получил от меня хороший балл. Уж поверь мне, – добавила она погодя, – победы ради самих побед не всегда того стоят. Главное, чтоб была улыбка на устах.

– Я не поспорю, – протянул тот больше из вежливости, чем из согласия, – но у меня были кое-какие планы насчет этого эссе.

– Какие планы? – приподняла бровь педагог.

– Сейчас они не имеют значения, – горько улыбнулся парень, будучи не в силах скрыть свое истинное настроение.

Он собрался поблагодарить учительницу и вернуться на перемену. Но та остановила его благосклонно-проницательным взглядом, присущим только ей одной, и изрекла:

– Какие твои годы, Шахар? Для чего тебе уже сейчас навешивать на себя гири? Это излишне и несвоевременно, на мой взгляд. Лучше постарайся хорошо подготовиться к твоему аттестату зрелости. Тебе, вообще, не помешало бы, строить планы на сегодняшний день, а не на далекое будущее.

– Почему ты мне это говоришь? – удивился Шахар, почувствовавший себя неловко от того, что его классная все поняла и проглядела.

Дана Лев поднялась, давая этим понять, что сама ставит точку в их короткой беседе.

– Потому, что я знаю тебя давно, и, как твой преподаватель, указываю тебе верный путь. Удачи тебе, мой мальчик! Увидимся на уроке.

Шахар вышел в коридор, вертя папку в руках, и уныло поплелся в класс. Дорогой он миновал администрацию, где красовался на доске новый коллаж его подруги. После слишком тяжелой на вид "Орлицы". Галь воссоздала, ни много-ни мало, их цветочное поле. Полупрозрачная голубая клеена на заднем плане представляла собой кусочек неба, чуть поближе были светло- и темно-коричневые картонные холмы, а на переднем – лихо выющиеся густо-зеленые бумажные ленты, изображающие траву, с рассеянными между ними несколькими крупными вырезками настоящих полевых цветов. Получилось объемное, богатое, красочное изображение, не слишком большое по размеру, но впечатляющее и притягивающее глаз.

Шахар постоял несколько минут перед тонкой и талантливой работой Галь, вспоминая и томясь. Вот она ему и отомстила, пронеслось в его мозгу. Ведь не затей она их глупые разборки из-за своего проклятого контракта и этого кемпинга, то и позорный результат его эссе мог бы быть совершенно другим. Да, она-то могла сейчас делать такие вот коллажи! Что значили теперь те несколько дней на природе, лишняя распитая бутылка при свете костра, беспредметный треп с Раном, Янивом и прочими, по сравнению с его фиаско!

Зайдя в класс, Шахар первым делом засунул папку с эссе в свой ранец и достал конспекты по литературе, которая должна была начаться со звонком. Он не хотел ни с кем разговаривать, даже с Галь, которой, к счастью, не было рядом. Зато Хен Шломи и Оded как раз находились в классе, и оба подошли к нему.

– Ну, как дела? – бодро поинтересовался у него Хен.

Шахар вперил в товарища такой мрачный взгляд, что тому стало не по себе.

– Что означает этот взгляд? – спросил его недоумевающий Хен. – Что я тебе такого сделал, что ты глядишь на меня волком?

– Ничего, – сердито отозвался Шахар. – Я просто провалил эссе.

– Как, провалил? – в один голос вскричали Оded и Хен. – Сколько?

– Восемьдесят два.

Теперь настал черед Хена уставиться на него округлившимися от непонимания глазами. Если Шахар так переживал из-за своей оценки, то что уж было говорить о нем, который и на уроках-то никогда не был внимателен?

– Не понимаю, отчего ты недоволен. Мне бы хоть один раз такой же балл, – усмехнулся он, ободряюще хлопнув его по плечу.

Шахар расвирипел. Что он мог понимать, этот разгильдяй и недоучка, как он мог судить о его оценке, не имея никакого представления о том, сколько сил и нервов он растратил зря за время работы над эссе? Что его так веселило?

– Даже не сравнивай нас! – воскликнул Шахар, угрожающе поднимаясь.

Хен осекся и инстинктивно отошел на шаг. Оded застыл в тревоге, а другие соученики, что были неподалеку, невольно прервали свои разговоры и обернулись к ним.

– Вы все виноваты, – яростно заявил Шахар, обращаясь к другу, – ты, твоя красотка, Ран, Эрез, Янив, Авигодор. Вы задурили мне голову вашими кемпингами и вечеринками, давали мне понять, что отвернетесь от меня, если я не буду с вами за компанию. Не постеснялись шантажировать меня моей девчонкой, чтоб заставить меня поехать, смеялись над тем, как я много работаю. И что? Я отметился с вами повсюду, и сам себе навредил! Понимаешь, что такое для меня восемьдесят два? Это – милость! Это – подачка! Потому, что я должен был – понимаешь? – должен был сдать эссе на отлично!

Голос его то и дело срывался от эмоций, все внутри клокотало. Он искренне злился на тех его приятелей, что сбили его с толку, не дали расправить крылья, лишили уверенности в его раз поставленной цели, – одним словом, оказались грузом для его амбиций. Кроме того, он сердился на Дану, также не желавшую понимать его до конца и настойчиво напоминавшую ему о его юном возрасте. В нем столько всего накопилось за прошедшие недели, что Шахар Села просто не мог сейчас сдержаться, и высказал Хену все, что думал.

Хен Шломи побагровел от возмущения. Ну и наглец же этот Шахар! Неужели он будет отныне обвинять весь свет в каждой своей неудаче? Да он просто спятил!

– И что теперь ты будешь делать? Драться с нами? – произнес он с усилием.

– Тише вы! – зашипел Одед, которому стало ужасно неловко присутствовавших в классе.

Но Хен никогда не замолкал на полуслове, и был, в общем-то, парнем горячим. Он подскочил к раздосадованному Шахару и затряс его за плечи с такой силой, что тот не сразу отдрал его от себя, хоть и был каратистом.

– Ты бы хотя бы подумал своей головой, – вопил Хен, – кого и в чем ты упрекаешь! Ты осел! Если тебе неприятно находиться в нашем обществе, если мы чем-то тебе неуютны или тормозим тебя, чертов заумник, скажи это мне прямо сейчас! Скажи, и я тебе обещаю, что у тебя с сегодняшнего дня не останется в классе ни одного близкого человека!

– Хен, ты что такое говоришь!? – закричал, с перепугу, Одед, пытаясь разнять двух друзей.

– Отойди, Одед! Не лезь под руку! – рявкнул Хен, чьи зеленые глаза почернели от обиды.

– Прекратите немедленно! Эй, Шахар, Хен! Да вы оба рехнулись! Хватит! – не отступал тот, вцепившись Хену в воротник.

Кое-как ему удалось вытолкать друзей в коридор, призывая их к спокойствию и повторяя, чтоб Хен вошел в положение Шахара.

– Войти в его положение, да? Да кто он такой? Кем он себя возомнил? – бушевал Хен, забыв о напрочь такте и о том, что рядом проходили их одноклассники. – Он носился со своим несчастным бонусом, как с писаной торбой, а впервые сев в лужу – закатил истерику, точно маленький ребенок. Аж смотреть на него тошно!

– Я привык добиваться успеха во всем! Мне и так сейчас плохо! Зачем ты так? – взмолился Шахар ему в ответ, осознавая, насколько он действительно сел в лужу со своей истерикой.

– Зачем? Затем, чтоб ты зауважал нас, – бросил Хен. – Мы не годимся тебе в друзья, мы все для тебя ничтожества, правда? Ты давал нам это почувствовать каждый раз, когда делал великое одолжение и проводил с нами часок-другой, – подчеркнул он в сердцах. – Тебя никуда невозможно было вытащить и силой. Даже девчонка твоя огорчалась из-за тебя. Ты пренебрегаешь теми, для кого ты хоть что-то значишь, и после этого еще упрекаешь их в своих неудачах? Ты – наглец и болван! Черт тебя раздери!

Одноклассники все превратились в слух, и лишь насмешливо переглядывались. Они старались не приближаться к этой троице, но, держась поодаль, внимательно наблюдали за разгорающейся ссорой давних товарищей и втайне наслаждались этой картиной.

– Ребята, давайте успокоимся, – вставил слово сгоравший от стыда Одед. – А не то вот-вот начнется урок, и Галь сюда подойдет и услышит ваши крики...

– Не волнуйся, Одед, – раздался голос Наора, презрительно проскользнувшего мимо. – Как только Галь осточертеет этот выносящий ей мозг «супермен», я быстренько ее утешу.

Одед смертельно побледнел и прижался спиной к стене, а оскорбленный Шахар, у которого лицо покрылось краской, а бицепсы напряглись, еле выдавил:

– Подонок!

В следующую минуту он был готов накинуться на обидчика с кулаками, но тот отошел уже довольно далеко.

– Ревнуешь? – подколот его немного остывший Хен. – Отчего же ты тогда не расквасил ему морду не мешкая? Если бы этот сукин сын бросил нечто подобное насчет моей Шели, я не оставил бы на нем живого места.

Шахар, багровый от стыда, стал лихорадочно оправдывать свое бездействие. Он не ударил Наора потому, что он привык разрешать конфликты словом, потому, что не хотел большего скандала, потому, что этот негодяй не стоил марадания его рук. На самом деле, в глубине души он знал, что, непременно, дал бы Наору в рожу, если бы не пронзившее его сомнение в его праве на это. Ведь он только что мысленно обвинил Галь в своем провале. Что искреннего оставалось в его отношении к ней после столь эгоистичной мысли?

Он был весь исполнен глухого негодования и не знал, на кого ему больше сердиться: на Дану, понизившую его планку, на Галь, из-за которой ему приходилось чем-то жертвовать, на Хена и ребят, жавших на него своею компанейскостью, на Наора, оскорбившего его, или же на себя, за то, что он такой придурок.

На уроке Шахар сидел нахохлившись, стараясь не глядеть на сидевшую перед ним подругу, которая, к счастью, еще ни о чем не подозревала. Рядом с ним Одед что-то строчил в тетради, прикрываясь локтем. Но он явно не конспектировал. Что касалось Хена, то тот поменялся местами с Шели, чтобы держаться подальше от него.

Они проходили сейчас пьесу Генрика Ибсена "Кукольный дом". Полный текст произведения был прочтен ими ранее, и на последних уроках литературы они прорабатывали его отрывки. Дана устроила ролевое прочтение заключительного, пожалуй, одного из самых драматичных эпизодов, в котором Нора, хлопнув дверью, покидает свой дом, мужа и троих детей. Нор и Хельмеров во время прочтения было несколько, среди них – Ран, Офира, Керен и Авигдор. Перевернув последнюю страницу тонкой брошюры, преподаватель начала опрос.

– Ребята, – обратилась она к классу, – если бы вас попросили охарактеризовать Хельмера после этого момента одной фразой, как бы вы его определили?

– Он слабак, – сказала Керен без особых размышлений.

– Поясни, пожалуйста, почему, – попросила Дана.

– Потому, что он не понимал, что его кукла вдруг оказалась живой, а поняв – испугался. Он был в шоке от того, что она вызвала его на откровенный разговор, что именно она сделала все, чтобы спасти ему жизнь, даже совершила подлог ради того, чтоб добыть деньги на его оздоровление, и ничего из этого не оценил. Для него все оставалось, как раньше. Более того, он хотел наказать ее за все ее добро. Он просто трус.

– Эмоционально, однако, – кивнула учительница.

Она обвела глазами класс и заметила, что все разделяли утверждение Керен. Во всяком случае, никто не собирался дискутировать.

– Может быть, у кого-нибудь есть другое мнение на этот счет? – спросила она погоя.

После недолгого молчания робко подал голос малозаметный Офир Кармон:

– Мне кажется, что Хельмер просто-напросто продукт своей эпохи. – И, не дожидаясь чьих-либо реакций, ученик продолжил свою мысль: – В Европе середины девятнадцатого века, в буржуазной среде, к которой он принадлежал, были приняты определенные представления о браке. Жена должна была во всем подчиняться мужу, не принимать никаких решений, и всего лишь заниматься детьми и хозяйством. Именно этой точки зрения и придерживался Хельмер. Он по-своему любил свою жену, заботился о ней в своем понимании, и не мог в один миг изменить свое мышление настолько, чтобы примириться с тем, что она оказалась не такой, какой он ее себе всегда представлял, и принять ее поступок. Факт: он умолял ее остаться с ним в самом конце, потому, что без нее он жить не мог.

– Иными словами, ты сочувствуешь герою? – подчеркнула Дана Лев, похвалив его за емкий и обстоятельный ответ.

– В какой-то мере, да, – согласился Офир.

– Ну и что из того, что в конце он умолял ее с ним остаться? – не сдержалась Наама. – Разве то, что этот владелец кукольного дома зарыдал, испугавшись одиночества, оправдывает его тупость и жестокость? Еще незадолго до того, как он расплакался, он был готов посадить Нору фактически под домашний арест, и стыдился ее. И все из-за чего? Из-за того, что бедняжка самоотверженно молчала все те годы о деньгах и о подлоге, и разыгрывала перед ним пустышку, чтобы не ранить его самолюбие? Ему было наплевать, что она пошла на героический поступок и спасла его здоровье и их семью, все вытянула на себе одной? Его оскорбило то, что Нора нарушила какие-то нормы? Ну, так он и получил "по заслугам". Таких мужей я называю тупыми, банальными собственниками.

– Феминизма в ту эпоху еще не существовало! – бахвально бросил Ран.

– При чем здесь феминизм? – пожала плечами Наама.

– Нет, не то... эмансипация – вот что! – быстро сообразил Ран.

– Она тогда уже была! – возразила Офира Ривлин.

– Совсем точно...

– Не важно. Нора, в любом случае, оказалась взрослее Хельмера. Какой же волевой и зрелой надо быть, чтобы так долго играть чужую безмозглую куклу! – высказалась Офира с состраданием к главной героине пьесы.

– Прости, Офира, – встряла педагог. – Ты сказала «взрослее» или "сильнее"?

– Взрослее, – подтвердила девушка.

– А в чем разница?

– Сильный человек, на мой взгляд, способен просто противоборствовать какой-то ситуации, а взрослый эту ситуацию адекватно оценивает и делает все, чтобы не допустить конфликта, – поразмышляв, сказала ученица.

– Отлично сказано, Офира! – воскликнула Дана и довольно потерла руки.

Она охотно провоцировала своих воспитанников на публичные обсуждения литературных образов. Еще со времен пединститута она придерживалась той точки зрения, что бурные дебаты по вопросам литературы помогают самим участникам этих дебатов сблизиться и получше узнавать друг друга, в то время как сухое буквоедство не только не было способно развивать их творческую мысль и душевные качества, но и внушало острую нелюбовь к самой литературе. Сама она почти не вмешивалась в дискуссии учеников, а только направляла их.

– Нора сама решила свою судьбу, – вдруг проронила до сих пор сидевшая в молчании Лиат, – а Хельмер – слишком сложный образ, чтобы его чернить, руководствуясь сочувствием к Норе. Он, прежде всего, – человек. И, как человека, его всегда можно попытаться понять и простить за его ошибки.

На другом конце класса, там, где сидела шпана, раздался приглушенный недобрый смех.

– Что смешного? – сурово заметила Дана Лев, устремив в них полный негодования взгляд.

– Какие вы все добренькие! – брякнул Наор, размашисто жестикулируя. – Просто святые! Вам обязательно надо, чтоб вас понимали, и прощали, и жалели... Может, вам еще сопلي вытереть?

– Наор, какое отношение имеет твое вопиющее хамство к предмету обсуждения? – сурово сказала преподаватель. – Ты и твои друзья вообще как бы отсутствуете на уроке. Учтите, что вас я проверю отдельно.

– Какое отношение? Да самое прямое, – парировал Наор, игнорируя предупреждение Даны. – Лиат отлично знает, о ком она говорит, – напрямую обратился он к смятенной девушке, которая отпрянула на стуле в ожидании новых издевок.

– Не понимаю, о чем ты. Но, все равно, ты получишь неуд за нарушение дисциплины на уроке, если сейчас же не прекратишь, – попыталась Дана замять инцидент до закипания страстей.

– Лиат высказалась о себе и тех своих друзьях, которые из-за каждой проблемы устраивают концерты, и жаждут, чтоб их поддерживали, – резанул "король шпаны" без всякого такта и не обращая ни малейшего внимания на классную руководительницу. – Вот я. Мне грозят неудом, и я сижу спокойно, не поднимаю бури. А один «заумник» в нашем классе просто рвал и метал здесь из-за оценки своего несчастного бонуса. Орал как бешеный. Все это видели и слышали. У этих снобов никакого чувства собственного достоинства!

Шпана присвистнула от восторга. В этот миг Наор Охана стал ее кумиром. Кто-то недоуменно спросил, что случилось, о чем речь. А те, кто находились в классе во время бурного объяснения Шахара с друзьями, втянули головы в плечи в ожидании дальнейшего.

Дальнейшие события развернулись стремительно. Хен с задней парты с силой впился рукой в плечо Шахара, в лицо которого опять хлынула кровь, но удержать его не смог. Шахар вскочил с места, пригнув голову, будто для броска, протиснулся между двумя разделяющими его и Наора рядами, подошел к нему вплотную, и, ничего не говоря, замахнулся и что есть силы двинул его в челюсть. Тот отшатнулся, схватился за парту и прижал ладонь к ударенной скуле. Тали и Моран охнули и наклонились к нему, а разъяренная Мейталь, похожая на пришедшую в движение гору, встала напротив Шахара, готовая дать ему сдачи за товарища. Впрочем, Наор и сам, спустя мгновение, пришел в себя и нацелился в обидчика кулаком. Он бы непременно подрался с ним, если бы не поднявшийся в классе вой и надрывный голос Даны:

– Вы с ума спятили?!

Да, спятили, – от ожесточенного и неискоренимого неприятия друг друга. Шахар тяжело сопел и глядел на представителя шпаны свысока и с презрением.

– Вот это тебе за меня и за то, как ты высказался о Галь, – с ненавистью бросил он.

– Мы поквитаемся с тобой, супермен чертов, – прохрипел сквозь ноющие зубы Наор.

– А ну-ка оба, объяснитесь! – закричала Дана Лев, чувствуя, что ситуация вышла из-под ее контроля. – Что это еще такое?! Шахар, что происходит?

– Я ничего объяснять не желаю! – агрессивно ответил тот.

– Научись проигрывать, заумник! – иронично, несмотря на боль, проронил Наор.

– А ты сейчас же выйди вон из класса! – свирепо распорядилась Дана.

Дверь помещения захлопнулась вслед за учеником с такою силой, что в окне зазвенели стекла. После этого классная руководительница решительно взяла учительский журнал, что-то записала и сухо прокомментировала:

– Шахару Села и Наору Охана поставлен неуд по поведению во время урока. Все детали их отвратительного поведения сегодня же будут переданы на рассмотрение завуча. О том, как это отразится на их аттестатах зрелости и дальнейшем положении в школе решит педсовет.

Галь, впервые в жизни увидевшая своего сдержанного друга таким взвинченным, была просто потрясена. Широко раскрытыми от испуга глазами она смотрела на его мелко дрожащие руки, его сжатые губы, его замкнутое лицо и ничего не понимала. Когда он вернулся за свою парту, она схватила его за руку и попыталась согреть ее в своих ладонях. Но рука Шахара казалась мертвой. Он не сказал ей ни одного слова и даже не улыбнулся.

Лиат, в отличие от Галь, поняла все. Она тотчас вспомнила разговор с Шахаром в библиотеке. Парень уже тогда не верил в успех своего эссе, будучи разочарованным и озлобленным. Был ли у него тогда еще шанс все исправить? Наверяд ли. Горечь, накопившаяся в его сердце, не могла не прорваться наружу, рано или поздно. Лиат Ярив было жаль своего тайного возлюбленного от всей души. Она сопереживала ему сейчас, как никто другой. Дуреха Галь не отдавала себе отчет, что происходит. И, вполне возможно, что Хен и Шели, отстранившиеся от них всех за своей задней партой, и Оded, прикрывшийся своим листком бумаги, тоже не отдавали себе в этом отчет.

Почти весь класс насмешливо поглядывал в угол, где сидела неразлучная шестерка. Слух о первом провале заумника Шахара неумолимо распространялся. Шахар ощущал это всей

кожей, и ему хотелось провалиться от стыда сквозь землю. Он никогда бы не смог предвидеть, что в один день так оплошает, и в учебе, и по поведению. Свою работу он теперь засунет в шкаф, а в общении с друзьями его ожидают нелегкие дни. Парень видел равнодушный взор Рана Декеля, который не забыл ему своих испорченных именин, ухмылку Эреза, постоянно подшучивавшим над его рвением, довольную мину на лице Авигодора, украдкой зарившегося на его Галь, и ничем не мог сгладить им впечатления о себе.

Со звонком все разбрелись куда попало. Одна только Галь, умиравшая от тревоги, пристала к своему парню с расспросами. Она уже поняла, что настроение его испортилось из-за эссе, и что этот грубиян и бездельник Наор подлил масла в огонь специально. Девушка не знала, как настроение Шахара отразится теперь на его отношении к ней, и мысленно кляла себя за то, что ревновала к его эссе и была несдержанной и недипломатичной.

Шахар не отвечал на ее приставниа. Он с упованием следил за Даной Лев, говорившей что-то Ави Гроссу, и, как только учительница освободилась, ринулся к ней и попытался объясниться.

– Что нашло на тебя, дорогой мой? – развела руками та, уже спокойно, но взыскательно. – Я никогда тебя таким не видела.

– Да, и мне самому сейчас крайне неловко. Я слишком погорячился, и прошу извинить меня, – пристыжено оправдывался ученик, поспевая за ней по тесному коридору.

– Шахар, ты знаешь, как я к тебе отношусь, – произнесла преподаватель. – Я знаю, что ты не драчун. Но если у вас с Наором какие-то личные разборки, то я хотела бы тебя попросить проводить их где угодно, но только не здесь. Не в моем классе, – подчеркнула она сердито.

– У меня к Наору нет вообще ничего личного! – воскликнул Шахар, ударяя себя в грудь. – Это был первый и последний раз! Ну, пожалуйста, Дана! Разве ты меня плохо знаешь? Не знаешь моих родителей? Помоги мне загладить промах!

Классная руководительница остановилась, размышляя. Шахар был очень искренен, и ей самой, на самом деле, не хотелось так жестко его наказывать. Все-таки, они все были свои люди.

– Я попытаюсь, – кивнула она ободряюще, избегая более точных обещаний, хотя Шахар увидел по ее выражению лица, что он был, в принципе, прощен. – Только подумай и ты. Хорошенько подумай, о чем мы сегодня с тобой говорили.

– Этого я никогда не забуду, – благодарно изрек парень, довольный, что легко отделался. – В любом случае, спасибо тебе огромное!

Дана кивнула ему напоследок и удалилась. Воспрявший духом Шахар немного постоял, окидывая привычную школьную сутолоку поверхностным взглядом, и внезапно заметил Наора, зачинщика неприятности, который, скрестив на груди свои мускулистые руки, молча наблюдал за ним издали, и, наверно, стоял там уже давно, прислушиваясь к его объяснению с педагогом. При виде "короля шпаны" парень слабо занервничал, но внешне изобразил ледяное спокойствие. Тот тоже выглядел хладнокровным. Немое противостояние одноклассников продлилось недолго. Наор, все с тем же гордым выражением и высоко поднятой головой, отошел первым, сделав для себя все выводы.

Шахар вернулся в класс. "Ужасный день", – подумал он, подходя к Галь, которая о чем-то тихо и встревоженно беседовала с Одедом, и заявил, что его неуд по поведению будет отменен.

– Вот и отлично! – подскочила его подруга, хватая его за руку, и, на радостях, прибавила: – Я так и знала, что Дана ничего тебе не сделает. Она просто пригрозила тебе для галочки.

– Наверно, – согласился Шахар, и, обратившись к Одеду, принес ему извинения и сожаление за свою неумеренную грубость.

– Все в порядке, – улыбнулся молодой человек. – Вообще-то, ты должен извиняться перед Хеном, а не передо мной, – уточнил он.

Этот неисправимый скромник отзывался о любой склоке как о мелочи. Но Шахар был уверен, что своим извинением загладил вину перед товарищем, как раньше – перед учительницей.

– Конечно, я поговорю с ним потом, – заверил он, и резко отодвинул парту, чтобы пройти на свое место.

При этом движении стопка тонких тетрадей Одеда в целлофановых обертках, лежавшая на краю парты, соскользнула на пол. Шахар кинулся подбирать вещи друга, и вместе с тетрадями поднял листок, до которого смятенный Одед не успел дотянуться первым. Это был тот самый листок, на котором он черкал на последнем уроке. Вся поверхность листка была исписана вроде как четверостишьями, местами зачеркнутыми, местами со вставленными сверху словами. Шахар невольно приблизил его к глазам и прочел:

*"Я не один, я с близкими людьми,
Но мне порой безумно одиноко.
Того, что я, не чувствуют они,
Ведя свой путь от чуждого истока.
Когда мечусь, снедаемый тоской
И страхом жить, они протянут руку,
На краткий срок умаслят боль и муку,
Но все ж тоска останется со мной.
Я не могу неблагодарным быть.
И я с друзьями в горькие минуты.
Но должен каждый свой бокал испить,
Идти, своею тяжестью согнутый.
И вот, как все, учусь в себе держать
Все, что мое дыхание спирает,
Что гордый дух никак не отпускает,
Что только я способен понимать".*

Шахар перечитал произведение вслух и вернул листок пунцовому, как свекла, другу, который принял его потупив глаза.

– Это ты написал, Одед? – изумленно промолвил он.

Тот ответил неловким молчанием и робкой улыбкой. Вопрос был, конечно, риторическим.

– Замечательный стих! – подхватила замороженная Галь. – Вот честно! Я бы так не сумела.

Одед возился со своими вещами, делая вид, что это не к нему. Но скрывать уже было нечего.

– Да ты у нас, оказывается, талант, дружище! – похлопал его по плечу Шахар, которому было важно вновь снискать расположение его друзей. – Лучше опубликуй его, а не прячь. Он стоит того.

– Да-да, точно, опубликуй! – как эхо, повторила за ним его девушка.

Одед вложил листок в тетрадь и прислонил тетрадь к груди, давая понять, что стихи – это его личное. От Шахара не ускользнул его исполненный недоверчивости жест. Он отступил, признав право приятеля не афишировать свое творение, и вдруг понял, что не сочини тот своего стиха, то те же самые слова и ощущения вырвались бы, в другой форме, из его собственного сердца.

* * *

Тем же вечером Шахар, без предупреждения, нанес визит своей подруге. Открыла ему Шимрит, в кухонном фартуке и с руками, запачканными мукой. Галь как раз зашла в душ, объяснила она, пусть Шахар немного ее подождет.

– Возьми, – протянула она ему пирожок с грибами. – Только что из духовки.

Парень неловко взял угощение из рук женщины, чью дочь сегодня мысленно обидел. Пытаясь справиться со смущением, он предложил Шимрит свою помощь на кухне, но та, по привычке, отказалась.

– Почему ты не предупредил заранее о своем приходе? – спросила хозяйка, хлопоча. – Мы бы все вместе поужинали.

– Мне захотелось сделать Галь сюрприз, – ответил юноша, – а поужинал я дома, спасибо.

– Сюрприз – это хорошо, – мечтательно протянула Шимрит. – Отец Галь тоже приподносил мне сюрпризы, – прибавила она со вздохом, давая понять, что те сюрпризы были далеко не из приятных.

Шахар, жуя пирожок, тихо прошел в комнату подруги. Ее постель была как всегда разбросана, жалюзи на окне опущены, лишь неярко горела настольная лампа, матовый свет которой создавал интимную обстановку. На этажерке, одна рядом с другой, красовались ее знаменитый пляжный снимок и их общий фотопортрет. Из-за приглушенного освещения их лица на снимках казались покрытыми тенью.

Молодой человек подошел к фотографиям, взял в руки ту, на которой Галь лежала у воды, и заходил по комнате, любуясь ею, испытывая при этом чувство вины и досады на себя. Нет, не за то, что он дал Наору в морду в присутствии Галь, а за тот перелом, что сегодня случился с ним. Он оказался трусом, слабаком. Настоящим Хельмером из "Кукольного дома". Парень надеялся, что его визит поможет ему сгладить впечатление от сегодняшнего позора, и искупит перед Галь неприятные моменты их общения, что возникали между ними в последние несколько недель.

Он не помнил, сколько времени провел за созерцанием чудесного снимка. Но вот, наконец, кутаясь в халат и шустро переставляя ноги в тапках в виде плюшевых собак, в комнату вошла его девушка, распространявшая запахи пряного шампуня и душистых кремов. Увидев Шахара, она замерла от неожиданности на пороге.

– Я хотел сделать тебе приятное, – улыбнулся Шахар, ставя фотографию на ее письменный стол и подходя к ней.

– Ну ты даешь! – ошарашено, но не без радости в голосе сказала Галь, помня его утреннюю агрессивность и холодность.

– Моя красавица, – очень нежно проговорил парень, прижимая ее к груди и целуя в пахучую влажную макушку.

Девушка подумала, что она видит сон. Ее возлюбленный, доставивший ей сегодня столько огорчений, слился с нею в трепетном объятии, легкими прикосновениями гладил ее волосы, покрывал мягкими поцелуями ее лоб, виски, щеки. Сквозь мохровую ткань халата она ощущала биение его сердца. Сомлев от наслаждения в плену его рук, она только сумела произнести:

– Разве ты уже не сердись на меня?

– За что? – изумился Шахар.

– За твое эссе...

Шахар покрепче сомкнул объятия и отвел помрачневший взгляд.

– Нет, что ты, что ты, – убедительно сказал он. – Конечно, я тебя за это не упрекаю. В этом некого упрекать. Просто так получилось.

В этот момент он сам заставил себя поверить в собственные слова, чтобы не было мучительно больно ему и его измаявшейся любимой.

Галь, с выражением полного доверия, обвила обеими руками его шею и подставила свои губы его жадно ищущим их губам. Еще секунда – и их гибкие языки переплелись. У Галь сразу же взмыли груди и медленно закружилась от счастья голова. Сегодня она целый день бесполезно ворошила прошлое, вспоминая все моменты, когда она, своим обращением с Шахаром, могла бы что-то изменить. А менять, как оказалось, ничего и не пришлось. Вот он сейчас, с ней, любящий и пушистый, как всегда. Она поспешила забыть все плохое, и с отдачей раскрывала ему свои пыльные розовые губы.

У Шахара были влажные глаза. Он дарил ей свою ласку, чувствуя себя при этом паразитом. В этот момент, когда его девчонка, его Галь, стояла перед ним, полунагая, горячая, вся во власти желания и абсолютно беззащитная в своей любви к нему, он робел ее, и в то же время хотел ее взять грубой силой, от какой она стонала бы в его объятиях от наслаждения и боли и просила бы о пощаде. Его плотный джинсовый костюм сковывал его движения, в паху становилось тесно, на лбу проступили капельки пота. В конце концов, в порыве страсти, он рывком распахнул халат на Галь и взмолился как раб:

– Дорогая, родная, позволь мне!..

Он целовал ей бедра, живот, запястья рук, умоляя, требуя, не принимая отказа.

– Ты сошел с ума? – забормотала Галь, изнывая под скольжением его губ по своему телу. – Мама сидит в другой комнате!

Ее замечание на мгновение отрезвило парня. Он оторвался от нее, быстрым шагом подошел к двери, приоткрыл ее и прислушался. В гостиной громко работал телевизор, а Шимрит, судя по звукам, продолжала возиться на кухне.

Убедившись, что им не помешают, юноша незаметным движением повернул ключ в замке и вернулся к Галь. Та стояла, слегка откинувшись на стол, и помы слегка влажного мохрового халата спускались вдоль ее точеных бедер. Позади нее выглядывало изображение ее голого тела на берегу моря, а свет от лампы отражался в рамке.

– Я хочу тебя! – прошептал опьяненный юноша.

Он легко откинул ее на стол, встал перед ней на колени, сжал ягодички Галь руками и припал лицом к ее лобку. Тотчас его язык нашел заветную скважину и бугорок над ней, источающие одурманивающий аромат мыла и соков девушки. Шахар впился в них, слегка щекоча нежную кожу подружки короткой щетиной. Его рот работал в темпе, достаточном для того, чтобы довести Галь до оргазма и при этом не проявлять нетерпения, несмотря на то, что в штанах у него уже давно было твердо, и он одной рукой старался расстегнуть их. Ноги девушки обвивались вокруг его шеи. Она приподнялась на локтях, на которые опиралась, и выгнулась назад, откинув голову и подставив вздернутую грудь возбуждающей комнатной прохладе. Тело ее, откликающееся на каждое прикосновение языка и губ любимого, вскоре заметалось во все стороны, ягодички, бедра, икры свела сладкая судорога. Тогда Шахар покрепче схватил ее за бедра и ускорил темп. Галь издала два коротких крика, дернулась несколько раз вперед и обмякла. Но молодой человек тут же, быстро спустив штаны, перевернул ее на живот и вошел сзади в мокрое влагище. Его движения были резкими и глубокими, наслаждение накатывало волнами, и было ни с чем не сравнимо, хотя он далеко не в первый раз доставлял себе и ей радость секса. Видимо, происходило это от того, что сегодня был особый день. В этот день он ненавидел ее, потом пожелал ее, и сейчас как будто мстил себе и ей за все последние суматошные недели. Закрыв одной ладонью ее рот, а другой похотливо поглаживая ее спину, он заставлял ее, согнутую под ним, едва цепляющуюся за крышку стола, кончать раз за разом, так как все, чего он хотел, это долго давать ей почувствовать свою мужскую власть над ней. Стол содрогался под ними, вещи, лежавшие на нем, сдвигались, иные скатывались на пол. В конце концов, и рамка с фотографией Галь не выдержала и упала плашмя вниз, закрыв изображение

девушки. Только одержимого страстью Шахара это не останавливало. Напротив: чем больше всего вокруг них рушилось, тем яростней он налегал на подругу.

Когда же, наконец, и его бедра дрогнули, а внутри Галь стало еще горячее и влажнее от его извержения, он, рывком выйдя из нее, оставив ее расprostертой ничком на столе, сполз на пол возле ее ног и замер в этой позе, переводя дыхание. Прошло пару секунд, и Галь, с усилием выпрямившись, опустилась к нему, и оба, разгоряченные, растянулись прямо на кое-где покрытых ковром плитках пола, рука в руке, с закрытыми глазами.

У них не находилось слов. Они даже забыли про то, что их ни разу не потревожили. Все, чего им сейчас хотелось, это продолжать так лежать на холодном полу, посреди попадавших со стола предметов. В их недавней страсти было нечто животное, перманентное, и оба ощущали себя немного странно.

– У меня камень упал с души, – в конце концов вздохнула с облегчением Галь.

– У меня тоже, – признался юноша, и это прозвучало правдиво.

– У тебя отчего?

– Я просто устал, – проговорил он, издавая легкий стон.

– Я люблю тебя, – проронила тихо Галь после короткого молчания.

– И я люблю тебя, – как эхо отозвался Шахар.

Их головы плавно повернулись друг к другу и они трепетно поцеловались. В их поцелуе сквозили остатки безумства плоти, но новой искры между ними не пробежало.

Через какое-то время девушка насторожилась.

– Я слышу чьи-то голоса, – сказала она, приподнимаясь.

– Чьи? – забеспокоился юноша.

– Там мама, кажется, не одна, – предположила Галь, прислушавшись.

– Ты кого-нибудь ждешь? – спросил Шахар.

– Нет, – удивленно, но твердо ответила та, тем не менее надевая белье, запахивая на себе помятый халат и начиная приводить в порядок стол.

Шахар последовал ее примеру.

Предположение ее вскоре оправдалось, ибо Шимрит постучала в комнату дочери, сообщив, что к ней пришли. Галь моментально, стараясь без лишних звуков, отперла и приоткрыла дверь.

Шели и Лиат стояли на пороге. Их визит, действительно, не был запланирован, но, видимо, этот вечер был полон сюрпризов. Обе девушки, увидев представшего перед ними, как ни в чем ни бывало, Шахара, сразу же стали извиняться за свое вторжение. Однако Галь радушно пригласила их в комнату и убедила, что они им не помешают.

Шели зашла первой, и мгновенно уловила, что здесь пахло сексом, но виду не подала. Впрочем, слишком сильно затянутый купальный халат на Галь, ее растрепанная копна волос, и покрасневшее лицо ее парня говорили сами за себя. Лиат, затоптавшись от смущения по той же причине на пороге, в конце концов тоже переступила его и сразу же отошла в сторонку.

– Почему вы не позвонили? – спросила Галь у обеих подруг.

– У меня все, как всегда, спонтанно, – заметила Шели, кивая Лиат.

– Сегодня мне никто не звонит, но все – тут как тут, – рассмеялась Галь.

– Это плохо? – попыталась подколоть ее Лиат, которая стояла, тайком кусая себе губы.

– Почему же? Мне это даже нравится, – возразила Галь, подходя к Шахару и кладя руку на его плечо, словно заявляя, что все у них в порядке. Тот легко обнял ее за талию.

Их объятие выглядело убедительным, но что-то во взглядах обоих не вызывало в нем доверия. Их взгляды говорили скорее об утомленности, чем об эйфории чувств.

– А что сейчас делает Хен, почему он не с вами? – спросил молодой человек, ища тему для разговора.

– Шахар, если б я только знала, – улыбаясь, парировала красотка Шели. – Сегодня мы с ним не собирались встречаться.

Она присела на кровать хозяйки и, раз уж оказалась здесь, то завела разговор на разные темы. Приятели вспоминали кемпинг, смеялись над выходками братишки Лиат, обсуждали последний коллаж Галь, тот, что висел на доске у администрации. Во время всей беседы, Лиат беспокойно гуляла по комнате, дотрагивалась до предметов.

– Эй, Лиат, что ты мельтишишь нам перед глазами? Садись, – недоуменно воскликнула Галь, предлагая ей место возле себя и Шели на кровати.

– Я разминаюсь, – небрежно ответила та, останавливаясь у стола. – Целый день бесподъемно просидела над уроками, пока вдруг не появилась Шели.

– Ты, как всегда, в своем репертуаре! Но разве я тебе помешала? – укоризненно бросила та.

– Нет, не помешала, – настойчиво отозвалась Лиат, но в ее голосе прозвучали недовольные нотки. – Наоборот, я была рада отвлечься. – Она протянула руку и подняла лежавший ниц снимок Галь. – Почему он упал? – прозвучал ее невинный вопрос.

– Не знаю, – тихо промолвила Галь, ловя себя на том, что она и не заметила, как ее снимок оказался на столе, и как они с Шахаром, в пылу страсти, его опрокинули.

Шахар, не говоря ни слова, принял фотографию из рук одноклассницы и поставил ее на место, на этажерку, рядом с их совместным с Галь фотопортретом. При этом он протер ее рукавом и смахнул пылинки. Шели же, при виде его жеста, подавила иронический смешок и сменила тему.

– А в честь чего твоя мама печет пирожки? – бойко спросила она.

– Ах, вас тоже ими угостили? – подхватил Шахар.

– Еще бы! Разве мама нашей Галь может не угостить чем-нибудь прямо с порога? – приснула Шели.

Галь чуть было не разразилась хохотом вслух: ей бы и в голову не пришло думать о маминских пирожках после того, что было между ней и Шахаром каких-то полчаса назад! Тем не менее, она была благодарна подруге за ее умение находить выход из любых неловких ситуаций. К тому же, ей стоило позаботиться о всех своих гостях.

– Пойдемте чай пить! – предложила она звонко, и первой встала, подавая всем пример.

– Да, чай – это было бы неплохо, – глухо согласилась Лиат. – У меня очень болит горло.

– Почему же ты не сказала мне об этом у себя дома? – воскликнула Шели.

– Это сейчас оно разболелось, раньше просто чуть-чуть першило, – объяснила та, поднося ладонь к горлу и нарочито понижая голос.

Ее, действительно, мучила боль в горле, но еще больше болела душа Лиат при виде все еще цепляющихся друг за друга любовников, которым, казалось бы, ничего уже не светило. Сама мысль о том, что все у них могло еще измениться в наилучшую сторону, была ей невыносимой.

– Пошли, напоим тебя чаем, – тут же сказала Галь и заботливо поинтересовалась: – Может, дать тебе таблетку?

– Нет-нет, таблеток мне не надо, – поспешила отказать та. – В целом, я себя нормально чувствую.

– Как скажешь, – пожала плечами ее подруга. – Но чуть что – ты скажи нам.

Лиат поблагодарила ее сдержанной улыбкой.

– Думаю, нам заодно не помешало бы помочь твоей маме, – замолвила слово Шели. – Когда мы вошли, в раковине была целая гора грязной посуды. Как будто бы твоя мама наготовила еды на целый полк.

– Полк – это мы вдвоем, – тонко подметила Галь и направилась в кухню.

Шахар и Шели последовали за ней.

Лиат, на мгновение оставшись одна, убедилась, что никто ее не видел, схватила с полки общий снимок пары друзей, поднесла его к губам и горячо поцеловала застывшее изображение Шахара. От игры светотени в комнате, девушке показалось, что Шахар улыбнулся ей, но у нее не было времени предаваться иллюзиям. Поэтому она быстро вытерла отпечаток своих губ и побежала за остальными.

Тем временем, вся посуда на кухне была вымыта, кроме нескольких кастрюль и противней. Эту тяжелую работу взял на себя Шахар. Он был счастлив помочь, потому, что ему казалось, что таким образом он сможет еще больше очистить свою совесть. Шимрит поощрительно вручила юноше мыльную губку, заметив, однако, что уборки, как правило, являются задачей домохозяйек, хотя иногда они полезны и мужчинам.

– Моя мама никогда не убирает сама, – ответил парень. – Для этого у нас есть помощница.

– К сожалению, никакие помощницы мне не по карману, – вздохнула Шимрит. – Вот моя единственная помощница! – и она кивнула в сторону Галь, при этом поглядев на нее с любовью, какую способна выразить взглядом только мать.

Галь тем временем кипятила чайник, чтобы приготовить недомогающей Лиат чай. А та сидела на знакомой с детства кухне, как неродная, проклиная тот момент, когда она позволила Шели вытащить ее сюда. Шимрит обратила внимание ее самочувствие и спросила, что с ней.

– Ничего особенного, – неловко ответила девушка, жмясь спиной к обогревателю. – Просто горло.

– Я уже делаю чай для Лиат, – быстро вставила Галь. – Кому еще? – окинула она взглядом маму, Шахара и вторую свою подругу.

– Давай для всех, – взяла шефство над товарищами Шели, раскладывая пирожки на широком блюде и выполняя прочие просьбы хлебосольной хозяйки.

– Сейчас подам апельсины, – засуетилась Шимрит. – Они полезны при простудах. В этом сезоне многие болеют. Надо бы купить витаминчиков.

– Шимрит, как ты заботишься о нас! – восхищенно воскликнула Шели.

– Конечно! Вы все мне как дети. Ведь вы же росли у меня на глазах, – не без удовольствия, искренне отозвалась та.

Да, невзирая на хмурость Лиат, атмосфера на кухне царила домашняя, как в старые добрые времена, когда эти ребята, еще семиклассники, собирались под крылышком матери Галь, часами обсуждая свои, исполненные детской беспечности и наивности, истории. Теперь они выросли, и их истории, равно как и их жизни, потеряли свою прежнюю беззаботность. Но, все равно, бывшая душевная атмосфера заколдовывала всех присутствующих, привыкших считать себя близкими людьми.

– А вот и чай, – проговорила Галь, наливая кипяток в стакан, который подала Лиат, а вслед за этим с легкостью наполнила еще четыре чашки.

Вскоре Шахар закончил с кастрюлями и противнями, вытер руки, и присел к накрытому столу справа от своей девушки. Он поработал нелегко, зато почувствовал себя непринужденно. Парень до краев наполнил тарелку Галь, потом свою, и стал есть с аппетитом. Помимо чая с пирожками, из угощений на столе были нарезанные апельсины, несколько горячих блюд и салаты.

За столом приятели активно делились последними событиями. Опять им вспоминался кемпинг, особенно, как ни странно, Шахару. Потом Шимрит поинтересовалась у юноши, как обстояли дела с его эссе, и получила твердый ответ, что оно удалась на славу. Услышав это, Галь сочла нужным промолчать, а Лиат мужественно снесла очередной удар.

– Не мог бы ты мне объяснить, – снова заговорила Шимрит, – почему больше никто из всего класса не взялся за такую работу?

Шахар, почувствовав скрытый подвох, нашел в себе силы сгладить и этот острый угол:

– Потому, что этот бонус не входил в обязательную программу, и никто в период сессии не хотел браться за него. Ну, а я давно уже интересовался темой, на которую написал свою работу, и решил использовать ради нее эту возможность. Не было бы интереса – ничего бы не было.

Обтекаемый ответ молодого человека сполна удовлетворил и Галь, и ее мать. Сам же Шахар обрадовался, что с честью вышел из внезапного тупика. Ему было плевать, что пришлось сказать полуправду, главное, что в истории с его эссе была, наконец-то, поставлена точка.

– Между прочим, – энергично заговорила его девушка, забегаая дорогу, – Одед мне как-то говорил, что тоже хотел писать такое эссе, но по литературе.

– Разве? – удивилась Шели.

– Да, – подтвердила Галь, – он мне сам это сказал.

– Почему же он тогда не написал его?

– Из-за того, о чем только что упомянул Шахар. Нагрузка, сессия.

– Вот лентяй, – многозначительно усмехнулась Шели, уплетая горячие закуски.

– Никакой не лентяй! – запротестовал Шахар. – Сегодня мы с Галь случайно узнали, что наш Одед, оказывается, поэт!

И он рассказал о случае с выпавшим из тетради Одеда листком.

Его рассказ был выслушан при полном внимании со стороны пораженных слушательниц, а Галь все время поддакивала ему.

– Это ж надо!.. – протянула мать Галь, потягивая свой чай. – Нет, правда, хороший стих?

– Я не очень разбираюсь в поэзии, – сказал Шахар, – но мне он понравился.

– И мне, – подхватила Галь, – но мне он показался очень грустным. Там были такие фразы: "Тоска останется со мной".... "Мне одиноко".... "Каждый должен нести свою тяжесть". ... Что-то в этом духе. Не слишком оптимистично. "Я не один, я с близкими людьми".... Так ведь он начинался? – обернулась она к своему другу.

– Кажется, так, – кивнул тот.

– Интересно, почему же Одед скрывает свой талант? – непонимающе заметила Шимрит. – Если все так, как вы говорите, то ему надо публиковаться, может быть, в вашей школьной газете или в каком-нибудь молодежном журнале. Почему бы и нет? Его бы заметили, может, это дало бы ему путевку в жизнь.

Окончательно выбитая из колеи Лиат, которой очень хотелось вновь переключить внимание на себя, немедленно перехватила инициативу:

– Я не читала стихов Одеда, но я знаю его самого. Этот парень вечно витает в облаках, живет в своем внутреннем мире, и никогда не рассказывает о том, что творится в его голове. И, если он сочиняет стихи, то, наверное, не о природе и о погоде, а сам надумывает себе свои сюжеты. Стоит ли ожидать, что он решится понести свою писанину в журналы, если даже нам, своим друзьям, показывать ее не хочет? – протараторила она осипшим голосом.

– Значит, ты полагаешь, что это стихотворение Одеда неправдивое? – переспросила Шимрит, не скрывавшая своего удивления.

Лиат, прекрасно понимавшая в душе, что Одед не солгал ни в единой строчке, тем не менее недоверчиво пожала плечами, не спуская воспаленных глаз с Шахара и его девушки.

– Я так не считаю, – мгновенно выпалила Галь, всем своим видом выражая недоумение. – Этот стих, сам его заголовок, не показались мне надуманными. Уж очень все в них было реалистично. Даже искренне.

– Почему ж тебе так показалось? – сухо возразила ей Лиат. – Что же в нем такое было, что ты купилась на фантазии Одеда? Мне просто хочется понять.

– Лиат, поскольку ты не читала этот стих, то нам будет сложно тебе объяснить, – перебил ее Шахар, стараясь избежать нового конфликта. – Но написано было душещипательно.

– Для поэта необязательно быть во всем искренним. Главное – вызвать сочувствие. Верно? – подытожила Шели, которую напряг спор, затеянный Лиат.

– Давай завтра спросим об этом у Даны, – кивнула ей Галь и потесней прижалась к Шахару.

Покоробленная Лиат, которой хотелось развить эту тему, смирилась с нежеланием приятелей говорить об их общем наболевшем. Уткнувшись в чай, который щедро наливала ей Шимрит, она стала молча прислушиваться к застольной беседе на отвлеченные темы. Но в конце концов ей стало настолько плохо, что ни чай, ни работающий всю радиатор, не облегчали ее состояния. Девушку пробрала мелкая дрожь, лицо ее сильно побледнело, глаза налились. Теперь у нее не было сил ни на что, даже на то, чтоб уйти домой.

Охваченная волнением Шели, которая с самого начала вечера досадовала про себя на то, что явилась в гости к Галь без предупреждения, да не одна, а с их общей подружкой, прислонила ладонь к склоненному лбу Лиат и горячо воскликнула:

– У тебя температура! И когда это ты успела заболеть? Почему не сказала мне ни слова, когда я зашла к тебе?

Шимрит Лахав тут же вскочила и побежала к домашней аптечке за жаропонижающим, а Лиат резко произнесла, обращаясь к Шели:

– Сколько раз нужно тебе повторять, что у себя дома я неплохо себя чувствовала?!

Хотя голос ее срывался от кашля, девушка не скрывала своего раздражения, и все это ощутили.

– Поехали! – решила за нее Шели. – Сейчас я договорюсь с папой, чтоб он забрал нас.

И, по давней привычке, чисто формально спросив разрешения у хозяйки, завладела телефоном и несколько минут разговаривала с отцом.

А Лиат пребывала в такой прострации, что не знала, радоваться ей такой заботе о себе, или огорчаться. Сегодня она лишний раз убедилась, что никаких надежд на Шахара у нее не было и не должно было быть. Перед уходом, она сознательно сторонилась не только юношу и Галь, но и Шели, якобы чтоб не заразить, а на самом деле оттого, что сгорала от стыда.

Когда ж за этими двумя закрылась дверь, и Шахар, Галь и ее мать вновь остались одни, то еще некоторое время испытывали жгучую неловкость из-за Лиат. Им хотелось понять причины ее раздражения, но в итоге они все сошлись во мнении, что все упиралось в плохое самочувствие той, и что в общем и целом, вечер в тесном кругу прошел весело и удачно. Шахар помог своей подруге и Шимрит убрать со стола и также заспешил домой. Час был отнюдь не ранний.

– Приходи еще, почаще делай нам сюрпризы! – ласково сказала Шимрит. – Ты же знаешь: мы всегда тебе рады.

– Конечно! – с удовольствием ответил юноша и привлек Галь к себе, на прощание.

Шимрит бегло осмотрела остатки ужина и угостила Шахара последним пирожком. Пирожок был еще еле теплым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.